

С. Липкин

Слово и камень

Избранные переводы
из узбекской
поэзии

Издательство литературы и искусства
имени Гафура Гуляма

ТАШКЕНТ

1977

Уз
Л 61

Художник А. Багдасарян

Липкин С.
Слово и камень. Избранные переводы из узб. поэзии. Т.,
Изд-во лит. и искусства, 1977.
472 с.

Уз

В книгу «Слово и камень» вошли наиболее яркие переводы из узбекской классической и современной поэзии, осуществленные С. Липкиным на протяжении почти четырех десятилетий и ставшие достоянием русской литературы.

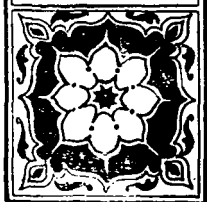
Л 70 402—120 Доп.—77
352 (06)—77

© Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма,
1977 г. (Составление и оформление)

ЛУКАВАЯ ЦАРЕВНА

НАРОДНАЯ
ПОЭМА

Поэма записана со слов народного поэта-сказителя
ФАЗИЛА ЮЛДАШ-ОГЛЫ

ГОРОГЛЫ ВСТРЕЧАЕТСЯ С ЛУКАВОЙ ЦАРЕВНОЙ

Был в стране Чамбиль храбрец Гороглы. Был он богатырь, достойный хвалы. Славился он отвагой львиной. Было у него всадников четыре сотни тысяч с половиной, все бесстрашные души. Был у него Саки-бульбуль копящий. Было сорок у Гороглы военачальников — соратников-сопечальников.

О Гороглы, о его необыкновенной силе повсюду с восторгом говорили: мол, рассекает камни рукой — вот он какой! Равных, мол, нет ему на свете. Если плакали малые дети, матери говорили: «А ну, замолчи, не то Гороглы придет в ночи!»

Был у него исфаганский меч, голову быстро снимал он с плеч, лезвие меча было напоено отравой: да погибнет недруг в битве правой! Дни Гороглы были светлы, горя не знал султан Гороглы.

Однажды в саду, в тени виноградников, созвал он сорок своих всадников, Аваза, Хасана, служивых людей и крикнул:

«Конюший Саки! Поскорей копя оседлай мне в услуду.

На Гырата я сяду, поеду на озеро Шакар. Барабана грянет удар, сокола я запущу, в воздухе он покрутится, и попадет мне в руки утица, угощу я сорок воинов горячим наваром!»

Саки-бульбуль ответил с жаром: «О Гороглы, ты меня прости, но сейчас наступил «Месяц пути». В этот месяц из разных обитателей ушли восемнадцать святителей — и не вернулись обратно. Слова мои не толкуй ты превратно, но уж если святые пропали бесславно, то ты не вернешься подавно».

Поглядите на Гороглы, разгневался люто. Усы его стали торчком, как будто ударил мороз. Гороглы произнес: «Ты мое рвение охладить захотел!» — и на конюшего грозно он поглядел. От гнева так задрожал повелитель строгий, что в землю по щиколотку вошли его ноги. Саки-бульбуль, напуганный яростью этой пламенной, поспешил к конюшне каменной. Крик Гороглы вошел в его уши. Взял коня за повод конюший, но конь Гырат схватил его за кушак и ударил о землю. Саки-смельчак девять раз перевернулся, еле встал и сказал Гырату:

«Ну погоди, узнаешь расплату! Узнаешь удар мой стрелы, заплачет о тебе Гороглы, дождешься ты смертного часа, продам половину твоего мяса, на целую теньгу на торгую, сам я съем половину другую!»

Саки не склонен был к хвастовству. Сказал — и натянул тетиву. Стрела взлетела, как молния, заблестела, каменную копьоню пробила насквозь. У коня Гырата сердце затряслось, на пол упал он, страхом обмят. Пока в себя приходил Гырат, конюший, молчание храня, схватил за повод коня, успокоил его понемногу, оседлал, снарядил в дорогу, привел к своему господину.

Сел Гороглы на коня, взглядом окинул долину, на руки сизого сокола взял, конюшему слово сказал:

**«Что сказал я, то менять я не люблю.
Мчаться к озеру коня потороплю.**

Сразу сокола в полет я устремлю,
Сорок воинов своих я накормлю,
В гнев голову Саки я отрублю!»

Гляньте-ка на Гороглы, он и как всадник славился!
На коня посещно вскочил, в дорогу отиравился. Приехал
он в степь, что называлась Зебит. Озеро Шакар ярко блестя.
Барабана грянул удар, взвился сокол над озером
Шакар, оглянулся Гороглы вокруг — твердыню увидел он
вдруг. Поскакал Гороглы по равнине, подъехал к твердыне,
и возникло перед ним чудо: ворота из чистого изумруда,
из камня багдадского стены крепостные, зубцы на стенах
стальные. Раскрыл он ворота, въехал во двор, а там спелые
яблоки валяются, как сор. Войстину дивный уют!
Чудесные розы цветут, летают соловьи, друг другу поют
песенки свои.

Три дворца привлекают сердца: каждый из них многобашенный,
сверху донизу разукрашенный, одеял удивительна пестрота,
— для гостей приготовлены места, райские напитки стоят
в избытке, земля водою полита. Чтоб увеличилась красота,
устроены с бахромой балдахины. Под ними — горлянки,
щебет соловьяный, сорокопуть, аист, в единственный сапожок
обутый, собирается играть, песни петь, перед ним — всякая
снесь.

Застыл Гороглы, глядя удивленно. Внезапно голубка
слетела с небосклона и на ковре золотом обратилась в
красавицу с маленьким ртом. Строен стан ее высокий, как
яблок, щеки, до пояса — черная коса, сводит с ума ее
краса. Сказал Гороглы:

«Я богат, блистаю в шелковом тюрбане,
Но лицо мое желтеет от страданий,
О красавица, предел моих мечтаний,
О, привет тебе, привет! Откуда ты?»

Подо мною мой скакун крылатоногий,
На боку — алмазный меч, мой спутник строгий,
Я молю тебя в смятенье и тревоге:
Солнце жизни, юный цвет, откуда ты?

Волшебствам твоим не вижу я границы,
Пальцы выкрашены хной у чаровницы,
Зулейха моя, страшусь твоей темницы,
Как Юсуфу, дай ответ: откуда ты?

Будут весны, будут ливни, будут грозы,
Соловей сойдет с ума при виде розы,
Будут первые восторженные слезы,
Без тебя мне счастья нет: откуда ты?

Я стою перед тобой, как пленник нищий,
Грудь мою ты превратила в пепелище.
Чтоб твой город отыскать, твое жилище,
Обойду я целый свет: откуда ты?

Никогда тебя, клянусь, я не забуду.
Я готов тебя всю жизнь искать повсюду.
Ты возникла предо мной, подобна чуду,—
Кто ты? Как найти твой след? Откуда ты?»

Красавица сказала такие слова:

«Ты владеешь тюрбаном, мечом и конем,
Что приснится в ночи, разгадаешь ты днем.
Ты сказал мне, что я, словно солнце, светла,
Но из мрачного Города Тьмы я пришла.

Да и там отыскать мой приют тяжело,
Против рода людей я замыслила зло,
Я оттуда явилась, где вечная мгла,
Из могилы пришла, из могилы пришла!

Снова розы весной запылают, как жар.
Прозывается мать моя — пери Сппар.
Мой отец — Касымшах, он годами не стар,
А в Стамбуле подруга моя Зульфизар.
В Туркестане всегда обретаемся мы,
Приезжай, Гороглы, я из Города Тьмы!

Ты бурлишь, как река, что бушует в пути.
Не страшись — и до нас ты сумеешь дойти.
Перевалишь ты триста и семьдесят гор
И тогда Кызылкумов увидишь простор.
Ты достигнешь Весенней Горы на заре.
Дэв Баймак обитает на этой горе.

Этот путь шестьдесят продолжается лет,
Но, преград не боясь, ты отыщешь мой след.
Пусть дорога к Лукавой Царевне трудна,
Ждет царевна тебя, не обманет она!
Жаркий зной победы и дыханье зимы,
Приезжай, Гороглы, я из Города Тьмы!»

Красавица, сказав это слово, обратилась в голубку снова, устремила в синюю высь. Вслед за ней в небеса взвились вместе с дворцами, садами, коврами стены твердыни. Гороглы в глубокой кручине отпустил своего сокола, снял с него бубенчик, сказал: «Полети, мой птенчик, зачем тебе делить мой печальный удел!» Сизый сокол в небо взмыл, улетел.

Скорбью душа Гороглы объята. В сторону Чамбия повернул он Гырата. Вот, на гриву коня склоняясь, он скачет и говорит — не говорит, а плачет:

«Родной мой копь, уйдем с тобой отселе,
Кто на тебе сидит, достигнет цели,
Ты поскорей доставь меня в Чамбиль.

Поехал я дорогою степною,
И девушка предстала предо мною.
Что делать мне? Я от любви изною.
Ты поскорей доставь меня в Чамбиль.

Пока я от разлуки не избавлюсь,
В огне любви сгорю я и расплажусь!
На поиски возлюбленной отправжусь,
Ты поскорей доставь меня в Чамбиль.

Скачи, мой копь, скачи быстрее лани,
Твой корм — кишмиш, ты — счатья вестник
ранний,
Хозяин твой достигнет всех желаний,
Ты поскорей доставь меня в Чамбиль».

Прибыл Гороглы в Чамбиль на закате, верхом на взмыленном Гырате. Смотрит Саки — всадник вернулсЯ без дичи, и не то что добычи — даже сокола у него нет. Устал верховой, движется конь еле живой. Саки за повод схватил скакуна, возликовала душа его, счатья полна, сказал он: «Гороглы, ты в своем ли рассудке? Где же тут утки, что хотел ты настрелять на озере Шакар? Где же тот навар, который ты обещал приготовить сорока твоим воинам? Ты назад приехал с сердцем расстроенным, а мне ты грозил, что снесешь голову с плеч. Хороша ли была твоя речь? Где же добыча твоих рук?»

Сказал Гороглы: «Саки, мой друг, я пригрозил тебе сгоряча, в гневе крича. Ты мне поверь, в этих словах я кажусь теперь».

Так сказав, он вручил копя конюшему Саки и, полоп тоски, направился в молельню. Десять дней пребывал он в ней.

Пошли среди туркмен раздоры, распри и споры. Дядя Гороглы, по имени Ахмад, собрал свой верный отряд и сказал: «Посмотрите, мои джигиты, каков Гороглы имепитый! Не получился из него бек, викудышный он человек. Лучше меня посадите на ковер, пойдет у нас другой разговор, не будет у туркмен ни распрей, ни ссор. Разве я чужд величию? На престол Гороглы, по обычаю, поднимите меня. Буду я править, справедливость храня, от Гороглы не боясь беды, не опасаясь его вражды».

АВАЗ ОТПРАВЛЯЕТСЯ В ДЕРЖАВУ ТЬМЫ

Эти слова услышал Аваз. Пришел он в молельню в закатный час. Увидел сын Гороглы, славный джигит: отец его грудью к земле сырой лежит. Сказал Аваз, проливая слезы из глаз:

«Внемли мне, отец мой, очей моих свет!
Устроили беки и ханы совет.
Воспрянь и развея клевету и навет,
Не то навсегда потеряешь Чамбиль!

Отец мой любимый, отец мой родной,
Молясь, не забудь о заботе земной.
Воспрянь, приступи к управленью страной,
Не то навсегда потеряешь Чамбиль!»

Ответствовал Гороглы:

«Какое известье, Аваз, ты принес?
Усы мои стали торчком, как в мороз!
Пока я живу, я не прах и не пыль.
Кто может в мой город прийти, в мой Чамбиль?»

Ужели на розы дохнула зима?
Ужели внезапно сошел я с ума?
Ужели враги перешли рубежи?
Да кто они? Сын мой, всю правду скажи!

Играл подо мною арабский гулпар,
Сипел предо мною прохладный Шакар.
Прекрасная пери пленила мой взор,
И нет мне покоя и счастья с тех пор!»

Авазхан обратился к отцу с такими словами:

«Послушай, отец, обещанье даю:
Доставлю тебе чаровницу твою.
Как девушка, строен скакун твой Гырат,
На нем с лунолицкой вернусь я назад.
Исполню я слово, отец дорогой,
Тебе я до смерти пребуду слугой».

Сказал Гороглы:

«Отважный пожертвует жизнью в бою
И кровью окрасит он саблю свою,—
Но так не служи мне, мой сын, мой Аваз!
Вот всадник по горной теснине летит,
Но стонет булатом пронзенный джигит,—
Ты так не служи мне, мой сын, мой Аваз!»

Ответствовал Аваз:

«Я горько рыдаю,— да слышит творец.
Тебе сослужу эту службу, отец!
А если помочь не сумею в беде,
Да буду я проклят на Страшном суде!»

Тут Гороглы сказал: «Эти слова ты напрасно изрек. Теперь услышал твою клятву пророк. Теперь, что бы ни случилось, ты должен объездить мир беспредельный».

Вышли отец и сын из молельни. Призвал Гороглы Саки-бульбуля и сказал ему: «Мой цветок, которым украшен цветник, мой соловей, который к розе приник, мой говорящий правду сладкий язык,— собирается мой сын Аваз, мой друг задушевный, отправляется в Державу Тьмы за Царевной. Едет мой сын в неведомый край, ты Гырата-коня, для него оседлай!»

Пришел Саки в конюшню, а Гырат заржал весело, бодро. Жиром налились его бедра, грива поднялась повыше ушей, уши насторожились, как ворхи камышей, был птице подобен конь знаменитый, глаза его, как блюда, широко раскрыты.

Саки-бульбуль расседлал коня, поскреб, почистил, опять оседлал и по хозяйскому приказу привел Гырата к Авазу. Аваз облачился, как воин знатный. На боку его — меч булатный, исфаганский, подобный змее. Чтобы к неведомой помчаться земле, вскочил Аваз на коня лихого. Сказал ему отец напутственное слово:

«Милый мой Аваз, поезжай в добрый час. Я слышал от Царевны, от этой Лукавой: до страны, что именуется Мрака Державой,— шестьдесят лет продолжается езда. Шестьдесят туда, шестьдесят обратно, да и там проживешь ты лет шестьдесят,— когда же ты возвратишься назад? Через сто восемьдесят лет? У людей такого возраста нет! Знаю заранее, что не хватит мне жизни на ожидание, да и ты не должен провести всю жизнь в пути ради того, чтобы жеспу мне найти! Уж если в дорогу погнал ты Гырата, скажи мне срок своего возврата».

Сказал Аваз: «Отец мой! В той державе я не бывал, на базарах ее не торговал, на пирах ее не пировал,— что я могу тебе сказать? Не видя ее путей-дорог, могу назвать лишь примерный срок».

Милый отец мой, эти запомни слова:
Если пребудет целой моя голова,
Через шестнадцать месяцев я возвращусь.
Если крылатым будет мой конь босвой,
Если не буду сломлен коварной судьбой,
Через шестнадцать месяцев я возвращусь.

Если же в битве сыну изменит булат,
Если с удачей не возвращусь я назад,—
Через шестнадцать месяцев не возвращусь,—
Знай, что навеки кончились муки мои,
Что онемели сильные руки мои,
Знай, что увял я, знай, что обрел я конец,
Знай, что погибли сын твой и твой бегупец,
Знай, что в могиле рядом их кости лежат,
Если с Царевпой не возвращусь я назад,—
Через шестнадцать месяцев не возвращусь!»

Гороглы повеселел разом: хорош был срок, назначенный Авазом!

В городе Чамбиле Аваза любили, благословил его в дорогу народ: «Поезжай счастливо вперед, вернись, достигнув цели!» Юному всаднику добра хотели.

Когда в дорогу отправился Аваз, собрал Ахмад свой верный отряд и сказал: «Гороглы отдал Авазу Гырата, чья душа крылата. Аваз упорен, сила есть в его длани, достигнет он исполнения желаний. Этот сын потаскухи врагов победит, приведет Царевпу, повергнет нас в стыд. Эй, джигиты, есть ли храбрец среди вас? Поехал по длинной дороге Аваз, а тот, кто окажется смельчаком, кто поедет напрямиком, тот Аваза обгонит и раньше его приедет к горе Палапан. И если есть у него на боку колчан, то стрелу он достанет, Аваза убьет, Гырата, как добычу, возьмет, помчится вперед, Царевпу из Города Тьмы привезет. Кто же из вас отправится в поход?»

Было там два богатыря, Асад и Шадман. Асад был из рода Наймац, Шадман-смельчак — из рода Кишчак. Оба они были меткими стрелками в Чамбпле. Один был стрелок из лука ловкий, другой стрелял из кремневки. Хвалили зренья их остроту, в глаз попадали они птице на лету. Они давно охотились в тех местах, знали все тропинки, ущелья, отроги, все кратчайшие дороги.

Сказали Асад и Шадман: «Наше слово не обман, пусть будет эта служба за нами!»

Владели они проворными конями. Сел один на коня Гаждыма, сел другой на коня Маждыма, полетели быстрее дыма. Один кремневку на плечо повесил, другой свой лук к седлу пристроил. Помчались они вдвоем кратчайшим путем, чтобы Аваза подстеречь и убить.

Каждый погнался своего коня. Едут они три ночи, три дня. Сквозь утренний туман показалась вершина горы Палапан. Посмотрели охотники на перевал, — оказалось, что Аваз еще здесь не проезжал. Охотники местность осмотрели, привязали коней к стволу ели, подумав: «Аваза мы обогнали!» А сами на перевале вырыли яму, вошли в нее по самую грудь, незримые, преградили всаднику путь, зарядили кремневку, приготовили стрелы и лук, стали ждать Аваза, озираясь вокруг.

В полдень Авазхан достиг горы Палапан. Вот он едет, не подозревая о засаде, — ни о Шадмане, ни об Асаде. Говорит Асад:

«Дай мне совет, мой Шадман-молодец:
Едет Аваз, этот наглый гордец, —
Должен ли всадника сбить я стрелой?
Едет на мощном тулпаре храбрец, —
Должен ли бека сравнять я с землей?
Скачет, как ветер, Гырат-бегунец, —
Станет ли нашим скакуп удалой?
Мне ли до Города Тьмы доскакать,
Мне ли красавицу там разыскать,

Мне ли в Чамбиль возвратиться опять,
Мне ли с Царевной вернуться домой?»

Сказал Шадман: «Разве мы прибыли не ради Авазовой гибели? Захочу ли я в спор с тобой вступить, если ты сумеешь Аваза убить?»

Сказал Асад: «Значит, мой черед?» И вот он в руки свой лук берет. Аваз, ничего не подозревая, продвигается вперед.

Стрелу из колчана охотник извлек,
Звеньящий свой лук приготовил стрелок,
Спешит он, убийца, свой лук натянуть,
Авазу он целится в белую грудь.

Быть может, смертельной разлука была?
Как молния, прынула с лука стрела,
Но ты на Гырата-коня подивись:
На сорок аршин устремился он ввысь!

Шадман проявляет уменье свое:
Кремневое он заряжает ружье,
Оно извергает ужасный огонь,
Ложится плашмя удивительный конь.

А пуля высоко-высоко взвилась,
На сорок аршин над конем поднялась.
От пули спасен и спасен от стрелы,
Вперед подвигается сын Гороглы!

Подумал Аваз: «Что за странные дела? Откуда взялись пуля и стрела?» Озирается он вокруг — и знакомых охотников замечает вдруг. Разгневался Аваз, из ножен извлек тонкий, как змея, исфаганский клинок. Крикнул он грозою:

«Эй вы, охотники, рожденные в Чамбиле! Почему вы низко так поступили? Почему вы стреляли в моего коня? Разве вы не узнали меня?

Плакать слезами кровавыми вас я заставлю,
Взмахом меча исфаганского вас обезглавлю,
Вашею кровью под вами я прах окровавлю,—
Как вы посмели стрелять в моего скакуна?

Ваших детей не увидите больше отныне,
Вам приготовиться надо к позорной кончине.
Стали враждебными мне по какой вы причине,
Как вы посмели стрелять в моего скакуна?

Разве добычу увидели вы на охоте?
Что же мне путь преграждаете на повороте?
Знайте, Асад и Шадман: вы сегодня умрете!
Как вы посмели стрелять в моего скакуна?»

Устрашенные могучим Авазом, оба охотника разом потеряли свой разум и сказали:

«Мы исполняли чамбильского шаха приказ,
Мы проверяли — труслив иль отважен Аваз.
Мы не сердись: пошутили с тобой, как друзья.
В шутку стреляли из лука, потом из ружья.

Знай: караван оставляет следы на снегу,
Знай: для коней вырастает трава на лугу,
Знай: мы не вправе нарушить владыки приказ!
И ты не зря на лету попадаем мы в глаз,
Мы на охоту стремимся кратчайшей тропой,
Мы не сердись: мы, Аваз, пошутили с тобой!»

Спросил Аваз, глаза в них вперив: «Ну, как по-вашему, я отважен или труслив?»

Сказали охотники: «Ты, оказывается, смельчак».

Ответил Аваз: «А если так, то идите вы своей дорогой».

Приупыли охотники от речи строгой. Подумали, чуть не плача: «В этом месте постигла нас неудача. Быть может, если мы с ним дальше поедем, то где-нибудь в месте другом в удобное время его мы убьем?» Сказали охотники:

«Далско ли ты держишь путь, Аваз? Не возьмешь ли в спутники нас? По земле пройдем, погуляем втроем!»

Аваз бросил на них гневный взгляд: «Возвращайтесь вы своей дорогой назад, не поеду я с вами никуда, больше, чем пользы, от вас мне вреда».

Стрелки в ответ:

«Какой может быть от нас тебе вред? Не просим у тебя ни копей, ни пищи про запас,— и копи свои, и пища своя у нас».

Отвечает Аваз:

«Ну, если так, то поезжайте вперед».

Стрелки возражают:

«Кто мы такие, чтобы впереди тебя ехать в поход?»

Так и поехали втроем: Аваз — впереди, охотники — позади. Поехали в Город Тьмы, чтобы со славою вернуться оттуда с Царевной Лукавою.

Бесконечна, пустынна дорога. Стрелки отстали немного. Вот они шепотом друг с другом говорят. Обращается к Шадману Асад:

«Осень наступит, и розы увянут в саду.

Злая судьба на Аваза пизвергнет беду.

Осень для черного дела не выбрать ли нам?»

Будет он плакать, смятением и страхом объят,

Будет он прахом, одним только мертвым собрат,

Станет тогда достойным нашим Гырат,

Осень для черного дела не выбрать ли нам?»

То, что они шепчутся, заметил Аваз. Поводья коня своего попридержал он тотчас. Крикнул: «А ну, скачите побыстрей, двое охотников-богатырей!»

Втайне стрелков душит злоба, но покорно подъехали оба, низко склонясь перед юным храбрецом, перед его разгневанным лицом. «Вперед!» — закричал Аваз. В руках у него — острый булат. Поскакали: впереди — Шадман и Асад, позади — Аваз.

Сорок дней и сорок ночей гнал Аваз стрелков-силачей. Устали охотники, обессилели, все дороги им опостытели. Вот наступает вечерняя пора. Перед всадниками — Дербент-гора, в небо вонзает она пятьсот хребтов. Асад и Шадман сразу же сняли одежды, смежили вежды, забылись живительным сном. Только Аваз не разделся, прилег рядом с конем. Хотел он вздремнуть, — и его истомил трудный путь, — да Гырат его все время кусает, не дает заснуть. Подумал Аваз:

«Конь все время меня кусает в лицо и грудь, не дает вздремнуть. Что это такое? Либо мне враги эти двое, либо есть поблизости враг. Это место многим внушает страх, за Дербент-горой, по ту сторону гряды, простирается Пустыня Беды. Взберусь-ка я на вершину, окрестность взором окину. Если ни на горе, ни в Пустыне Беды не смогу обнаружить вражеские следы, если там земля пребывает в покое, значит, мне враги эти двое, вернусь — и мой исфаганский меч снимет у них головы с плеч. А если в пустыше врага я найду, то я от них отвращу беду».

Сел Аваз на коня, взобрался на вершину Дербент-горы, увидел при свете звезды: что-то мельтешит в Пустыне Беды. Подумал Аваз: «Что это издали виднеется? Поеду-ка я туда не спеша, погляжу, что это там за живая душа».

ЕДИНОБОРСТВО АВАЗА И МАКАТИЛЯ

Едет-едет Аваз, а перед ним — овраг. Из оврага появляется не спутник, а враг, не на коне, а на слоне. Выглядит он силачом, ногами, свисающими со слона, пашет он землю, как омачом. В усах и взлохмаченной бороде столь-

ко щетинится волос, что не видны за ними ни рот, ни нос.
«Будь что будет», — решил Аваз и задал ему вопрос:

«Неверный язычник, услышь мою речь:
Тебя покарает мой праведный меч!
Откуда ты родом? К какой стороне
Направился ты на свирепом слоне?

Играет ретивый скакун подо мной.
Что делаешь ты на дороге степной?
В какую страну ты спешешь на слоне?
Мой недруг, всю правду поведай ты мне!»

Всадник, оказавшийся врагом, на слоне восседающий верхом, выслушал эти слова. Могучие веки приподняв сперва, открыл он глаза, глядит — перед ним совсем молодой джигит.

Подумал сидящий на слоне: «Ишь, какой наглец! «Куда ты едешь?» — спрашивает юнец, а сам, наверно, пищу везет жнецам. Папи падишах мне говорил: «Узбек таков — сам с муху, а кричит на врагов! Только ты не бойся его угроз!» Верное слово падишах произнес! Раньше такие вот юнцы, увидев мой лик густоволосый, не задавали мне вопросы, убегали от меня, страхом утрачены, как будто от самого сатаны. А этот молокосос не только не дрожит, а еще задает мне вопрос: куда, мол, едешь? Ах ты, козявка, приметная едвал!»

И говорит он такие слова:

«Беззвездная полночь — влюбленных держава.
Мой вздох и слеза для врагов — как отравы.
Тот едет налево, а этот — направо,
Как смеешь ты спрашивать, кто я такой?

Чуть виден твой конь, то не конь, а кузнечик,
На нем, как мураш, ты сидишь, человечек.

Прочь, низкая тварь! Разве ты мне советчик?
Как смеешь ты спрашивать, кто я такой?

Твой пегий копек пропадет в моей глотке,
Тебя разорву, превращу я в ошметки,
Айда, разговор мой с тобою короткий:
Убив тебя, вряд ли найду я покой.

На спешной дороге — следы каравана,
Есть корм для коня: зеленеет поляна.
Мой край — Арбатин. Я скачу неустанно,—
Назвал падишах меня верным слугой.

Мне надо покопчить с Чамбилем проклятым.
Страпу Гороглы рассеку я булатом,
В добычу возьму я Аваза с Гыратом,—
И только тогда обрету я покой!

Мне шах обещал: «Если, грозных осия,
Аваза ты мне привезешь из Чамбиля,
Я дочку отдам за тебя, Макатпя,
Сто пять ей годочков, моей дорогой!»

С Авазом вернусь я дорогой обратной,
Чамбиль уничтожу я сталью булатной,
Я еду в Чамбиль по причине понятной,
Страпу я наполню спротской тоской.

Везде разольются кровавые реки,
Я меч подниму — и погибнут узбеки,
Узбекский народ истреблю я навеки,—
Теперь понимаешь ты, кто я такой?»

Подумал Аваз: «Это опасный враг. Он может Чамбиль превратить в прах. Будь что будет, а с места я не сойду, не пропущу в Чамбиль эту беду».

Сказал Аваз:

«Вот гогочут гуси, с озера летят.
Есть в степи козлята, много там ягнят.
Подо мной играет мой скакун Гырат,
Ты меня послушай, воин Арбатина.

Гороглы — отец мой, пред тобой — Аваз,
Я служу народу, смел и остроглаз.
Недругов ищу я каждый день и час,
За тобой охочусь, воин Арбатина.

В Арбатин дорогу выбрал я как раз,
Рассеку врагов я, острый, как алмаз,
Гороглы — отец мой, пред тобой — Аваз,
Тот, кого ты ищешь, воин Арбатина!»

Подумал Макаиль, опуская веки: «Вот какие молодцы, оказывается, узбеки! Как таких победишь? Выдает себя за Аваза малыш! Много я слышал про Аваза, хоть в лицо его не видел ни разу!»

Макаиль сказал:

«Ты пазвал себя Авазом, человеческ головастый,—
Не срамись передо мною, беззастенчиво не хвастай!
Разве может быть Авазом коротыш не больше мухи?
Разве скачет под Авазом жеребенок вислоухий?

В неприятели Аваза я просил себе у бога.
Не видал его ни разу, но о нем слышал я много.
Озаряет он, как месяц, реки, горы и долины.
Ты в сравнении с Авазом — лишь комочек мертвой
глины!»

Подумал сын Гороглы: «Докажу ему сейчас, что я —
настоящий Аваз!»

Так подумав, он сказал:

«Как сокол, мой конь! Супостатам навстречу
Поеду я, — всех истреблю, изувечу.
Устроить мне, что ли, рустамову сечу?
Смотри же: Аваз пред тобой, Макатиль!

Постиг ты меня? Я — победы свершенье,
Я — всех твоих замыслов черных крушенье,
Я тысячам тысяч подобен в сраженье,
Смотри же: Аваз пред тобой, Макатиль!

Я равен дракону, исполненный власти.
Противник любой пропадет в моей пасти.
Любого врага разорву я на части,
Я силы сильнее любой, Макатиль!

Я — сын Гороглы, прозываюсь Авазом,
Я кровь проливаю булатом-алмазом.
Мой недруг злосчастный, ты станешь безглазым,
Погибнешь, вступив со мной в бой, Макатиль!»

Подумал восседающий на слоне: «Одно и то же твердит он мне: «Я — Аваз, я — Аваз!» Может быть, он правду говорит? Но если он — Аваз-джигит, значит, его жеребенок не кто иной, как Гырат, что могуч и крылат. Значит, дело мое идет на лад. Не надо мне скакать в Чамбиль, взметать на дорогах пыль: здесь же сразимся мы с ним один на один, захвачу его, погоню в Арбатин».

Макатиль сказал:

«По следам твоим скачу я в путь далский,
По глазам тебя узнал я с поволокой.
В Арбатин поедешь ты со мною вместе,
Удостоишься ты там высокой чести.

Виночерпия у нас достигнешь званья,
Украшением ты станешь пированья.
Нашей гордостью ты станешь и усладой,—
Так поедем в Арбатин, меня порадуя!»

Сказал Аваз, исполненный гнева:

«Эй, недруг, прекрати свой вздорный крик,
Иначе вырву глупый твой язык!
Я проколю мечом твои глаза...
Теперь мою отвагу ты постиг?

Вступлю с тобою в грозную борьбу,
Святителям вручу свою судьбу.
Абубакир, Садык, Шахимардан,
Даруйте милость вашему рабу!

В огне разлуки я сгорю от ран.
Молю, великой скорбью обуян:
Даруйте милость вашему рабу,
Ко мне, ко мне, Дауд и Сулейман!»

«Видно, вправду,— сказал Макадиль,— ты решил стать
воителем, если за помощью обратился к святым покрови-
телям. Ну что же, у нас тоже есть неплохие покровители
святы. Обращу-ка я к ним слова такие:

Я горько-горько плачу на чужбине.
С Авазом биться буду я в пустыне.
О наши боги, золотой и медный,
Прийти на помощь мне должны вы ныне.

Проверю я способность вашу к чуду,
А если я победы не добуду —
Святой из дуба, идол из коряги,
Вотщу вас в прах и буду клясть повсюду!»

Приготовились всадники к битве. Вот Аваз говорит:
«Я — молодой джигит, а ты — старик, скоро смерть к тебе придет. Уступаю тебе черед».

Сказал Макаиль:

«Зачем ты мне уступаешь черед, Аваз? Ударю я тебя раз, и кончатся твои дни. Лучше ты первым начни».

«Нет,— ответил Аваз,— еще не настал моей смерти час. А ты старше, ты — седобород, уступаю тебе черед».

Аваз прикрыл голову щитом. Воскликнул Макаиль:
«О Лат, я дерусь без обмана!»— и обрушил на Аваза палицу весом в три батмана. Он думал, что противник свалится, но, как зерна проса, рассыпалась палица.

С бешенством на противника глянув, замахнулся Макаиль палицей весом в шесть батманов, но и она, как зерна проса, рассыпалась на мелкие части. «О Лат!— воскликнул Макаиль.— Теперь враг в моей власти!»— И замахнулся он палицей в десять батманов. Но и эта палица, как зерна проса, рассыпалась на мелкие части. Погасло Макаиля счастье!

Пришел черед Аваза. Из ножен юноша извлек змеиной жалый алмазный клинок. Объяли Макаиля страх и тревога. Прикрылся он десятислойным щитом из кожи носорога. Аваз, восхваляя аллаха, ударил Макаиля по голове мечом со всего размаха. Вражью голову до самых плеч рассек алмазный меч. Тут еще больше разгневался Аваз. Выдернул он свой булат-алмаз и снова нанес удар и рассек и всадника, и слона пополам. Кровь Макаиля потекла по долам, по холмам. Люди, что жили в низинах той земли, мельницы и крупорушки в движение привели: кровь Макаиля разлилась рекой. От влаги такой подобрела сухая пустынная земля, этой кровью пахари насытили кукурузные поля, получили хороший урожай, повеселел этот край.

Радость Авазом овладела. Сошел он с коня, взглянул на рассеченное пополам тело и сказал: «Кто из отважных, к добру тяготея, такого, как Макаиль, уничтожил злодея?»

Птица-ястреб на гору косую слетела...
Выше всех я, и нет моей силе предела.
Кто свершил, среди шахов, подобное дело?
Силача Кысакоза Чамбиль не забыл.

Угрожал он три года Чамбилю булатом,
Мой отец, Гороглы, начал битву с проклятым,
Завладел он скотом его тучным и златом,—
Но такого злодея никто не убил!

Притеснителей силу отец мой убавил,
Дымом битвы Гырата дышать он заставил,
Он знамена Бекташа свалил, обесславил,
Вражьей кровью пять тысяч знамен окровавил,—
Но такого злодея никто не убил!

Враг ворвался в Чамбиль, полон дерзких мечтаний,
Мой отец Гороглы ополчился для брапи,
Шла три месяца битва тогда в Дагестане,
Мы не можем забыть о Юсуфе-султани,
О могучем бойце Ташатаре-палване,—
Но такого злодея никто не убил!»

* * *

Аваз уничтожает огромное войско Макатиля. С помощью дэва Япрака он и его два спутника покрывают за одно мгновение расстояние длиной в двадцать лет пути. В Кызылкумах у подножья одинокого чинара Аваз встречает двух волшебников. Один из них — странствующий монах по прозвищу Царь-Нищий. По его словам, он был падишахом Чин-Мачипа, но покинул свою страну в поисках Лукавой Царевны. Другой волшебник говорит, что он знаменитый в Руме ювелир Хасан по прозвищу Царь-Златокузнец. Он пустился в странствие, влюбившись в перь Тиллякыз — подругу Лукавой Царевны. Оставив на пути Асада и Шадмана, Аваз, Царь-

Нищий и Царь-Златокузнец достигают владений дэва Баймака. С помощью отрока-царевича, пленника Баймака, они узнают, где находится Город Тьмы. Силою заклинания Царь-Нищий, Царь-Златокузнец и Аваз быстро вступают в город Тьмы. Дэвы и пери создали в этом подземном городе волшебные солнце и луну из алмазов, бриллиантов, жемчугов и других драгоценностей. В колдовском городе «звенели родники, пестрели цветники, трепетали водометы, кругом — поля, пчелиные соты, зеленые луга, а над ними — алмазы и жемчуга».

ЗЛАТОКУЗНЕЦ СОЗДАЕТ ЗОЛОТОГО ЛЬВА

Путники вошли во дворец и увидели: Царевна, обольщающая сердца, сидит на крыше дворца, слышен смех служанок, подруг, красавицы-перы столпились вокруг, играют со свирепым львом: для Царевны Лукавой был он забавой.

Увидев новоприбывших, лев не дал им и вздохнуть, кинулся Царю-Нищесму на грудь. Не испугал он старика: поднял его странник и швырнул за облака.

Возмущенная Царевна отправила отцу жалобу. Написала такие слова: «Три нищих странника убили моего льва. Если есть у вас, отец мой, царские права, то потробуйте с них плату за кровь убитого существа».

Прочитав жалобу дочери, шах Касым тотчас же приказал слугам своим доставить ему этих людей неизвестных, в убийстве обвиняемых. Когда гошцы привели их во дворец, Лукавой Царевны отец, Города Тьмы падишах, свой гнев излил в таких словах:

«Есть у меня единственная дочь.
Подвластна ей таинственная ночь.
Подвластны звери дочери моей,
Подвластны перы дочери моей.

Зачем вы огорчили госпожу?
Винového казнить я прикажу!

Убийцы, вы явились, обнаглев,
Кем умерщвлен моей Царевны лев?
Себя, виновный, к смерти приготовь:
Я плату кровью требую за кровь!
Сейчас прольете слезы из очей,
Я позову жестоких палачей.
Вы оскорбили дэвов госпожу,—
Винového казнить я прикажу!»

Царь-Нищий сказал Касым-шаху:

«Эй, Касым-шах, ты, видно, сумасброд!
Как терпит повелителя народ,
Что кровь за пса убитого берет?
Подобный падишах достоин смерти.

Пес входит к дочери твоей в чертог?
За пса берешь ты с подданных налог?
Ах, твой народ, нищая, изнемог,—
Подобный падишах достоин смерти.

Мы странники, в сердцах у нас любовь.
Кто плату с нас потребует за кровь?
Ты требуешь? Тогда не прекословь:
Подобный падишах достоин смерти.

Цепя в тебе владыку, я пришел,
Не то швырнул бы в небо твой престол.
Я не бессилен, мой удар тяжел,
А ты, о падишах, достоин смерти!»

Рассмеялся Касым-шах и сказал, поглядев на своих
людей саоновных:

«Среди них, оказывается, пет виновных! Это почтенные люди, странники, чьи помыслы святы. Нельзя с них за кровь потребовать платы».

Сказали сановники: «О султан, владыка владык! Тебя оскорбил этот старик. Много дурного наговорил его язык. За одну только речь надо снять ему голову с плеч. Все они трое склонны к злословью, пусть ответят за это своей кровью».

Сказал повелитель подземной державы:

«Мои сановники правы. Эти трое виновны в произнесении непотребных речей. Отдадим их в руки палачей. Скажем палачам: «Обезглавьте оскорбителей моей чести, а тела их повесьте».

Смятение поднялось в Городе Тьмы. Заволновались и сердца и умы. На площади виселицу возвели, толпы туда текли и текли. Дивное зрелище! Пери своей красотой манят, пьянят. «Скоро ли виновных казнят?» — слышатся крики. А пери веселятся, резвятся, прелестны, лунолики.

Прибыл и простой народ — и млад, и стар. Прибыла и мать Царевны — пери Сипар. Неужели погибнут путники в этой колдовской ночи? Вот уже подняли топоры палачи!

Царь-Нищий в ярость пришел, молитву прочел и, стоя с палачами рядом, обвел толпу суровым взглядом. Сказал: «Да будет свыше помощь дана мне!» — и триста тамошних людей превратились в недвижимые камни.

Удивленные силой этой великою, побежали палачи и сказали, представ перед владыкою:

«Один из виновных — чудодей, он превратил в камни триста твоих людей».

«Если так, — приказал Касым-шах, — то приведите их ко мне, расспрошу об их делах».

Палачи привели трех осужденных, на время избавленных от гибели. Спросил их шах: «Откуда вы прибыли? Из какой вы страны? Кто вы — звездочеты, мудрецы, колдуны? Не Царевной ли вы сюда приглашены? Я — Касым-

шах, Городом Тьмы зовется моя страна. А вы кто? Назовите ваши племена!»

Сказал Царь-Нищий, обращаясь к друзьям: «Накопец-то и мы к людям приравнены! Спрашивает шах — кто мы, из какой страны. Негоже оставлять без ответа подобный вопрос».

И Царь-Нищий такие слова произнес:

«Ты речь правдивую послушай, падишах,
Царь-Нищий пред тобой, я странник и монах.
Отрекся я, ушел от бранных дел мирских, 3,5
Но в гнев горда я превращаю в прах.

Наставник жаждущих, учу я в тишине.
Тебе подобные владыки служат мне.
Мои ученики — учителя других,
В обличье странника я здесь, в твоей стране.

Напраслипу на нас Царевна возвела,
Здесь недостойные свершаются дела.
Опомнись, Касым-шах, со мною не шути,
Разрушу город твой, сожгу его дотла!»

Сказал Касым-шах: «Эти люди — святые, презревшие дела мирские. Мы перед ними виноваты: за кровь потребовали платы!»

Касым-шах перед странниками повинился, низко им поклонился. Увидев, что так поступает их владыка, сновники от мала до велика дали им щедрые подаянья, хваля за добрые деянья.

Весть об этом дошла до Царевны. Вспыхнул взор ее гневный, и было прекрасным это пыланье. Отправила она отцу такое посланье:

«Отец, величием богатый! Вы не сумели за кровь истребовать платы, поэтому на несколько дней вручите мне

ваш престол и венец. Взойду я на ваш престол, государь-отец, и потребую плату за кровь убитого льва».

Озадачили Касым-шаха эти слова. Не знал он, что делать, как поступить. Растерялся Касым-шах. Тогда, увидев смущенье в его очах, поднялся Царь-Златокузнец: мол, и моя пора пришла, наконец! Сказал:

«Не печалься, мой султан, службу сослужу царю я,
Старцу пищему поверь, ибо правду говорю я.
Дочь твою развеселю, чудо, чудо сотворю я.

Царство ей не отдавай,— странника услышь седого.
Для твоей Царевны льва я сработаю живого,
И утешится она, льва увидев золотого.

Сроку дай мне сорок дней, только сорок дней прошу я!
Дочь твоя лишплась льва, но Царевне послужу я.
Дай мне только сорок дней, и утешу госпожу я!»

Касым-шах рассмеялся и написал дочери такие слова: «Монахи-странники вручат тебе через сорок дней другого льва, из золота сотворенного, душою наделенного».

А странникам Касым-шах сказал: «Золотого льва сотворите, все, что нужно, берите. А что вам нужно?»

Подумал Златокузнец: «Если Царь-Нищий заговорит — попросит мало. Ну, а мне, работнику, побольше просить пристало!» Так подумав, он сказал:

«Нам нужно золота сорок батманов, риса сорок батманов, сорок жирных баранов, нам нужно много сахара, чаю для заварки. Труд будет жаркий, хорошее жилье для нас отведи, а наша работа — впереди».

Касым-шах дал им все, что они просили. Вот и зажили странники, не тратя усилий. Веселятся, едят, по городу гуляют, никаких забот не знают, а до льва и дела им нет. Что может быть жизнь такой милей!

Так прошло тридцать девять дней. Остался у них один баран и риса один батмап. Тут и говорит Авазхан:

«Вы разгуливаете целый день, шапки сдвинув набекрень, трудиться вам лень, до льва и дела вам нет. Завтра шаху какой вы дадите ответ? Из-за вашей лени придет нам конец!»

Сказал Златокузнец:

«Эй, Авазхан, ставь на огонь казан, растапливай золото, а я вот этой рукой умелю льва тебе сделаю!»

Обратился мастер и к Царю-Ницему: «Режь,— говорит,— барана, без лишних слов, приготовь,— говорит,— плов, а мы до конца доведем беседу, приятную для слуха, наполним брюхо!»

Аваз на огонь казан ставит, золото плавит. Царь-Ницкий тоже умельцу не прекословит, барана режет, плов готовит. А Златокузнец, знаток своего мастерства, начал делать льва.

Вот как Златокузнец делал льва.

Обличья различных птиц соединяя — горлинки, сорокопута, соловья, попугая,— создал он облик львиный. Сработал стан лошадиный. Внутри он сделал ключ заводной, чтобы двигался лев, как живой. Здорово поработал чудодей, такого льва не видел никто из людей.

Друзья были довольны Златокузнецом весьма — этим образцом умения и ума. Поели они плова, сказал мастер Авазу такое слово:

«Послушай, что я тебе скажу. Я тебя внутрь этого льва посажу. Когда кто-нибудь сядет на льва, Аваз мой родной, покрути ты ключ заводной. Покрутишь чуть-чуть — лев шагом пустится в путь. Покрепче покрутишь — трусцей побежит, а закрутишь до самого конца — в быструю иноходь перейдет трусца».

Начал Златокузнец Аваза наставлять, как заводным ключом управлять. Когда Аваз научился всему, сказал умелец ему: «Залезай в чрево льва — приближается срок. Теперь да поможет нам бог!»

И умельца наказ исполнил Аваз.

Когда истек назначенный срок, прибыл от шаха Касыма гонец, прибыл и увидел: золотого льва сработал Златокузнец. Слуга тотчас же вернулся во дворец. Обрадовался шах Касым, приказал придворным своим довести до слуха Лукавой Царевны, что лев сработан в срок сорокадневный. Царевна развеселилась, и сорок ее служанок получили приказ:

«Пойдите, на льва посмотрите, ко мне доставьте его тотчас».

Увидев, что приближаются служанки, чтобы взглянуть на льва, Царь-Нищий сказал такие слова:

«Женщина более, чем мужчина, хитра. Если спросят служанки: «Вас было трое вчера, почему вы сегодня остались вдвоем?» Какой ответ мы найдем? Давайте обманем их: скончался, мол, человек, расстались, мол, навек с товарищем младшим, потому и плачем!»

Девушки появились и спервоначала удивились: было странников трое, стало их двое, к тому же рыдают, в рыданьях слышится горе живое. Девушки и говорят: «Видно, один из них умер. Ну что ж, от смерти не уйдешь, не уйдешь от судьбы, ведь и они — люди, божьи рабы. Конечно, странников жаль, велика их печаль, а все же надо взглянуть на льва».

И девушки, глазам своим не веря, стали осматривать золотого зверя. Странники стоят поодаль: гнетет их тяжкая потеря.

Смотрят девушки с разных сторон. Удивительно лев сотворен! То он похож на горлицу, то на скворца, то на соловья, то на попугая. Девушки любят, друг друга толкая, спорят, смеются, шутят, и смех звенит, как ручей. А те, что постарше да побойчей, подошли и сказали: «Покататься на нем нельзя ли?»

Аваз, что сидел внутри, услышал эту просьбу. Как только девушки сели на льва, покрутил он ключом едва-едва, и лев пошел шагом. Покрутил покрепче — лев побе-

жал трусцой. Закрутил до отказа — лев понесся иноходью по воле Аваза.

Девушки смеются, восхищаются, искусству чужеземцев поражаются. Та погладит льва, та садится на него верхом. Наконец вместе со львом отправились к Царевне во дворец.

Глядит Царевна, сияя красотой: приближается лев золотой — то идет шагом, то бежит трусцой, то иноходью несется, а толпа девушек радуется, смеется. Тогда Царевна и пятьсот пери, стройных, как кипарис, спустились вниз. Сказала Царевна сорока служанкам, что пришли к ней со львом:

«С тех пор как на свете живем, мы не только не видали, — никогда мы не слышали о подобном чуде. О таком льве не знали ни пери, ни люди. Видимо, эти странники — всевышнего избранники. Нам, властителям страны, такие умельцы весьма нужны. Пригласим их к себе в дом, место для них в нижнем дворце отведем».

Служанки сказали: «Их было трое, один умер, остались почтенные старцы вдвоем, рыдают о сотоварище своем».

«Умер так умер, — сказала Царевна. — И эти мудрые странники — всего лишь рабы творца. Разве я вам приказала привести мертвеца? Пойдите, живых ко мне приведите!»

Десять служанок пришли к странникам и сказали:

«Весною мир светлей, милей,
И розой опьянен своей,
Поет влюбленный соловей.
Царевна вас к себе зовет,
Идите, странники, скорей!

Скорей к Царевне во дворец!
Она — владычица сердец.
О дедушка Златокузнец,

Царь-Нищий, странник и мудрец,—
Идите к ней, идите к ней!

Красавиц перп легкий рой —
Ночной и утренней порой
Мы будем тешить вас игрой,—
Идите к нам, скорей, скорей!

Идите к нам: плясуньи мы,
Певуньи мы, колдуньи мы,
Волшебницы, шалуньи мы,
Нежны, как новолуние, мы,
Мы станем счастьем ваших дней.

Чтоб речь привольнее лилась,
Разостлаи ковер, палас,
Волшебным светом черных глаз
Царевна очарует вас,—
Идите, странники, скорей!

О льва создавший чародей!
Царь-Нищий, светоч средь людей!
Царевна вас к себе зовет,—
Идите к ней, идите к ней!»

Выслушав девушек, Царь-Нищий и Царь-Златокузнец
решили отправиться к Царевне во дворец.

* * *

Аваз и Царь-Нищий увозят Лукавую Царевну из Города Тьмы
на волшебном вороном коне. После многих хитроумных проделок
увозит и Царь-Златокузнец свою любимую перп Тиллякыз на бе-
лом коне.

ИСТРЕБЛЕНИЕ ПОЛЧИЩА ДЭВОВ

Помчался белый конь вперед,
Вздымая прах, гремит и ржет.
Скакун не скачет, а летит,
Клубится пыль из-под копыт.
Бойтся Тиллякыз упасть,—
Признав возлюбленного власть,
К нему склоняется слегка
И держится за седока.

Летит горячий белый конь,
Как быстрой молнии огонь.
Вскипает пена, словно пар,
Уносит всадников тулпар.
Златокузнец и госпожа,
Друг друга за руки держа,
Летят, счастливые, вперед
И ошняняет их полет.

Да, счастлив Царь-Златокузнец!
Под ним арабский бегунец,
А рядом — свет его и страсть.
Не даст он Тиллякыз упасть,
Он примет смерть за Тиллякыз!
Не смотрит он ни вверх, ни вниз,
Уже кругом — крошечный мрак,
Недалеко — свирепый враг.

Златокузнец летит во тьме,—
Аваз, Царь-Нищий на уме!
В руках у храбреца булат,
Скакун, как молния, крылат!
Вот место, где живет дракон.
«Не бойся, нас не тронет он,—
Сказала другу Тиллякыз,—

Драконьей пасти не страшись,
Дракон бессилен пред конем,
Что блещет молнийным огнем!»

Но вот уже позади тьма колдовская. Издали, магия и сверкая, показался белый свет. Радуюсь этому мгновению, увидели влюбленные Гору Весеннюю. А там, где струилась прозрачная река, увидели Царевну и Царя-Нищего, старика. Рядом с ними — конь вороной утоляет жажду влагой речной. Только не видит Златокузнец Аваза, спутников его и коней. От этого стало его лицо темней. Удивился: «Почему же нет нашего сотоварища молодого?»

А белый конь, увидев коня вороного, так заржал, что показалось, будто раздался гром, будто земля затряслась кругом, будто небо на куски расколосось. Услыхав знакомый голос, вороной тоже заржал, да так, что затряслась гора зеленая, задрожала в небе синева бездонная, у дракона лопнула в ухе перепонка, завопила земля, как женщина, выкинувшая ребенка. Так перекликались кони боевым ржанием, и вселенная им отвечала трепетным дрожанием.

Лукавая Царевна, увидев Тиллякыз, приближавшуюся на белом коне, улыбнулась, подумала: «И ты на чужой стороне, и ты присоединилась ко мне! Бедная моя подруга, все время ты меня сторонилась, хмурилась и дичилась, а теперь богаче меня принарядилась, веселее, чем я, развеселилась, и вот мы обе вдаль от родного города, рядом!» Лукавая Царевна встретила подругу радостным взглядом. А Тиллякыз, раскрасневшаяся от дороги, позабывшая все тревоги, приближалась на белом коне верхом вместе с возлюбленным женихом.

Увидел и Царь-Нищий товарища своего дорожного, в скитаниях друга испытанного, надежного, и поднялся ему навстречу, приветствовал его ласковой речью, спросил о здоровье, о проделанном пути. Царевна помогла подруге с коня сойти, а потом сказала:

«Сбылись ли пророчания твои?
Сама-то ты спаслась ли от любви?
Я помню, помню все твои упреки.
Зачем же собралась ты в путь далекий?
Твой спутник — царь по стати, по уму.
Но как же в плен попала ты к нему?
Ведь ты меня бйчее и хитрее,
А пленницею стала ты быстрее!»

Так она говорила шутя, встрече с подругой радуясь, как дитя. Сколько было смеха, сколько объятий!

В это время вернулся Аваз на Гырате. Повеселел он, увидев Царя-Златокузнеца, теперь уже не старика, а статного молодца. Обрадовались двух друзей сердца. Спешился Аваз, о здоровье друга спросил, приветствие произнес.

«Сыпок, а какие ты вести о двух стрелках припес?» — задал Царь-Нищий Авазу вопрос. Глаза Аваза потемнели «Объехал я, — сказал он, — триста шестьдесят ущелий нигде их не нашел. Видно, с ними стряслась беда. Ни слуху, ни духу, ни признака нет, ни следа! Исчезли, видно. Шадман с Асадом. Правда, не был я у ключей, отравленых ядом: дэвов там изобилие! Ни к чему нам тратить усилия. Чтобы проехать Весеннюю Гору из конца в конец, нам потребуется семьдесят лет. А у нас такого времени нет. Не верю я, что здесь наших стрелков найду, видно, погибнуть написано им на роду».

Так говорил Аваз с Царем-Нищим. А тот: «Стрелков наших все же разыщем. Отправился ты с ними одним путем, — живых или мертвых, а мы их найдем!»

Пока они так разговаривали, по небу реяли шаха Акдэва разведчики, его помощники и советчики. Увидели они на земле Лукавую Царевну с подругой и тремя воинами. Вернулись к своему властелину расстроенными. Обо всем ему рассказали в кратких словах. Тогда приказал Акдэв шах:

«Если так — по косям, смельчаки!
Недругов настигнем у реки.
Знаменосцев выставим вперед,
Пусть вельможи поведут полки!»

...Накормили боевую рать.
Стали дэвы ружья заряжать.
К битве приготовились бойцы,
Поклялись: «Не обратимся вспять!»

Дэвы мчатся вниз на скакупах.
Божий мир оделся в пыль и прах.
Посмотрите: против трех людей
Войско дэвов двинул Ак-дэв-шах!

Но вскочил Царь-Нищий на копя,
Меч в руке, а на груди — броня,
А под ним — Гырат, крылатоног, —
Будет настоящая резня!

Жаждет битвы и другой боец:
Опоясался Златокузнец,
На тулпара белого вскочил,
Будет драться с дэвами храбрец!

Сказал Царь-Нищий:

«Дэвы скачут: кто там впереди?
Это шах Ак-дэв с огнем в груди!
В бой пойдем — Златокузнец и я,
Посиди, Аваз, да погляди.

Как разверзем мы драконью пасть,
Как развеем страшную напасть, —
Только нас благослови на бой,
Чтобы нам в сражении не пасть!»

Так друзей благословил Аваз:
«Воины, с победой жду я вас!
О Царь-Нищий, Царь-Златокузнец,
Отправляйтесь в битву в добрый час!»

Посмотрите на Царя-Нищего, что для него дэвов огромные рати! Вот он поскакал на благословенном Гырате. Рядом с ним Златокузнец, предстоящей битвой разгоряченный. Оба они — как драконы, оба они — как бурлящие реки. Подобного побоища не было веки! Царь-Нищий рубил наотмашь, сплеча, принимая за козявку дэва-силача. И Златокузнец не жалел себя, скакал он, дэвам головы рубя. Ужасается дэвов полчище боевое: «Сильнее нас эти двое!» Рубят странники направо, рубят налево, — черный день наступил для шаха Ак-дэва!

Высокий и широкоплечий
Царь-Нищий с дэвом ищет встречи.
Как тысяча бойцов, он страшен,
Смотрите же, каков он в сече!

Как с мертвым борется живое,
Так с полчищем воюют двое.
Завыли дэвы, завопили, —
И боль, и ужас в этом вое.

«Бежим!» — по войску клич пронесся.
С обрыва валятся, с откоса.
Земля в крови, а два героя
Вздываются, как два утеса.

Пытались дэвы многократно
Их уничтожить мощью ратной.
Как волны, шли на два утеса,
Как брызги, падали обратно!

От человеческой отваги
Спаستись пытаются бедняги,
За камень прячутся, за кустик,
Дрожа, бросаются в овраги.

Убитым нет конца и края.
Царь-Нищий скачет, выбирая
Для смерти самых сильных дэвов,
Иных щадя и презирая.

Мечом, кинжалом — как придется —
Всех рубит, кто ни попадется,
Златокузнец падать не хочет
Ни лучника, ни полководца.

А дэвы велики, по жалки.
У них — ни посоха, ни палки.
Они с мечами не поспорят,
Ползут в кусты, в лощины, в балки.

Царь-Нищий, друг его могучий, —
Они один другого лучше! —
Как львы, баранов-дэвов гонят,
И льется кровь, как дождь из тучи.

Аваз глядит — не наглядится:
Сильна у каждого десница!
Сказали оба, приближаясь:
«Смотри, Аваз, как надо биться!»

Аваз, Лукавая Царевна и Тиллякыз, сидя на берегу реки, смотрели, как дэвов рубят смельчаки. Рядом стоял на привязи конь вороной. Подъехали воины, воды напились речной, сняли доспехи, легли на отдых, отведали пища. Царю-Златокузнецу сказал Царь-Нищий:

«Еще одна служба предстоит нам двоим. Юного отрока

освободим. О нем ты не знаешь, не знает и Аваз. Поведаю вам рассказ. Когда я покинул охотников и вас, попал я к дэву Баймаку в гости, в логово, где горою возвышались человеческие кости. Оказалось, что кравчим при Баймаке состоит пленный царевич из страны Зебит. Теперь он при Баймаке — мой соглядатай. За это обещал я заплатить ему хорошей платой: вызволить из плена, вернуть в родительский дом. Пусть не будет обещание ложным, — пойдём!»

Пока держали такой совет сотоварищи, у Баймак-дэва в его обиталище для пролития человеческой крови огромное войско стояло уже наготове, собрались дэвы Баймака, дэвы Касым-шаха и разбитой рати Ак-дэва остатки. Стояли воины в боевом порядке. Лишь не было меж ними дэвов-колдунов, которым Ак-дэв-шах приказал парить высоко в небесах.

Страпники издали на войско поглядывали, предстоящей битвой сердце радовали. Сказали они Авазу:

«Эй, сынок! Мы тут еще в одно место отправимся, еще одной битвой позабавимся. Ты не беспокойся о нас, только стереги Царевну и коня вороного, Аваз! Как бы горя тебе не принесли эти дэвы, стоящие вдаль. А не повредят эти, на земле стоящие, так навредят коварные колдуны, в небесах парящие. Как бы эти чародеи непотребные, роду человеческому враждебные, хитрости творя волшебные, не увели Царевну и коня вороного. Страшись, Аваз, обмана колдовского, смотри — не засни, подальше сон прогони!»

Так сказали отважные силачи. Надели доспехи, взяли в руки исфаганские мечи. На груди у них — железная броня. Сел Златокузнец на белого коня, сел Царь-Индий на Гырата, помчались в бой, чтобы уничтожить супостата. Приблизились они к бесчисленным дэвам. Встретил их Ак-дэв-шах с гневом. Сказал:

**«Ищете собственной гибели вы?
Чтобы погибнуть здесь, — прибыли вы!**

Дэвов моих погубили вы рать,—
Вот я пришел, чтобы вас покарать!»

Ак-дэв-шах эти слова произнес и руку над противником занес. Царь-Ниций схватил, над своей головой тело его покрутил и со всей силой в небо метнул, а Гырат под всадником поги согнул. Свалился с неба Ак-дэв-шах, о земной ударился прах, распластался по земле, уже не дыша: в горле застряла душа. Сердце его разлетелось на сорок частей, мясо отделилось от костей, оно распалось на сорок кусков. Так погиб предводитель врагов.

Посмотрите на дэвов-богатырей! Завопили те, кто были похрабрей, растерялись те, кто оказались робкими. Кровь потекла горными тропками, и была она полноводнее реки, громче дождя. Царь-Ниций и Златокузнец рубили, никого не щадя. Устроили оба воина дэвам светопреставление. Но можно ли тут не прийти в удивление: все увеличивалось и увеличивалось дэвов скопление, хотя странники рубили направо и налево, ни одного не щадили дэва. А дэвы стали вопить, кричать, полчища ринулись вспять. Сильнее дэвов был отважный дух человечий!

Сказал Царь-Ниций такие речи:

«Нам нужен верный друг в тяжелый час.
Пыль от его следов — бальзам для глаз.
Руби, чтоб печестивых кровь лилась,
Тот, кто не рубит,— трус, презренный трус!»

Кто в барабан не бьет, тот мне не брат.
Кто кровью дэвов не поит булат,
Кто жаждою победы не объят,
Кто битв не любит,— трус, презренный трус!»

Казалось, земля дэвам узка, но были разгромлены их войска. Аскарские горы туман одел. Возникли холмы разрубленных тел. Воздух от них смердел, ужасным было

зловонье, а по мертвым чудовищам скакали кони. Тот из дэвов, кто остался в живых, выл, как собака. Тогда-то странники увидели дэва Баймака. На Царя-Нищего поглядев, узнал его Баймак-дэв: с этим воинном он воевал не раз!

И услышали дэвы своего повелителя приказ:

«Царь-Нищий прибыл: наша смерть пришла!
Я прежде видывал его дела,—
Он умножает мертвые тела.
Бегите, дэвы, головы спасайте!

Давным-давно я знаю силача.
Он беспощаден, рубит он сплеча.
Мы все погибнем от его меча,—
Бегите, дэвы, головы спасайте!»

Войска Баймак-дэва побежали без оглядки, ринулись в беспорядке, но войны Касым-шаха приготовились к схватке. Пошли на них странники в наступление, устроили им светопреставление! Потеряв разум от страха, побежали и воины Касым-шаха. Началась в их рядах сумятица. Голова за головою катится. Один вопит, а другой, как медведь, начинает реветь. Аскарские горы окутал туман. Кровавые потоки текут из ран. Целые рати бегут от двох: одна у них дума — остаться в живых! Бегут и бегут бесчисленные множества, только о себе заботятся, ничтожества, с поля битвы удирают прочь, раненым соратникам не хотят помочь, бегут они в страну, где вечная ночь!

Первые превратились в последних. Задние давят передних. Те и другие топчут средних. Касым-шах бежит, от страха дрожит: погибнуть боится. Вот и белого света граница.

Странники преследование прекратили. Касым-шаха они пощадили, уважая Царевну Лукавую: пусть, мол, спасается ее отец со своею оравкою!

Убежал Касым-шах, радуясь неожиданному спасению, а странники взобрались на Гору Весеннюю. Смотрят Царь-Нищий и Златокузнец: вдалеке виднеется Баймак-дэва дворец. Баймак, известный своей свирепостью, владел огромным дворцом и крепостью. Всадники туда коней направили. Только теперь они воочию увидели, сколько дэвов они обезглавили. Казалось, что здесь костлявой смерти предел. Возвышались горы мертвых тел, кипевшие реками крови, одетые тучами пыли.

И странники во дворец дэва Баймака вступили.

* * *

В подземелье во дворце дэва Баймака Царь-Нищий и Царь-Златокузнец находят отрока-царевича. Оказалось, что его зовут Махмудом, он сын владыки страны Зебит. Он попал в плен к дэву Баймаку из-за того, что пустился в путь, очарованный Лукавой Царевной. Баймак со своими колдунами-воинами, рея под облаками, преследует царевича Махмуда, убежавшего со своими спасителями. Царь-Нищий, обладавший волшебным посохом, истребляет почти все войско дэва Баймака. Баймак со своими ближайшими соратниками спасается бегством. Махмуд находит утешение, влюбившись в красавицу-пери Гулькыз, и та присоединяется к каравану, направляющемуся в Чамбиль.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ЧАМБИЛЬ

Спешит караван, днем и ночью в движенье,
Цель — явственна, радостно к ней приближенье.
Глава каравана — Царь-Нищий отважный,
А пери-царевна — его украшенья.

Объехали всадники дальше дали,
Кинжалы у них — из прославленной стали,
Вот место, где сорок охотятся дэвов,
Но всадники думать о них перестали...

А дэвы, все сорок, стояли заставой:
Служили покорно Царевне Лукавой.
Увидев свою госпожу на дороге,
Встречать ее шумною вышли оравой.

Глава сорока дэвов, Япрак, взором дорогу окинув, увидел: шапку набекрень сдвинув, едет на Гырате Царь-Нищий. Сказал дэв Япрак:

«Царь-Нищий — наш главный враг. Если заметит нас — убьет. Эй, дэвы, нападать на него не думайте сдуру, падо нам спастись свою шкуру. Об освобождении Царевны и думать бросьте, чтобы крошевом не стали наши кости. Спрячемся, убежим!»

Побежал Япрак, сорок дэвов — за ним. То покажутся, то снова скроются. А всадники о них и не беспокоятся. Они даже не подозревали, что дэвы обитают в этой глуши, в пустынной тиши. А дэвы бежали без оглядки через доли и холмы, пока не очутились в Городе Тьмы.

Всадники, путем своим следуя, весело беседуя, радуясь, то острому слову, то шутке хлесткой, достигли, наконец, перекрестка, откуда двадцать четыре дороги направлялись в двадцать четыре державы. Сказал Царь-Нищий, мудрец белоглавый:

«Здесь мы расстаться должны. Пусть достигнет каждый своей страны. Отдохнем».

Всадники сошли с коней, отпустили подруги, сняли с себя кольчуги, расположились на отдых, а рядом сели их подруги. Отдохнули, настало время сесть на коней снова, расстаться, чтобы каждый края достиг родного. Сказал царевич Махмуд Царю-Нищему такое благодарственное слово:

«Я жил в униженье, утратив покой.
Семь лет прослужил я у дэвов слугой.
Вернул ты мне волю, мой друг дорогой,
Ты стал мне отцом. О Царь-Нищий, прощай!»

Ты дэвов разбил, уничтожил врагов,
Ты вырвал меня из тяжелых оков.
Теперь я вернусь под родительский кров,—
Ты стал мне отцом. О Царь-Нищий, прощай!

Страдал я жестоко, томился в плену.
Я жил одиноко — ты дал мне жену.
Примчусь издалека в родную страну,—
Ты стал мне отцом. О Царь-Нищий, прощай!»

Сказал Царь-Нищий: «Отправляйся, отрок, в путь, в
тагополучии пребудь, никогда не знай разлуки, да льется
тебе золото в руки и мед в уста. Тяготы с души своей
смипись, иди, сынок мой, аминь!»

Так сказав, странник по лицу его руками провел, благо-
словенно прочел. Аваз и Царь-Златокузнец, Царевна и
Тиллякыз в это время весело беседовали, смеялись, точно
гости, что со свадьбы возвращались. Гулькыз-пери с под-
ругами простилась, Царю-Нищему поклонилась, и вместе
с Махмудом направилась в город Зебит. Тут и Царь-Зла-
токузнец в путь собирается, на прощание такие слова го-
ворит:

«Любовь ко мне пришла, мой разум погубя.
Я начал странствовать, тоскуя и любя.
Я — Царь-Златокузнец,— так я называл себя.
Ты стал защитой мне, злодеев истребя,
Царь-Нищий, верный друг и спутник мой, прощай.

Влюбленный в Тиллякыз, я погибал в огне,
Но город мы нашли в подземной глубине.
Волшебная теперь досталась мне.
Я — румский шах Хасан, я властвую в стране,
Царь-Нищий, верный друг и спутник мой, прощай!

Вернусь к своим бойцам, вернусь к своим трудам.
Куда я ни приду, тебе хвалу воздам.

Нам встреча предстоит, да светит счастье нам,
Царь-Нищий, верный друг и спутник мой, прощай!

Кто смел, тот жизнь отдаст в суровый бранный час.
Лишь кровью вражеской да блещет наш алмаз!
Твой друг Златокузнец придет к тебе, Аваз,
До новой встречи, друг, прощай, Аваз, прощай!»

Царь-Златокузнец и Тиллякыз попрощались с друзьями, и помчались они в Рум, исполненные радостных дум. Царь-Нищий, Лукавая Царевна и Аваз остались теперь втроем. Царь-Нищий молчал, думал о чем-то своем. Стыдно было Авазу первым сказать слово, просить разрешения у старца седого — с ним проститься и в Чамбиль отправиться, а рядом с ним чтобы в седле была Царевна-красавица. Подумал Аваз: «Начну с ним прощаться, а он задает мне вопрос: «Что, мне тебе отдать Царевну? Да это ведь я ее увез! Хочешь уехать, уезжай сам, а Царевну я тебе не отдам!»

Так думал Аваз и ехал, поднимая пыль, а Царь-Нищий скакал с ним рядом. Неужели и он решил отправиться в Чамбиль?

«Почему, — размышлял Аваз, — не едет Царь-Нищий к себе в Чип-Мачин? Может быть, не хочет уехать один? Хорошо еще, если в дороге в нем проснется стыд и мне мой спутник не повредит, Царевну не отберет. Что я могу сказать наперед? Жаль, что Асада и Шадмана со мною нет! Они бы мне помогли, если бы Царь-Нищий пожелал нанести мне вред!»

Пусть едут Царь-Нищий, Царевна и Аваз, а вы об Асаде и Шадмане послушайте сейчас.

В тот день, когда оба странника и Аваз сошли с Горы Весны в Город Тьмы, Асад и Шадман, отважные умы, порешили так: «Мы не будем их ждать на горе, здесь убьет еще нас какой-нибудь дэв бродячий. Мы поступим иначе. Унесем отсюда ноги и будем ждать Аваза на доро-

ге. Если Аваз не погибнет и возвратится с Царевной вдвоем, то мы его на дороге убьем, Царевну мы Гороглы доставим, подвигом таким себя прославим. А спросит Гороглы об Авазе,— скажем, что ничего не знаем!»

Долго стрелки скакали пустынным краем. Усталые, на заре прибыли они к Дербент-горе. Подумали стрелки: «Теперь оружие падо не складывать, в оба глядеть, даже хрому вслед поглядывать!» Один взял кремневку в руки, другой — лук, и они засели на горе, озираясь вокруг.

И вот настал день, и в шапке, сдвинутой набекрень, подъехал к ним Царь-Нищий, рядом — Царевна с Авазом. Стрелки вскочили разом,— до старца-странника, мол, им дела нет, пусть убирается прочь поскорей, не вмешивается нищий в дела богатей, а юному Авазу крикнули с угрозой: «Стой, Аваз! Наступил твой смертный час!» К этому Шадман добавил:

«Сюда ты прибыл гибельным путем.
Твой день пришел, и мы тебя убьем.
Аваз, куда ты денешься теперь?
Как ни кричи — подмоги нет кругом.

Скажи: «Прощай, мой дом, прощай, родня!»
Ссади розоволикую с коня,
Сейчас заставлю я тебя рыдать,
Я — здесь, и смерть ты примешь от меня!

С тобой мы претерпели много мук,
Царевна не уйдет из наших рук.
Отдай розоволикую, Аваз,—
У нас в руках кремневка, крепкий лук!»

Один приставил стрелу к тетиве тугой, кремневку свою зарядил другой. Аваз не успел повернуть коня вороного, остановился, не говоря ни слова: не ожидал он предательства такого! Сказал Царь-Нищий, глядя сурово:

«Несовместимы подлость и отвага.
Зло подави в себе и сделай благо.
Не угрожай ты Авазхану смертью,
Не то прольется кровь твоя, бродяга!

Пуускай в Чамбиль с возлюбленной вернется
Сын Гороглы, царя и полководца.
Посторонись, не угрожай Авазу,
Не то, презренный, кровь твоя прольется!»

Сказали стрелки:

«Эй, странник, что хитростью сел на Гырата!
Аваз — ни забота твоя, ни утрата.
Не спорь с нами, нищий старик сумасшедший,
А лучше послушай охотников речи.

Сказал Гороглы нам: «Внемлите приказу,
Вдвоем преградите дорогу Авазу.
Пусть роза в осеннюю пору завянет,
Пусть гибельный день для Аваза настанет.

Так сына удел завершится плачевный.
В Чамбиль возвратитесь вы вместе с Царевной!»
Исполнить хотим повеленье владыки,
Аваза уьем,— пусть умрет юноликий!

В Чамбиль мы вернемся с Царевною вместе,—
Да недруг страшится вперед нашей мести!
Эй, странник безвестный, эй, нищий убогий,
Погибнешь, когда не сойдешь ты с дороги!»

Подумал Царь-Нищий: «Как бы впрямь эти глупцы
не стали стрелять,— испугают еще копя вороного, станет
худо Царевне от дела дурного». И сказал так:

«Ужели в Чамбиле ты был? Неужели
Беседовал ты с Гороглы в самом деле?
Ужели убить он велел тебе сына?
К чему эти речи? В своем ты уме ли?

Отец приказал вам покопчить с Авазом?
Иль отнял господь у несчастного разум?
Узнайте, убийцы, что скажет вам странник,
Презренные, оба умрете вы разом!»

Так сокол промолвил, в чьем сердце — величье,
Вонтель, свое изменивший обличье,
Чилтаны, чтоб мог он просить подаянья,
Волшебные дали ему одеянья.

Он спял одеянья — и вот па Гырате
Явился вонтель, могучий по стати,
Он облик себе возвратил величавый,
То был Гороглы — повелитель державы!

Бойцов предводитель — то был Гороглы,
Защитник и мститель — то был Гороглы.
Врагов победитель — то был Гороглы.
Всех дэвов губитель — то был Гороглы.
Аваза храпитель — то был Гороглы.
Друзей покровитель — то был Гороглы!

Юный Аваз узнал отца, прославленного воина и храбреца. Оказалось, что Гороглы все время был с ним рядом, от папастей сына храпя! Юноша радостно соскочил с коня, поводьями Гырата обмотал себе шею, к стремени отцовского коня принал головою своею, сказал:

«Отец мой великий, храбрец знаменитый,
Ты был мне опорой, ты был мне защитой.

Твоим покровительством был я утешен,
Прости меня, если я в чем-нибудь грешен.

Быть может, когда мы скакали с тобою,
Я грубо с тобой обходился порою,

Мол, странник, рожден ты для нищенской доли,
А участь моя — восседать на престоле.

Да будут проступки мои позабыты,
Отец, неразумного сына прости ты!

Направился я со стрелками в дорогу,
Я думал: они мне окажут подмогу.

И если бы с нами отправились вместе,
Достигли б, ничтожные, славы и чести.

Им тоже б на долю достались подруги,
Но были трусливы коварные слуги.

О царственный сокол, прости этих низких,
Да слова увидят родных своих, близких.

Их ждут не дождутся и жены, и дети,
Смотри, криводушные всадники эти

Трепещут от страха, позором покрыты...
Отец мой, охотников глупых прости ты!»

Простил Гороглы Асада и Шадмана, и отец и сын поскакали домой дорогой одной. Сердца их были счастья полны, играли под ними крылатые скакуны,— недалеко уже до Чамбиль-страны. Лукавая Царевна, как возлюб-

ленная, восседала рядом с Авазом, и взгляд ее часто вспыхивал, встречаясь с его взглядом. Славный Гороглы выехал вперед. Голова его избавилась от забот. Вот и Палапан-гора встает, за поворотом мелькает поворот,— и достигли всадники городских ворот.

Чамбиль, счастливый край! Где в мире воздух чище?
Отсюда Гороглы ушел, как странник нищий.

И правил городом достойный бек Юсуф.
— Вернулись!— весть летит, весь город всколыхнув.

Узнав, что прискакал с двумя детьми владыка,
Навстречу вышли все, от мала до велика.

Пришли красавицы, незнатные и знать,—
Торопятся скорей Царевну увидеть.

Пришли Юнус, Мискаль взглянуть на это диво,
Увидели: она воистину красива!

Розоволикую, чьи дни теперь светлы,
Не для себя искал,— для сына Гороглы!

Могучий, правит вновь народом и странюю.
Вновь расцвели цветы душистою весною.

Над розами опять летают соловьи,
Вновь обезумели от счастья и любви!

Вот сына Гороглы призвал к себе, и сразу
Розоволикую вручил отец Авазу.

Аваза тайная исполнилась мечта,—
Сияет юная счастливая чета!

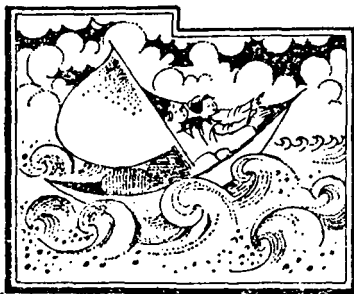
Шах Гороглы велел саповщикам, вельможам:
«Давайте пировать, и радость мы умножим!»

Был устроен свадебный пир, и пировали со славою.
Навек соединили Аваза с Царевной Лукавою. Этот пир
был отрадой сердец, очарованьем очей, и длился он сорок
дней и сорок ночей.

Довольный и счастливый Гороглы взшел на свой вы-
сокий царский престол. Зажил он с тех пор еще веселей,
печала врагов и радуя друзей.

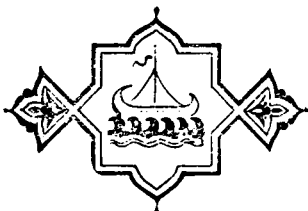

AYTOL

ГУЛЬ И ПАВРУЗ

Главы из поэмы

НАЧАЛО КНИГИ

Подобный в красноречии Мессии,
Явился Хызр, творя слова такие:

Познал Навшада мудрый государь
Все то, что будет впредь и было встарь.

Фаррухом звался взысканный судьбою,
Владел землею, ратью боевою,

Он правосуден был, и справедлив,
И царствовал, державу укрепив.

Фарруху сына лишь недоставало —
Иной печали сердце не знавало.

Он сильно, страстно жаждал быть отцом
И был за то вознагражден творцом.

Красавица жила в его гареме,
Она познала радостное время.

Не в тягость было бремя для нее,
И наступило время для нее.

Был в этот час весь мир красив и светел,
Веселнем весны повеял ветер,

Он землю сделал раем, он принес
Благоуханье мускуса и роз.

Настал навруз, и новый год услышал:
Из раковины ценный жемчуг вышел!

На радостях добро свое Фаррух
Стал раздавать, разбрасывать вокруг,

Устроил он пры, увеселенья,
Он обратил к всевышнему моления,

Он узников освободил от уз —
Счастливым днем для многих стал навруз!

Наврузом сына царь нарек: звучало,
Как счастье, года нового начало!

Стал мальчик грудь кормилицы сосать, —
Не молоко сосал, а благодать!

Царевич рос, не ведая невзгоды,
Стал бесподобным в молодые годы.

Навруз постиг науки с малых лет,
В нем разума сиял бессмертный свет.

Он изучил искусство бранной славы;
Он возлюбил охотничьи забавы;

Он львов преследовал в сырую рапь,
И птицу он приманивал и лань;

Устраивал пиры порой закатной,
Ища беседы умной и приятной,

Чтоб кравчие пленяли красотой,
Певцы — своей душевной чистотой.

Так благо получил он от рожденья,
Так расцветал, вкушая наслажденья.

Веселье было гостем вечеров,
Рассказы — украшением пиров.

Шли речи о красавицах Хотана,
О том, что девы Рума — тонкоставны,

Что китайнки — радость для души,
Что дочери узбеков хороши.

Красавиц славил любого края,
Одну перед другой не унижая.

Царевич улыбался все светлей,
И цепи спутались его кудрей.

Пьянел он, описаниям внимая,
И закружилась голова хмельная.

Печальный, словно горлинка птенец,
Газель о страсти вдруг завел певец.

Он пел о долгом горе, счастье хрупком, —
И кравчий подошел к Наврузу с кубком.

НАВРУЗ ВЛЮБЛЯЕТСЯ В САМОГО СЕБЯ

Едва царевич кубок взял с вином,
Свое узрел он отраженье в нем,

И, собственной красою изумленный,
Свой ворот разорвал он, как влюбленный.

Да, к самому себе познал он страсть,
И только стыд мешал ему упасть.

Он с извиненьем прекратил веселье,
Смятенный, он улегся на постели.

Взял зеркало, взглянул, свой ум губя,—
Наврүз влюбился в самого себя!

К себе он приближался с поцелуем,
Он обнимал себя, собой волнуем,

Разглядывал себя со всех сторон —
И вдруг заснул, любовью потрясен.

Вино его повергло в сон глубокий.
Кого ж во сне увидел черноокий?

Предстал пред ним кумир,— нет, не кумир,
А пери, украшающая мир!

Темнеют косы, оттеняв ланиты,
Глаза, полны соблазнами, раскрыты,

В них смута без начала и конца,
А на кудрях повешены сердца.

Всех на земле прелестный лик пленяет,
А стройный стан — земных владык пленяет.

Проснулась, кубок с влагою держа,
Сама, как роза влажная, свежа.

Сказала: «Юный царь, вина отведай,
Ты всех отвергни, лишь за мною следуй».

Испил царевич дневого вина,—
Горит душа, любовью зажжена!

«Луна!— он молвил, погн ей целуя.—
Откуда ты? О, где тебя найду я?

В какой ты обретаешься стране?
К тебе дорогу кто укажет мне?

Кто ты? Душа? Так не чуждайся тела!
Пль, гурня, на землю ты слетела?»

ГУЛЬ ВО СНЕ ОТВЕЧАЕТ НАВРУЗУ

Она сказала, искоса взглянув,
Улыбкою чарующей сверкнув:

«Узнай, самим собою обольщенный,
Что в царстве красоты — мои законы.

Из-за меня погибнет бренный мир!
Сама страна волшебников, Кашмир,

От волшебства моих очей в смятенье!
Китай, где мускуса месторожденье,

Был потрясен, волненье перенес
От благовония моих волос.

Мои уста пылают, как зарница,
Тот, кто коснется их, воспламенится.

Всех кипарисов мира я стройшей,
Сокрыта от адамовых детей.

Зовусь я Гуль, мой край — Фархар прелестный,
Я роза, но шиши мне неизвестны!»

Так молвила, блистая, как заря,
И кубок свой взяла из рук царя.

НАВРУЗ НА МИГ ТЕРЯЕТ РАЗУМ

Навруз проспунся, болью вдруг пронзенный.
Такие из груди исторг он стоны,

Что мир земной объяли страх и дрожь.
Искал он Гуль. Но где ее найдешь?

Заплакал он: от бедствия такого
Спасенья, кроме плача, нет другого.

Утратил он и стойкость и покой,
Охвачен беспредельною тоской.

Он обезумел, смутный, одинокий,
Твердил он самому себе упреки.

НАВРУЗ ПРОСИТ ИСТОЛКОВАТЬ ЕГО СОН

Лкдского осуждения страшась,
Он внешне был спокоен в тяжкий час,

Но днем и ночью сердце трепетало,
Великая печаль его снедала.

Он странников сыграл со всех сторон,
Чтоб те истолковали чудный сон.

Никто не знал целительной разгадки —
И мысли заметались в беспорядке.

Пытался он развлечься хоть на миг,
Чтоб холод в сердце жаркое проник,

Но если в сердце вспыхнет страсти искра,
То сердце в пепел обратится быстро...

Вот скачет он, спасаясь от забот,
То плачет он, то жалобно поет,

То ищет утешения в тюльпане,
То поверяет розе боль страданий.

Как с милой, с кипарисом говорит,
В жасмине видит цвет ее ланит.

Однажды, в горькой смуте и тревоге,
Он оказался на большой дороге.

Наврузу повстречался караван:
Явились люди из далеких стран.

С любовью и покорностью великой
Склонились путники перед владыкой,

Рассыпав яхонт, жемчуг и рубин.
Сойдя с коня, спросил их властелин:

Откуда родом? Каково их званье?
Один из них привлек его вниманье.

Увидев лик прекрасный, молвил вдруг
С надеждою царевич: «Близкий друг,

Мне кажется, что мы давно знакомы.
Откуда прибыл ты, добром влекомый?»

Ответил тот: «О наших дней Хосрой!
Страца Фархар — приют и корень мой.

Я знаю все о тамошнем пароде,
О тамошних обычаях, природе.

Бульбуль зовусь я — звонкий соловей;
Я знаю много дивных повестей.

Я знаю песни пиршеств, песни битвы
И песни сладостные, как молитвы.

Творю слова отрады и добра,
А подлевает мне сама Зухра.

Я, как Мессия, жизнь дарую песней,
Я словом исцеляю от болезней».

Услышал царь название «Фархар» —
И в холод бросило его и в жар.

Он заключил купца в свои объятия,
Казалось, встретились родные братья.

Навруз привел Бульбуля во дворец,
И стал ему наперсником купец.

НАВРУЗ ВНИМАЕТ БУЛЬБУЛЮ, А ДУМАЕТ О ГУЛЬ

Увидел царь, что дар купца чудесен,
Что больше тысячи он знает песен.

То с праведником вместе пьет вино,
То с бражником хмелеет заодно.

Когда он собутыльник святотатца,
То вера и добро его боятся.

Когда его душа у райских врат,
Его и девы рая не прельстят.

Внимал царевич звукам песнопений
И облик розы узнавал весенней.

О розовом услышит лепестке —
И видит Гуль в туманном далеке.

О счастье песнь пллась пль о печали —
Слова певца ее живописали.

НАВРУЗ УЗНАЕТ ОТ БУЛЬБУЛЯ О СУЩЕСТВОВАНИИ ГУЛЬ

Уразумел безумец наконец,
Что вдохновлен красавицей певец,

Сказал, а очн жарко загорелись:
«Подробнее опиши мне эту прелесть!»

Сказал Бульбуль, волнуясь: «Юный шах,
Да правду ты найдешь в моих речах!

Страна Фархар подчинена Мушкину,
Как мускус благодному властелину.

Джемшида он потомок, он святой,
Затмил он Феридуна чистотой.

Ни в нашем бренном мире, ни в загробном
Ничто не слышал о царе подобном.

Среди его сынов и дочерей
Сияет Гуль всех краше и милей.

Не опишу царевны совершенства,
В одном лишь взгляде на нее — блаженство.

Красней зари огопь ее ланит,
А лик сияющий луну затмит.

Ей по душе Бульбуля песнопенья,
Она ко мне полна расположенья».

Душа Навруза сделалась ясна:
Теперь он разгадал загадку сна!

НАВРУЗ ПОВЕРЯЕТ БУЛЬБУЛЮ СВОЮ ТАЙНУ

Поведал он о сердце потрясенном,
Певцу поведал о виденье сонном.

Затрепетал и запылал певец,
Сказал: «О ты, на чьем челе венец!

Пока стою, спокойно я не сяду,
Пока живу, я не вкушу отраду,

Пока могу, прибегну к силе чар,
Займусь я волшебством, придя в Фархар,

Царевну, может быть, к тебе склоню я,
Юсуфа с Зулейхой соединю я».

Вздохнул Навруз, услышав эту речь,
И сердце мог бы вздохом он обжечь!

Заплакал он, целуя гостью поги:
«Не думай, друг, о тягостях дороги!

Хоть на глаза мне наступи ногой,—
Иди, согласен с участью такой.

Но поднеси ей тоже кубок страсти,
Ты ей поведай о моем несчастье,

Пускай откроет ей твоя газель,
Что только в ней я жизни вижу цель».

НАВРУЗ ОТПРАВЛЯЕТ БУЛЬБУЛЯ
К ЦАРЕВНЕ ГУЛЬ

Поцеловал порог Бульбуль смятенный,
Помчался, порученьем окрыленный.

Расправив крылья, полетел певец,
Достиг Фархара, перед ним — дворец.

В ту пору прибыл он, когда царевна
Весельям предавалась каждодневно.

Фархар подобьем рая был затем,
Что зеленел, сверкая, как Эдем.

Вода — Кавсар, деревья — без порока,
А воздух — как дыхание пророка.

Щебечут птицы, шелестят кусты,
Верхи дерев трепещут, как цветы.

Разумный в день такой теряет разум,
Безумный в бешенство приходит разом;

В такую пору Гуль пришла в цветник:
Бульбуля голос в сердце ей проник.

Искала, но, увы, не отыскала
Певца, чье пенье слух ее ласкало.

Велела всем замолкнуть на пиру,—
Как вдруг Бульбуль приехал поутру,

БУЛЬБУЛЬ ПОЕТ О НАВРУЗЕ

Приблизился Бульбуль к ее покою,
Завел он песню с болью и тоскою.

Сердца людские вздрогнули в ответ,
Казалось, тяжело вздохнул рассвет.

Царевна Гуль проснулась в миг единый,
Услышав горе песни соловьиной,

В той песне плакал и пылал Навруз,
То был огня и горести союз!

ГУЛЬ ВЛЮБЛЯЕТСЯ В НАВРУЗА, УСЛЫШАВ ЕГО ОПИСАНИЕ В ПЕСНЕ БУЛЬБУЛЯ

Сказала Гуль: «Продлим веселье наше!
Где кравчие? Где круговые чаши?»

Она с друзьями разговор ведет,
А в сердце — песня, что Бульбуль поет.

Глаза ее в слезах, душа в смятенье,
Забвенья тщетно ищет в опьяненье.

Кормилица Савсан при ней жила.
Язык ее — кивжал, язык — игла!

Старуха родилась в кашмирском царстве —
Была искусна в колдовстве, в коварстве.

Она была для плутней рождепа,
Брал у нее уроки сатана.

Она, восстав от сна, взглянула гневно,
Услышав: плачет жалобно царевна.

Как страшный день последнего суда,
Обрушилась на девушку тогда.

А Гуль, не зная выхода иного,
Целуя мамку, молвила ей слово:

«Моя надежда, сила и оплот!
Моя душа, весь мир в тебе живет!

Ты для меня как мать. О нет, пойми же,
Что матери ты мне сегодня ближе!

Горю, не ведая в каком огне,
Чего-то жду, но ждать ли счастья мне?

Хочу терпеть — где стойкости возьму я?
Сама никак, пылая, не пойму я,

Что мне Бульбуля нашептал напев.
Но я томлюсь, от горя ослабев».

Савсан вскипела, от царевны выйдя,
Воскликнула в сердцах, певца увидя:

«Как ты болтлив, хотя сладкоголос!
Откуда эту песню ты принес?

О ты, чья глупость для меня обуза,
Ты про какого нам поешь Навруза?

Чего ты хочешь, плача и скорбя?
Какое горе обожгло тебя?»

БУЛЬБУЛЬ РАССКАЗЫВАЕТ КОРМИЛИЦЕ О НАВРУЗЕ

Бульбуль склонился перед ней с улыбкой
И молвил: «Песнь сложил я не ошибкой.

Решил я в мире погулять земном,
Проведать о хорошем и дурном.

Вот так пришел я к городу Навшаду,
И в нем для сердца я обрел отраду.

Царевич обитает в том краю —
Тот самый, о котором я пою.

Как жемчуг, он сердца людей чарует,
Как сын Марьям, дыханьем жизнь дарует,

Он — юности расцвет и красота,
Подобно духу, плоть его чиста.

Его зовут Навруз, он сын Фарруха,
А речь о нем — как музыка для слуха».

* * *

Гуль и Навруз встречаются, признаются друг другу в любви. Они бегут вдвоем, так как отец Гуль решает отдать свою дочь в жены хакану Китая. После многих приключений они, в качестве рабов, попадают в Китай. В это время умирает хакан Китая.

НАВРУЗ И ГУЛЬ БЕГУТ ИЗ КИТАЯ

Китай внезапно треснул, как фарфор.
Распались на куски страна и двор.

Власть оказалась немоцпой и жалкой.
Стал меч в ее руках всего лишь палкой.

Забыл о человеке человек,
И каждый проклинал свой бранный век.

Тогда Навруз и Гуль возликовали
И, радостные, к господу воззвали:

«Ты тех караешь, чьи дела черны,
А мы чисты, за нами нет вины!»

Они бежать решили из Китая,
Удачей время смутное считая.

ГУЛЬ И НАВРУЗ В ЖИЛИЩЕ ДИВОВ

Они блуждали в зное и в пыли.
Вот к озеру соленому пришли.

В нем — смоляного дома отраженье:
То дивов-хитрецов сооруженье.

Влюбленные, проделав трудный путь,
Решили в этом доме отдохнуть:

Один лишь вздох у них остался в теле!
Спустилась мгла — и дивы прилетели,

Свиреполцы, чуждые добра,
Вкруг озера кружились до утра.

Но утром стало страшно черным дивам,
Когда явился муэдзин с призывом.

В смятеье стало скопище дрожать,
При имени творца бсжало вспать.

НАВРУЗ И ГУЛЬ ВСТУПАЮТ В КЕЛЬЮ ОТШЕЛЬНИКА

Обитель непогребную покинув,
Пустилсь дальние дети властелинов.

Пришли они к обители Наджи —
Седого шейха, постника-ханжи.

Лишенный чести, Азавилу равный,
Прислужник шейха встретил их злоправный.

Он взял их за руки и ввел их в дом,
Стал угощать едою и питьем —

Сырой водой с лепешкою ячменной,
Но пища показалась им отменной.

Не утолили голод, а злодей
Унес еду от алчущих людей,

Однако разузнав у них сначала
О том, как тяжело их судьба терзала...

Шейх в келье от людских тайлся глаз,
Слуга поведал постнику рассказ.

Как только шейху стало все известно,
Решил: «Начну разгадывать чудесно!»

Предстал перед влюбленными бахвал,
О том, что с ними было, рассказал.

Мол, потому, что в келье он постится,
Есть у него блаженный дар провидца.

Бубня слява, исполненные лжи,
С них пояс и рубашку снял Наджи.

Увидев их тела без облачения,
Старик разжег в себе огонь влечения.

А те, увидев шейха низкий прав,
Проделки святости его поняв,

Сказали: «Это див. От божьей мести
Сокрылся он, с людьми живет он вместе.

Над дивами был властен Сулейман,—
Не превратил подобных в мусульман!

Да, этот шейх при помощи обмана
Собьет с дороги самого шайтана!»

Гуль и Навруз, хоть приближалась ночь,
От нечестивца убежали прочь.

ГУЛЬ И НАВРУЗ В ЛАДЬЕ

Пошли — на берег моря вышли вскоре.
В ладью уселись и пустились в море.

Гуль и Навруз — им равных нет нигде —
Как две жемчужины в морской воде!

То вал вздымает их, седой и ценный,
Те падают они на дно геены.

Пусть грянет вихрь — влюбленным все равно.
Что жизнь для них? Ячменное зерно!

Пусть землю всю зальет, бушуя, море,—
Им, слившимся в одно, какое горе!

Любви благословенен произвол:
Она колодец превратит в престол!¹

Что путникам преграды и утраты,
Когда любовь — их преданный вожатый!

Влюбленному тоска любви милей,
Чем радость самого царя царей!..

Завидуя блаженному уделу,
Судьба склонилась вновь к дурному делу.

Судьба владеет запасным конем,
Мы от судьбы защиты не найдем!

ЛАДЬЯ РАСПАДАЕТСЯ ОТ УДАРА ВОЛНЫ

Сгустились тучи, громом громыхая,
И вспыхнула, как нефть, вода морская.

Потопа, мнилось, хлынула вода,
Как в страшный день последнего суда.

Разверзлись хляби моря, как могила,
Скажи: труба архангела трубила!

¹ Намек на легенду об Иосифе Прекрасном, который был брошен в колодец, но впоследствии стал правителем Египта.— *Здесь и далее примечания переводчика.*

Гора вставала средь морского дна,
И гору Каф затмила бы она.

Ладья кружились там, мертвы, безмолвны,
О грудь утеса разбивались волны.

...Вдруг их ладья распалась. Смерть близка:
Ведь от доски оторвалась доска!

ГУЛЬ И НАВРУЗ ОКАЗЫВАЮТСЯ ВДАЛИ ДРУГ ОТ ДРУГА

Непрочная ладья разбилась в щепы,
Разъединил влюбленных вал свирепый.

Они схватили каждый по доске
И поплыли в отчаянье, в тоске.

А небу только этого и падо:
Сто тысяч зол таит одна услада!

Смотрите же, как свод небес жесток:
Тот на закат поплыл, та — на восток.

Не знала Гуль, где друг ее несчастный,
Не знал Навруз, что стало с Гуль прекрасной.

Царевну кормчий провиденья спас:
Ее к земле унес он в трудный час.

ГУЛЬ НА БЕРЕГУ АДЕНА

В те дни аденцы жемчуг добывали,
А их султан, охотясь без печали,

Велел Джавхару, что возглавил знать,
Добычею жемчужин управлять.

Бог пожелал, чтоб жителям Адена
Жемчужину дала морская пена.

Глядят — ее лицо луны светлей,
И день сияет от ее лучей,

Как мускусный цветок благоухает,
С растрепанных волос вода стекает.

И перлы уронил Джавхар из глаз,
Когда пред ним жемчужина зажглась.

ГУЛЬ РАССКАЗЫВАЕТ О СЕБЕ ДЖАВХАРУ

Он ласково спросил: «Кто ты такая?
Кого нам пена принесла морская?»

«Я — дочь хакапа,— был ее ответ,—
В китайском царстве родилась на свет.

Мыплыли по морю и веселились,
От наших берегов мы удалились.

Вдруг буря поднялась из глубины,
Мы поняли, что мы обречены.

Сломался якорь, парус оторвался.
И мало кто из нас в живых остался.

Отстала я среди моря от своих.
Вот все. Речей не ведаю других.

Но знать хочу: какая здесь держава?
Какой султан здесь правит величаво?»

Сказал Джавхар: «Китайская луна!
Аденом наша названа страпа.

От нас Китая далека столица.
Почти что год в Китай дорога длится».

Затем одежды царские Джавхар
Принес царевне светозарной в дар,

Принес алмазы, кольца, ожерелья —
Пришла неделя пиршеств и веселья.

ГУЛЬ ГОРЮЕТ О НАВРУЗЕ

Но роза плачет о своей судьбе,
Рубаху разрывает на себе,

Наедине с собой она томится,
Трепещет, как подстреленная птица.

Увы, ей жизни опротивел вкус,
Все время вспоминается Навруз!

Так мучилась и так стонала пери,
Что птицы плакали и выли звери.

Решил Джавхар, исполненный добра:
«В Аден, в столицу, двинуться пора!»

От моря два пути вели к Адену
И приводили к смерти либо к плену.

Пойдешь направо — там драконья пасть,
Налево — львы, ты к ним страшись попасть!

Застигнет верхового тьма почная —
Погибнет он, пути не узнавая.

Чтоб от трудов привольно отдохнуть,
Избрал Джавхар окольный, дальний путь.

Но проводник с дороги сбился вскоре,
Львы появились, путникам на горе!

Был в ужасе Джавхар, метнул он взгляд,
Нельзя вперед пройти, нельзя — назад.

ГУЛЬ УБИВАЕТ ЛЬВОВ

Рыканьем львиным все вокруг объято,
Дрожат кольчугоносцы, как котята,

Чтобы спастись, решили вырыть ров,
Но Гуль сказала им: «Не бойтесь львов!

Да будет неизвестна вам тревога,
И положитесь вы на волю бога!»

Явились львы, протяжно зарычав.
Гуль на коне помчалась к ним стремглав.

Двух или трех сразив одной стрелою,
Сравнила прочих с черною землею.

Воительницы испугались львы;
Легли пониже праха и травы.

Заметит лев-самец, что скачет конный,—
Бросает самку, страхом потрясенный.

Был восхищен Джавхар: он в первый раз
Такую видел смелость, меткий глаз,

Еще никто не видывал в Адене
Таких стрелков и по такой мишени!

Султан Адена, очарованный красотой Гуль, отдает ей свой дворец, казну и перстень власти. В это время Навруз, выйдя на берег моря, попадает в жилище рыбака. Рыбак продает его визирю йеменского царя. Царь Йемена, увидев ум и отвагу Навруза, осыпает его благодарениями, делает его соправителем своей страны.

ЦАРЬ ЙЕМЕНА ПОСЫЛАЕТ НАВРУЗА
ВО ГЛАВЕ ВОЙСКА НА АДЕН

Султан Адена, властелин седой,
Пылал к царю йеменскому враждой.

Когда в Аден явилась Гуль нежданно,
Возвысилось величие султана.

Его отряды, жителям на страх,
Сплотились на йеменских рубежах,

Собрал он рать, лазутчиков поставил,
Большую силу на Йемен отправил.

Йеменский царь, Аденом уstraшен,
Смутился, потерял покой и сон.

Он у Навруза попросил совета,
Всю ночь проговорил с ним до рассвета.

Навруз придумал способ, как собрать
И быстро к бою приготовить рать.

Счастливым царь созвал свои отряды,
Вооружась, расставил он засады,

Пошел он, предвкушая торжество,
С Наврузом — сыном дома своего.

НАВРУЗ ОТДАЕТ ВЛАСТЬ
НАД ВОЙСКОМ БАХРАМУ

В Йемеле знаменитый был воптель
По имени Бахрам-кровопролитель.

Завидовал царевичу Бахрам.
Сказал он, глуц, и гнусен, и упрям:

«Ты кто такой? Да мы тебя проучим,
Эй, карлик, не соперничай с могучим!

Нет, не тебе Йеменом управлять!
Нет, не тебе с Адецом воевать!

Друг друга эти две страны достойны,
Меж ними часто происходят войны!»

Сказал Навруз: «Раба ты не кори,
О богатырь, затмивший свет зарю!

Веди народ, иди стезею смелой,
То дело, что ты хочешь делать, делай!

Тебе ни в чем не стану я мешать,
Иди, готовь к войне страну и рать».

Не знал Бахрам, что Гуль в бою как львица,
Он должен был с Наврузом согласиться.

ГУЛЬ ИДЕТ В ДОЗОР

А львица Гуль сама пошла в дозор.
На рать Йемена пал царевны взор.

Определила: слаб ее вожатый,
Ни опытом, ни знанием не богатый.

Увидела, узнала, поняла,
Вернулась, радостна и весела.

Обдуманно и в срок чудесно краткий
Построила военные порядки.

Когда, сверкая, запылал восход,
От ржавчины очистив небосвод,

Рассеялся туман,— то стало явным,
Что целый мир наполнен войском славным.

Гремят литавры, грозен бранный стан,
И палочки лобзают барабан.

Труба и рог, копей ретивых ржанье
В сердца вселяют трепет и дрожанье.

И даже Марс, застигнутый врасплох,
От богатырских голосов оглох.

БАХРАМ В РАСТЕРЯЖНОСТИ; НАВРУЗ, РАССЕРДИВШИСЬ, ОСТАНАВЛИВАЕТ ВОЙСКА ЙЕМЕНА

Затрепетал Бахрам, глупец надменный,
Когда увидел этот строй военный.

Бойцов своих возглавить не сумел,
Вперед, на бой, отправить не сумел.

Бегут бойцы, к противнику елипою,
Не кличет их Бахрам идти войною.

В душе Навруза пробудился гнев.
Кольчугу богатырскую надев,

Он встал, бегущим преградил дорогу,
Вселил надежду, прекратил тревогу.

Он укрепил отряд передовой.
Построил войско, стал его главой.

БАХРАМ, УСТЫДИВШИСЬ, ВЫЗЫВАЕТ
ПРОТИВНИКА НА ЕДИНОБОРСТВО

Кровопроливец, красный от смущенья,
В себе нашел решимость для сраженья.

На поле боя стал кружить Бахрам:
Единоборство предложил врагам.

Но не нашлось богатыря в Адене,
Который жаждал бы таких борений.

Тут раздалась воевательницы речь:
«Ужели стал тупым ваш острый меч?»

Ужели здесь мужчина не найдется,
Который поборол бы полководца?»

Ответствовали беки той страны:
«Мы грозному Бахраму не равны.

Коня помчит — сто всадников раздавит,
Рассердится — сто тысяч обезглавит».

Сказала Гуль: «Вы говорите вздор.
Бояться бой начать с врагом — позор.

Я понимаю: страшен бой с драконом,
Но можно ль трепетать пред этим конным?

Для всех закон единый должен быть:
Отважным сын мужчины должен быть!»

ГУЛЬ ПРИНИМАЕТ ВЫЗОВ БАХРАМА

Коня ударив плетью, глянув гневно,
На поединок двинулась царевна,

Опасней вихря, пламенной огня,
Вонзила стремя в быстрого коня.

Был поражен Бахрам, одетый в латы.
Сказал: «Всех войскоборцев превзошла ты,

С аденцами не схожа ты ни в чем,
Владеешь, словно турок, ты мечом!

Хочу я, чтоб себя ты пожалела,
Не то твоя душа уйдет из тела.

Ты поцелуй, отбросив хвостовство,
Копыта вороного моего».

Сказала Гюль: «Да помолчи, бедняга!
Коль ты отважен, — где твоя отвага?

Коль ты мужчина, силу покажи,
Чтоб не смеялись над тобой мужи!»

СМЕРТЬ БАХРАМА

Бахрам из ножен вынул меч могучий.
Закрылся лик щитом, как месяц тучей.

Удар панес он по ее броне —
Гуль покачнулася на своем копе.

Был шлем пробит, и на две половинны
Кольчуга разлетелась в миг единый.

Тогда ответный нанесла удар
Красавица, чья родина Фархар.

Ударила она по кровопийце,
И Марс вознес хвалу ее деснице.

Был на две части рассечен Гахрам,
Страх, трепет пробежали по рядам.

Помчалась Гуль, йеменцам крикнув слово:
«Пошлите нам противника другого!»

НАВРУЗ И ГУЛЬ, СРАЖАЯСЬ,
УЗНАЮТ ДРУГ ДРУГА

Йеменцы опемели, оробев.
Навруз в сраженье ринулся, как лев.

Коня помчал он с гневом и величьем,
Всю землю оглушил он громким кличем.

Царевне этот голос был знаком —
И Гуль упала с лошади ничком,

А вслед за ней упал Навруз отважный.
Такой издал он крик и стон протяжный,

Что воинов двух ратей оп потряс:
Вот что случилось за короткий час!

Со всех сторон примчались верховые,
Прервав на время схватки боевые.

Глядят — два сердца раненых лежат,
Два страстью отуманенных лежат.

Облив их розовой водою, разом
Вернули двум влюбленным жизнь и разум.

То Гуль пьяна, царевичем дыша,
То розою пьяна его душа.

Два верных сердца встретились неожиданно,
Два друга обнялись, как два платана.

Война внезапно кончилась тогда,
Между царями кончилась вражда.

Ушла война, и сблизилась два царства,
Ни страха не осталось, ни коварства.

ЙЕМЕНСКИЙ ЦАРЬ ПРИМИРЯЕТСЯ С ЦАРЕМ АДЕНСКИМ, И
ОНИ ВМЕСТЕ С ГУЛЬ И НАВРУЗОМ ОТПРАВЛЯЮТСЯ К
КААБЕ

Рафи, йеменский царь, звезда владык,
Бади, аденский царь, месяцелик,

Тогда приблизились друг к другу с миром
И примиренье завершилось пиром.

Прошла разлуки ночь, исчезла мгла,
Заря свиданья радостно взошла.

Все, что темнело, озаренным стало,
Все, что увяло, вновь зеленым стало.

Мир заснул Ирема красотой.
Ручьи шумели райскою водой.

Звенели птицы, и цветы пестрели,
Слагали соловьи свои газели.

Нежданно, средь цветения земли,
Паломничества сроки подошли.

Увидев, что владыки примирились,
Навруз и Гуль тотчас договорились

Отправиться в благословенный храм,
И богомольцы облеклись в ихрам.

Но царь Йемена и султан Адена
Их полюбили так самозабвенно,

Что с ними не расстались,— вчетвером
Пустились в путь, овейный добром.

ЧТО БЫЛО С МУШКИНОМ, КОГДА ГУЛЬ УБЕЖАЛА

Мушкин услышал, что с Наврузом вместе
Гуль убежала по дороге чести.

Сперва он гневался на беглецов,
Но все обдумал, и в конце концов

Поставил повсеместно шах дозорных,
К Фарруху он послал гонцов прворных.

Так весть пришла к Фарруху во дворец.
Царь сбросил в горе пояс и венец,

Он зарыдал, судьбою сломлен злою,
Посыпал голову свою землею.

Мушкин отправил по морю суда,
Землепроходцев снарядил тогда,

Чтобы, расспрашивая, узнавая,
Весь мир от края обошли до края.

Но не было о беглецах вестей,
Как видно, двое сгинуло детей.

Познали два царя удел жестокий.
Вдруг подошли паломничества сроки.

Отправились к Каабе два отца,—
Надежду потерявшие сердца.

А воины царевича с уныньем
Скитались по морям и по пустыням,

К Каабе направлялся каждый год,
Печально совершая свой обход.

Случилось так, что вновь, тоской палимы,
В тот год пришли к Каабе пилигримы.

ГУЛЬ И НАВРУЗ НАХОДЯТ В МЕККЕ СВОИХ ОТЦОВ

Гуль и Навруз без горя и тревог
Молились, возглашая: «Славен бог!»

Вдруг видят старцев, чистых и беззлых,
Двух страждущих, двух ангелоподобных.

Один взывает: «О творец благой!
Не дай увянуть розе молодой!»

Вот этому рабу яви ты мплость,
О бог, чтоб дочь с отцом соединилась!»

Другой рыдает: «О благой творец,
Ты — сущего начало и конец!»

Не ты ль отъединил отца и сына?
Свяжи меня с Наврузом воедино!»

Гуль и Навруз, творца благодаря,
Узнали в каждом страждущем царя,

Они своих родителей узнали,
Освободили сердце от печали.

ГУЛЬ СОЕДИНЯЮТ С НАВРУЗОМ

Гуль и Навруза сочетал господь:
Как бы с душой соединилась плоть.

Лань оказалась в сильных львиных лапах,
Зефир развеял розы сладкий запах,

Изрезал розы лепестки алмаз,
Пчела в пыльцу цветочную впилась,

Гравильщик смело принялся за дело,
Жемчужину он просверлил умело.

Открылось устье дивного ларца,
Посыпались рубины без конца.

Из горла рыбы потекли кораллы,
Явили перлы цвет кроваво-алый.

Познала счастье юная чета.
Сплелись их ноги и слились уста.

Играли два влюбленных богомольца,
Срывая с пальцев друг у друга кольца.

Одной приятен хмель и сахар губ,
Другому персик поцелуя люб.

Вдруг, испугавшись: это свиденье!—
Не веря, что пришло соединенье,

Они, тоскуя друг о друге вновь,
Друг другу жизнь дарили и любовь...

Всего милее жемчуг водолазу:
За жемчуг жизнь готов отдать он сразу.

Тому, кто чист, всего милей заря,—
И встали, господа благодаря.

ЧЕТЫРЕ ЦАРЯ СПОРЯТ О ГУЛЬ И НАВРУЗЕ

Четыре царства прославлялись в мире,—
К ним каравана двинулось четыре.

Сказал Бади: «Не то, что весь Аден,
А душу я отдам за Гуль взамен!»

Сказал Рафи: «Душе подвластно тело,—
Наврuzu я принадлежу всецело.

Не нужен без Навруза мне дворец,
К чему же без Навруза мне венец!»

«Цари! — Мухкин воскликнул благородный.—
Все ваши препирагательства бесплодны.

Я жизнь прожить без дочери смогу ль?
И сможет ли Навруз прожить без Гуль!»

ПРЕДЛОЖЕНИЕ ЦАРЯ ФАРРУХА

Сказал Фаррух: «Придем к согласью скоро,
Но сбросить надо нам одежду спора.

Друзья, есть слово у меня одно,
Быть может, вам понравится оно.

Мы дружбу между странами упрочим,
Одну из них назначив средоточьем.

Душе отрадно в середине быть,
А не блуждать иль на чужбине быть.

Как только враждовать мы перестанем,
Единство станет нашим достояньем.

Известно, что весной хорош Навшад,
Он создан для веселий и усад.

Известно, что Фархар прекрасен летом,
Как бы осыпан дивным райским цветом.

Йемен, каким бы ни был он сухим,
Мы все-таки с чистилищем сравним!

Там людям хорошо порой осенней,
Там проживем без всяких опасений.

Зато Аден пленителен зимой;
Его сравню я с райскою страной:

Кругом — снега, а там — садов цветенье,
В коврах — луга, и всюду — наслажденье».

ГУЛЬ И НАВРУЗ ПОСЕЩАЮТ ЧЕТЫРЕ ЦАРСТВА

На тех словах закончился совет.
С тех пор народ избавился от бед.

Навруз и Гуль с родителями вместе,
Явив свой добрый прав и благочестье,

Направились, веселые, в Навшад,
Где праздник шел два месяца подряд.

Так время света и добра настало,
И вскоре летняя пора настала.

Пришла пора уехать в край другой,
Даруя людям радость и покой.

Навруз и Гуль с Мушкином, шахом старым,
Навшад решили заменить Фархаром.

Помчались, наслаждения вкусив,—
Их караван был пышен и красив.

Бульбуль стихи слагал им задумчиво,
Зухра на чанге вторила напевно.

Мир ликовал, сиял небесный свод,
Повсюду благоденствовал народ.

Во всей вселенной прекратились войны,
Веселым днем сменился день спокойный.

Гуль и Навруз, познав любовный хмель,
Гостями стали четырех земель.

Пришел к ним кравчий мира с чашей жизни,—
Нет, люди не знали краше жизни!

Веселья не смолкали голоса,—
Как следует, вращались небеса,

Но так как убивать им надлежало,
То обнажили острие кинжала.

Не стало властелинов четырех,
Остался без царей земной чертог.

ПРАВЛЕНИЕ НАВРУЗА

Навруз, властитель радостный и правый,
Четыре унаследовал державы.

Любовь мудрейших пестунов мудрей:
Возвышенными делает людей.

Какая боль сильнее любовной боли?
Таится смерть в одном ее уколе.

Но пусть, о боже, мучится стократ
Тот, кто любви мучениям не рад!

Любовь — учитель умный, друг правдивый,
Любовь — твой врачеватель прозорливый.

Когда Навруз, воспитанник любви,
Законы в мире утвердил свои,—

Он честность укрепил, возвысил нравы,
Открыл дороги истины и славы.

Простер он власть на запад и восток,
Событий упорядочил поток.

С Китая дань взимал судьбы избранник,
Хотанский хан служил ему как данник,

Узбек пред ним распростирает ковер,
А кесарь приводил в порядок двор.

Он Рей принудил, чтоб вносил он подать,
Фаранг заставил на себя работать.

Он благом зло стремился побороть,—
Вознаградил достойного господь...

О, сколько б ты ни претерпел, бедняга,
Ты не погибнешь, коль достоин блага!

ЗАВЕРШЕНИЕ КНИГИ

Да будет счастлив наш великий шах,
Как счастлив был Навруз в своих делах!

Пусть шах последует его примеру,
Пусть благо станет другом Искандеру.

Пусть успокоится его страна,
Сиянием добра озарена.

Когда слагал я это песнопенье
И двигало мой сказ воображенье,

Сокровищ столько было у меня,—
А я их собирал, в душе храня,—

Что мог бы разбросать их повсеместно —
Ущерба не было б казне словесной!

Я горд сокровищницею — душой,
Сокровищницы не искал чужой.

Но было мне от шаха приказанье:
«Хочу любви услышать описанье,

Излей ты на бумаге перевод
С той песни, что в душе твоей живет!»

Без пышности, по-тюркски, в час блаженный,
Я в подлиннике сделал перемены,

Надеясь, что когда для знатоков
Раскроются сокровища стихов,

То эти люди вспомнят о влюбленном,
На труд одним лишь благом вдохновенном.

Певцов прошу я, чей напев крылат,
Что знают голосов могольских лад,

Не изменять слова по произволу,
Да будут чутки к моему глаголу...

Был восемьсот четырнадцатый год¹,
Когда восславил я любви приход.

Да будет повесть, ясная по складу,
Читающим и пишущим в усладу.

¹ От хиджры. По нашему летоисчислению 1412—1413 гг.

ГАЗЕЛИ

* * *

Что равно твоим кудрям, вьющимся и благовонным?
Завитки твоих кудрей — как орлы под небосклоном!

Дивное твое лицо людям кажется кораном,
Поклоняются они красоте твоей законам.

Твой желанный алый рот меньше маленькой пылинки,
Меньше всех на свете мер,— верить мы должны ученым!

Вероятно, сам Юсуф и во сне бы не увидел
Сладких губ твоих рубин венцем взором восхищенным!

Что сравнится на земле стойкостью с моей душою?
Хоть страдает, но верна прежним клятвам непреклонным!

Что сравнится на земле с красотой твоей манящей?
И соблазны, и силки расставляешь ты влюбленным.

Обезумел раб Лутфи и не внемлет назиданьям,
Ибо лишь одной любви продам сердцем опаленным.

Клянусь, что я тебе не враг, ты моему поверь признанью!
Как флейту, сердце просверлив, не принуждай меня к
стенапью.

Я пальцы приложил к глазам, униженно тебе служу я,
И все ж мне дышится легко: я твой невольник по
призванью!

Пускай согнусь я, словно чанг, все жилы превратятся
в струны,
Но не принудишь ты меня своей жестокостью к рыданью!

Хотя румянец твой — огонь, хотя глаза твои пылают,
Не слушай недругов моих, не обрекай меня сжиганью.

Был мой соперник у тебя, а я стоял, как пес, за дверью.
Завыл бы я теперь, как пес, но ты не внемлешь
завыванью!

Пусть у порога твоего я сделаюсь летучим прахом, —
Запомни этот легкий прах, внемли последнему желанью!

Лутфи тебе не отплатил за тяжкий гнет, за все мученья, —
Влюбленного за этот грех не подвергай ты наказапью.

* * *

Повикли пред красой твоей в смущении все страны света.
Наука похищать сердца достигла при тебе расцвета.

Когда, в день Страшного Суда, всех спросят: «Совершил
ты благо?»—
Признаюсь я в любви к тебе,— иного я не дам ответа.

Пленившись родинкой-зерном над верхнею твоей губою,
Птенец, в ловушку я попал, и песнь моя отныне спета.

Мое ты имя сочетай, астролог, с именем любимой:
Хотя б на встречу среди звезд пускай не будет мне
запрета!

Теперь я понял, почему заходит и не всходит солнце:
Оно не хочет рассветать при виде твоего рассвета!

Глаза мои, не надо спать: любовь проспите ненароком.
Не спи, не спи, влюбленный, будь достоин своего обета!

Ее не вижу я, Лутфи,— увидев, я теряю разум.
Мой друг, пусть твоего врага минует злая доля эта!

* * *

Твой стан, твои уста увидев, я восклицаю: «Ах!»
Когда я на тебя ни гляну, твержу: «Велик аллах!»

Лишь об одной тебе мечтаю, не нужен мне никто,
Поэтому ты самовластно живешь в моих мечтах.

Желать свиданья я не смею, поэтому шепчу:
«Хоть на мгновенье отразиться хочу в твоих зрачках!»

Бессильный отыскать сравненье, сказал: «Ты кипарис!»
Но я тебя унизил: смысла в подобных нет словах.

Кто из людей дерзнет коснуться подола твоего?
Поэтому тебя сравнил я с луною в небесах.

Но с чем сравню твою походку, твой стройный, тонкий
стан?
Тебе подобья не найду я ни в жизни, ни в стихах.

Ты сделала, красой сверкая, цветистым слог Лутфи,
Поэтому твержу: «Всевышний велик в своих делах!»

* * *

Кто петлею владеет красой? Это ты.
Кто весь род украшает людской? Это ты.

Лишь тебя на земле мои видят глаза.
Кто в себе воплотил мир земной? Это ты.

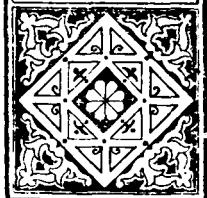
Жизнь, мы знаем, в дыханье пророков живет.
Жизнь и смерть кто приносит с собой? Это ты.

Разве очи твои — не разбойника два?
Кто ж велел им пойти на разбой? Это ты.

Где тот край, где, Лутфи, ты живешь и скорбьшь?
Кто блуждает безвестной тропой? Это ты!

HABOVI

ЛЕЙЛИ И МЕДЖНУН

Главы из поэмы

Глава I

*О том, как родился Кайс и стал совершенным в глазах
любви и дорогим для людских сердец*

Измученный в цепях любви! Таков
Железный звон и стон твоих оков:

Жил человек в стране аравитян,
Возвел его народ в высокий сан.

Он был главою нескольких племен,
И справедливым был его закон.

Он бедным людям, чей удел суров,
Предоставлял гостеприимный кров,

Их ожидал всегда накрытый стол,
Всегда подвешен был его котел,

Весь день, всю ночь пылал его очаг,
Огонь сиял у путника в очах,—

Сиял он путеводкою звездой
Засиявшим пустынной темнотой.

Искусство щедрости его влекло,
И превратил он мудрость в ремесло.

Его стадам подобных в мире нет:
Баранов сосчитать — цифири нет,

Всех знаков чисел не хватило б нам,
Чтоб счет вести верблюдам и коням.

Но только сына старцу не дал рок,
На горькую печаль его обрек.

Он всем владел, а жаждал одного:
Чтоб милый сын родился у него,

Чтоб не слабела с брэнной жизнью связь,—
И жаждал крепче, старше становясь.

Он мыслил: обветпала утварь дней,
Прогнило древо жизни до корней,—

О, если б тополь молодой расцвел!
Пусть клонится к паденью старый ствол,

Но тополь над склоненною главою
Раскинет тень, шума своєю листвою.

Он мыслил: раковина пропадет,
Но будет жемчуг радовать народ.

Пусть я, богатства накопив, умру,—
Не даст наследник пропадать добру.

Пусть ввечеру зайдет моя заря,—
Взойдет другая, веселей горя.

Она взойдет над племенем родным,
Охватит небо пламенем своим...

Нет, соловей над высохшим кустом
Не станет петь... Иль ты забыл о том?

Когда свечи истлеет фитилек,
Не станет светом резвый мотылек.

Ты цели не достиг в конце пути?
Так цель свою в терние преврати!

И старец не роптал и не просил
И жребий свой послал пред богом сил.

И заслужил смирения венец,
И сына даровал ему творец!

А сын какой! Сердца испепелив,
Влюбленных Мекку в нем явил халиф.

Ты мысли раковиной пазови,
А плод любви — жемчужиной любви,

Зефиром в сокровенном цветнике,
Сапфиром в драгоценном тайнике!..

Высокий лоб, любовью озарен,
Являл добра и верности закон.

Любовь — страна. Воскликнул шах страши:
«Пусть от звезды незримой до луны

Светила все почной украсят пир:
Звезда любви в земной скатилась мтр!»

И сразу потемпел небесный свод:
Ушел на шир созвездий хоровод...

Заволновалось воинство любви,
Печаль построила войска свои.

Беда младенческих коспулась век:
«Здесь будут русла горьких, скорбных рек».

Разлука кудри гладила, скорбя:
«Я дождь камней обрушу на тебя».

Страдание омыло рот ему:
«Я пламя вздохов к небу подниму».

Любовь заговорила, тронув грудь:
«Ты, чистая, моим жилищем будь!»

Отец, гордясь жемчужиной своей,
Жемчужинами одарял людей.

Он Кайсом порешил дитя наречь
И нянькам поручил дитя беречь,

И вот, закутан в соболь, в горностаю,—
Бугоном розовым его считай!—

Ребенок в колыбели, как в саду,
Или, верней, как лепесток в меду.

И, чистотою впутренней блестя,
Покой и радость паячили дитя,

Его от злого рока стерегли
И как зеницу ока берегли.

Дитя напоминает нам слезу:
Ребенок в доме, как слеза в глазу.

Он в бархате едва ли не лежал,
Он косточкой в миндалине лежал!

Стоял народ вокруг его шатра.
Чтоб не прошли холодные ветра!

Но пред судьбой бессильны сотни слуг:
К младенцу в колыбель проник недуг.

Вздохнет он — видишь: горе глубоко,
Глотнет он — станет кровью молоко.

Украдкой тянется к огню дитя,
Любовным пламенем его сочтя,

И так как ноги по земле не шли,
Он ползать начал с первых дней в пыли.

Страданье было перазлучно с ним
И вырастило мальчика больным.

Когда грулным младенцем плакал он,
Всем чудился тоски великой стон.

Когда слова произносить привык,
Резцу он уподобил свой язык.

Когда беседовать он стал с людьми,
Казались мудрецы пред ним детьми.

Манило всех горение в очах.
И радость вдохновения в речах.

Он душу покорял, он увлекал,
В живую плоть он слово облакал,

Из уст прекрасных вылетев едва,
В сердца людские падали слова!

Услышали об этом чуде все,
Узреть его мечтали люди все,

И толпами со всех сторон текли,
И, глядя, наглядеться не могли.

Того привел в смятенье лик его,
Другому в сердце ум проник его.

Он был мечтой, любимцем бедняков,
И сто красноречивых стариков

Немыми стапуг, уст не разомкнут,
Когда рассказывать о нем начнут!

Родителям он дорог был равно,—
Два сердца, полюбившие одно.

И, поражаясь чадуг своему,
Его словам чудесным и уму,

Сказали так: «Да минет горе нас,
Пусть мальчика дурпой не сглазит глаз!

В шелка заботы кутая дитя,
Окурим дикой ругею дитя!»

Когда вступил он в пятую весну,
Решил отец: «Учить его пачну».

И, не теряя времени, велел —
Среди родного племени велел —

Учителя для мальчика найти,
Наставника, вожакого в пути,

Чтоб милый Кайс достойным сыном был,
Великих знаний властелином был,

Чтоб в чуждых землях край прославил свой,
Чтоб с поднятой ходил он головой...

* * *

И я, наставник, знанием влеком!
Сам разум у тебя — учеником.

Скорей листок ребенку в руки дай,
А мне урок любви науки дай!

Глава II

*О том, как Кайс начал учиться в школе, увидел красоту
Лейли и занозы любви вонзились в его сердце*

Тот, кто уроки мне давал не раз
В науке слова, так повел рассказ:

Для Кайса начали искать вокруг
Наставника и знатока наук.

В той местности наставник славен был,
По праву ангелам он равен был.

Учил детей он племени всего:
Не знал отрадней бремени сего.

Звезда наук, он был земле не чужд,
Открыл он сердце для народных нужд.

Высокий сапом, был он к лести глух,
Превыше сава был высокий дух!

Был гнев его горячим, жестким был,—
В его руках и камень воском был!

Был гнев самумом,— не губил он роз,
Из племени былинки не унес.

Вкусивший светлый хлеб его щедрот,
Лепешкой жалкой солнце называет!

Кошюшней старой пред его страпою
Казался беспредельный мрак почпою.

Родимый кров от недругов храня,
Он был сильясе ветра и огня.

От всех печалей мира и невзгод,
Как крепость, ограждал он свой народ.

Жемчужинами был мудрец богат,
Но лишь одною восхищался взгляд.

Взрастил он много роз в своем саду,
Но лишь одной ценил он красоту,

Светильником гордился лишь одним,—
Как искра, тлело солнце рядом с ним!

В его дому была свеча одна,
Как в небесах всегда одна луна,

Но та свеча была такой лупой,
Перед которой слепнет глаз дуриой.

Нет, не свеча, а кипарис блестит,
Которому завидует самшит!

Нет, не луна, а счастья звездный дар,
Не звездный дар, а солнца грозный жар!

Кто губы разгадает, кто поймет?
По цвету — фишки, по вкусу — мед.

Ланитам кто сравненье дать готов?
То — луны под завесой облаков.

Как солнце — лик ее в ночи волос,
Ночное небо солнцем обожглось!

О ночь! Лейли! Мы смогнем на тебя,
Рассвета блеск забыв и разлюбя,

Две брови черные на белом лбу,
Соперничая, начали борьбу,

Но родинка вмешалась в бранный спор,
И брови не воюют с этих пор.

Даруют брови, сведены басмой,
Свет полнолуныя, спорящий со тьмой,

Их кипарисами назвать могу:
Не правда ль? Ветер их согнул в дугу!

Два глаза — два могучих колдуна.
Им сила чародейная дана.

О, дремой осененные глаза!
Истомой опьяненные глаза!

Над вами кипарисы в жаркий день
Простерли страстного желанья тень.

Чему я уподоблю ряд ресниц?
То — войско негров у своих границ.

Миганье? Те негры пред тобой
Затеяли междоусобный бой.

Нет, неграми ресницы не считай!
Давно богат газелями Китай,

Потребны копыта нам для ловли их,
Ресницы — копыта. Взять готов ли их?

Но черный мускус пролила газель,
И копыта стали черными отсель...

Ее лицо в приманку нам дано,
А родинка — приманное зерно.

Попался на приманку человек,
И стал он пленником любви навек.

Так сладостен ее прекрасный рот,
Что стали и слова ее как мед.

В губах сокрыла сердца чистоту.
Родник живой воды — слюна во рту.

О все животворящие уста,
Рубинами горящие уста!

Гранильщик им ущерб не панес,
В них — сок янтарный виноградных лоз...

Стройна, как молодое дерево.
Мертвец воскреснет, увидав лицо.

Живой увидит — вечность обретет,
Другая жизнь к нему тогда придет.

Она, как мысль правдивая, чиста,
Как жалобы народной правота.

Две темные, тяжелые косы —
Две ночи в блеске неземной красы.

Вот почему ты Ночью названа!
Ты — Ночь могущества, ее луна!

Тебя хвалить захочет сын земли, —
Не сыщет слова, равного «Лейли»!

И всех ночей чудесней эта ночь,
И свет очей отца такая дочь.

Покой богатый ей отец отвел,
Покой — луны прекрасной ореол:

Он школой был. Подобные звездам,
Сияли дети, собранные там.

Учитель, о котором речь была,
Их наставлял на добрые дела.

Он райской гурией Лейли назвал:
Уроки ангел гурин давал.

Об этой школе всюду шла молва,
Хвалебные текли о ней слова.

О ней родитель Кайса услышал
И счел ее достойною похвал.

И Кайса в эту школу отдал он,
Как повелел обычай и закон.

Был Кайс наставнику в ученье дан:
Жемчужина упала в океан.

И радуясь жемчужине своей,
Стал океан светлей и веселей,

И в добрый час, и справедлив, и строг,
Учитель вывел на доске урок.

Но сколько ни писал он, — все равно
Казалось, Кайс об этом знал давно!

Когда сокровище вселенной — Кайс
Учиться начал, — несравненный Кайс, —

Была месяцеликая больна.
Была тоска подруг по ней сильна.

Ее природа — солнца горячей...
Есть горечь некая в жару лучей!..

Горит светильник. Масла ты подлеи —
И будет он гореть еще светлей.

Песок полдневным солнцем накален.
Огнем ожги — и жарче станет он.

О пери! Огненная у тебя душа,—
И вдруг подул самум, огнем дышал

Она любила финики и мед,
Вино, воспламеняющее лед.

Четыре — мед, самум, душа, вино —
Соединились: тело зажжено!

И пери лихорадкой больна:
Вошла в нее украдкой она.

Лейли дрожит, как тополь поутру,
Как белый тополь на степном ветру,

И тело рвется на куски... не ложь:
Землетрясение — такая дрожь.

И желтым стал огонь ее лица,
Как нежной розы желтая пыльца,

Родные собралась вокруг Лейли,
Врачей искусных к ложу привели.

Что пользы нам от сотни лекарей?
Природа может вылечить скорей!

Что пользы нам, что воскрешал Иса?
Творит одна природа чудеса.

Хотя врачи руками развели,
Но сжалилась природа над Лейли:

Вернула силы ей, недуг исчез,
Вновь стала пери чудом из чудес.

Улыбка на губах — стократ светлей,
Румянец на щеках — стократ милей.

Соскучилась ученая краса,
Услышать хочет школы голоса.

И волосы, подобные мечте,
Искусно убрала ей мешшате

И, красоту украсив красотой,
Застыла, восхищенная звездой.

Два завитка — веди сравнение вдаль! —
Как в слове «хадд» удвоенное «даль»!

А родинка над ртом — открою вам —
Как точка черная над словом «Фам»;

Подобная индусу-колдуну,
В рубинах губ таит она слюну!..

Ее уста — живой воды родник,
И пламень губ в живой воде возник!

Огонь румянец на щеках разжег,
Их золотой осыпал порошок.

Два глаза, подведенные сурьмой,
Соперничают с полуночной тьмой.

Не молния грозы — ее лицо,
А молния красы — ее лицо.

Да, молния: то — ливня бедствий жди,
То — милостей посыплется дожди!

Вкруг шеи ожерелье зажжено,
Как звезды вкруг луны, горит оно.

Повязка — лунный луч на волосах...
Рок видит смерть свою в ее глазах!

Вся хороша, от головы до ног,
Любви душа — от головы до ног!

Она выходит. Властная краса
Смущает мир земной и небеса.

За ней — служанки, юны и стройны,
Как приближенные самой весны.

И в школе стало празднично, светло:
Игривое веселие пришло!

Учитель счастлив: миновал недуг.
Он отпустил гулять ее подруг.

Как солнце для небес и для земли,
Была для школы светочем Лейли.

Лейли, как ночь весны, сердца влечет!
Ей оказали девочки почет,—

Созвездья так приветствуют луну,
Так сад встречает юную весну.

Все расцвело. Лишь дерево одно
Дыханьем осени обожжено,

Пылает увядания огнем,
И пожелтела вся листва на нем!

Увидел Кайс весеннюю зарю,
И стал он весь подобен янтарю,

Вокруг царила юная весна —
Его лицо покрыла желтизна,

Дыханье осени в его крови:
Восточный вихрь ворвался, вихрь любви.

По телу слабому пошел озноб,
Росой холодной увлажнился лоб.

Он чувствовал: сейчас конец придет,
В беспамятстве сейчас он упадет.

Его лицо менялось каждый миг.
Он обезумел: он любовь постиг.

Любви пригубил чашу в первый раз,
Хлебнул глоток — и опьянел тотчас.

Но, мучаясь, он пересилил страсть,
Чтобы на землю тенью не упасть.

На Кайса поднял взор его кумир...
Ей показался темным светлый мир!

В огонь упала слабая душа,
Сгореть в любовном пламени спеша.

Волнение Кайса ей передалось.
Он для нее прозрачным стал насквозь.

Лейли глядит — и видит только страсть,
Да, и она любви узнала власть!

И с топкостью понять ему дала,
В каком она огне, и поняла

Потом сама: «Когда ему сейчас
Не помогу, для посторонних глаз

Он явной сделает свою любовь,
Мы встретиться тогда не сможем вновь,

Ему не разрешат учиться тут,
Преграду между нами создадут».

И молвила, подняв глаза с трудом:
«Друзья мои! Давайте в сад пойдём;

Всей школой хорошо гулять в саду!..»
Ученики ликуют: раз в году

Такая радость красит долю их:
Учитель отпустил на волю их!

И Кайс, усилие сделав над собой,
Смешался тоже с резвою гурьбой...

Искусный садовод в саду любви
Мне розовую чашечку сорви:

Скажу, на завязь бросив быстрый взгляд,
Какже розы разукрасят сад!

Глава III

*О том, как Кайс увидел Лейли в весеннем саду и упал
в беспамятстве*

Глава IV

*О том, как Кайс, придя в себя, застонал, как соловей,
и снова потерял сознание и отец увел его с собой*

Глава V

*О том, как Кайс направился в сторону племени Лейли,
как он беседовал с собакой Лейли, а потом увидел свою
возлюбленную*

Кто воспевал страдальца бытие,
Так заставлял писать перо свое:

Беспамятством, бессильем одержим,
Не ведал Кайс о том, что стало с ним.

И вот узнал, едва лишь ожил он,
Как близких сердцу растревожил он.

Родители стонали день и ночь,
Не ведая, что делать, как помочь?

Тот — юный лоб, вздыхая, целовал,
Та — горестью убита наповал.

И, все поняв, смугился Кайс тогда,
Не знал, куда деваться от стыда,

Глядеть в отцовские глаза не мог,
В тоске лежал у материнских ног,

И под ярмом позора своего
Не поднимал он взора своего.

Когда увидели отец и мать:
В могилу Кайса может стыд вогнать,—

Решили не расспрашивать его,
Как будто не случилось ничего,

Решили слова не сказать в укор,
Чтоб мальчик позабыл про свой позор.

И мыслили, вздыхая тяжело:
«Быть может, наваждение прошло?»

Он станет сдержанней, горячий нрав
Природой целомудренной поправ?

Быть может, горести промчатся все?..»
И так гадали домочадцы все:

«Приснился юноше волшебный сон»,
«Виденьем неким был он потрясен»,

«Его с дороги сбил коварный див...»
Никто не знал, что, пери всех затмив,

Заворожила юношу Лейли,—
И восвоеси родичи пошли.

И Кайс остался наконец один.
Искал он горю своему причин.

Искал он исцеленья своего,
Алкал он избавленья своего.

Тоске внезапной изумлялся вслух,—
Метался беспокойный, слабый дух:

Любви отдаться? От людей бежать?
Но жалко покидать отца и мать.

Найти покой среди домашних вновья?
Но топчет сердце властная любовь!

Так он страдал, пока рука небес
Не сбросила на мир ночных завес.

И войском горя был он побежден:
Настала ночь — Лейли увидел он.

Каков удел влюбленных — он забыл!
И снегом убеленных он забыл

Отца и мать, забыл недавний стыд
И вот уже к возлюбленной спешит.

Не взял он волю в спутники себе,
И разум не был другом при ходьбе.

Он шел, и падал, и вставал, и шел,
И каждый шаг безумцу был тяжел.

Валялся, как поклонники вина
Валяются, напившись допьяна.

И видит он ставовица огни
И думает: «Меся сожгут оши!»

И сердце вдруг охвачено огнем,
И мнится: искры заметались в нем...

Взнес он к небу огненный язык,
Открыл огню воспламененный лик,

Как пышет пламенем зажженный куст,
Он песню-пламя выпустил из уст:

«Огонь, благословенный проводник!
Ты в почву печали предо мной возник.

Я вижу, искры падают в траву,—
Их звездами печали назову.

Вознесся дым, как вздох твоей груди,
Как цель, очерченная впереди.

Лепешку спрятал ты в своей золе,—
То месяц на заоблачном столе.

Кто взглянет на тебя, тому сурьмой
В глаза войдет легучий пепел твой.

Но роза не глядела на очаг.
Откуда ж цвет сурьмы в ее очах?

Или решила стать сурьмой зола,
Когда опа в твои глаза вошла?

Огоны! Горящий жар твоих углей
Рубинов драгоценных мне милей:

В нем вижу я — мне цвет багряный люб —
Всеножирающее пламя губ!

Нет, не венец — рубином, а венцом
Украшен сей рубин: ее лицом!

Ты в ночь заботы подал руку мне,
Ты озарил в ночи разлуку мне.

Как высказать, как я люблю тебя?
Каким стихом я восхваляю тебя?

И что тебе я, путник робкий, дам?
Алоэ и сандал в растопки дам!

Огонь! Тебе никчемных слов не дам;
Луну и солнце я в жаровни дам!

Огонь! Всегда будь на моем пути,
Всегда свети, вселенной всей свети!..»

Не кончил он, как ветер вдруг донес
Протяжный лай: залаял в стане пес...

Он скорчился, пошла по телу дрожь,
И на собаку стал он сам похож.

И стон его поднялся в тишину,—
Не стон, а вой нарушил тишину.

Как путник, потерявший караван,
Взывает, страхом темным обуян,

Следы читает сквозь крошечный мрак,—
Так шел несчастный Кайс, и пел он так:

«О ты, чей голос радость мне принес,
Ночной товарищ мой, печальный пес!

Ты, верный друг, мне громкий подал крик,
Всех заблудившихся ты проводник!

Вокруг селенья ходишь, честный страж,
Не правда ль, одинаков жребий наш!

Ворвутся ль ночью воры в мирный кров,—
Зубами в клочья разорвешь воров,

И хна для ног твоих — людская кровь.
О, мне конец такой же приготовь!

Я тоже пес, как ты, но ты важней:
Ты можешь в стан войти, к прекрасной, к ней.

Твоя судьба — храпить и хлеб и кров.
Моя судьба — бродить вокруг шатров!»

Так пел влюбленный, так шагал в пыли...
А ты, месяцеликая Лейли,

Ты плачешь тоже, ты грустишь о нем,
Ты видишь Кайса утром, ночью, днем,

Он призрак, он души твоей звезда.
Беда арабов — пленная беда:

Тебе попала, Кайс, в полон опа,
И вот не ест, не пьет, не знает сна...

Как легкий локон вьется на ветру,
Лейли в тоске металась по шатру

И падала на ложе, ослабев...
Вдруг скорбный к ней доносится напев,

Лейли глядит: в степи темным-темно,
Все племя сладким сном пьяным-пьяно.

Отраден сон для тех, кто не влюблен,
Но кто влюблен,— для тех запрещен сон...

Старуха-нянька вместе с ней жила,
Ее любви наперсницей была,

Благословила двух сердец союз,
Желала им нерасторжимых уз,

Ей Кайс — как сын, она — как мать ему...
Когда в степную выбежала тьму

Лейли, в ночи сияя, как луна, —
Как тень луны, пошла за ней она.

Лейли, не видя ничего, бежит,
К возлюбленному своему спешит.

Два вздоха пламенных светло зажглись,
Два сердца раненых в одно слились.

Как боль ясна, как тайна их чиста!
Как немостою сковапы уста!

Как будто солнце скрылось, а светло.
Нет наводнения, — стену всю снесло!

Друг друга пусть обрадуют они!..
Но без сознанья падают они.

Старуха тут заплакала навзрыд:
Увидят их — какой позор и стыд,

Они погибнут от людского зла!
И на плечо она Лейли взяла

И ношу понесла — любви сосуд.
Не так ли солнце небеса несут?

Ее согнуло горе... не солгу:
Так небеса сгибаются в дугу!

И девушку вернула в отчий дом,
И возвратилась к юноше потом,

И юношу взвалила на плечо,
И горе жгло ей сердце горячо.

Чуть ноша становилась тяжела,
Безумного по травам волокла,

Подальше от селенья своего,
От подозрений всяких, от всего,

Что может свергнуть юношу в беду,
Когда у всех он будет на виду.

Оставила его в степном песке,
И в дом направилась в глухой тоске.

Судьба-старуха, где твой правый путь?
К тебе взываю: справедливой будь!

Ты горе посылаешь на людей,
Как мать, проклявшая своих детей!

Глава VI

О том, как соплеменники узнали об исчезновении Кайса, нашли его в песке пустыни, доставили домой и Кайс повсюду прослыл безумцем, Междунуном

Кто рассказал о ночи роковой,
Украшил так рассказ печальный свой:

Увидели родные на заре,
Что Кайс опять не спал в своем шатре,

И ворота порвали на себе,
Взмолились небу о его судьбе.

Отец, рыдая, утешает мать,
Велит людей на поиски послать.

И люди, наконец, следы нашли:
Вели следы к становищу Лейли.

И люди в стан пришли по тем следам
И новые следы открыли там:

Одни — глубоко вдавлены в песок,
Как будто путник тяжкий вьюк волок,

Другие — как создания пера,
Как будто пери здесь прошла вчера,

А третьи — в глушь пустынную ведут,
Возникнут вдруг и снова пропадут...

И люди в глушь пустынную пошли,
Песчаный холм увидели вдали.

Приблизились, разрыли... о творец!
Там Кайс лежал, недвижимый, как мертвец.

Пустынный вихрь песком его запес!
Тут хлынули из глаз потоки слез.

«Убит, — один другому говорит, —
Убийцею тайком в песок зарыт».

И светлый мир им показался пуст...
Вдруг слышат: вылетает вздох из уст.

«О небеса! Он жив, он жив еще!»
Один из них взял Кайса на плечо,

И люди тропулись в обратный путь...
Разорвалась родительская грудь,

Когда больной вернулся в отчий дом!
Но Кайс, придя в сознание с трудом,

Не знал, как объяснить поступок свой,
Стоял с опущенною головой. -

Обрушились упреки на него,
Во всем нашли пороки у него.

Один сказал: «Тебя сломила страсть?»
Другой: «Ты страстью наслаждался всласть?»

А третий: «Будь сильней, сломи ее!»
И что ни слово — острое копьё.

Вонзились в сердце резкие слова,
Осыпана камнями голова —

Невидимую грудю камней:
Невидимые, бьют они больней!

Один сказал: «Поставить должно ум».
Другой: «Избавить от опасных дум».

А третий: «На ноги наденьте цепи!»
Но Кайс молчал, вперяя взоры в степь.

Мечтал он, чтобы день короче стал,
Он с нетерпеньем темной ночи ждал,

И только звезды стали высыпаться,
Он к племени Лейли пошел опять,

Опять родители к его шатру
Направились поспешно поутру,

Опять его нашли в степной глуши,
И был сильней недуг его души.

Опять слова — острей змеиных жал...
А ночь пришла — опять он убежал.

И поняли родители тогда:
У них — непоправимая беда.

Слова напрасны: кто безумен, тот
Безумным слово разума сочтет.

Собрали знахарей, и лекарей,
И колдунов, чтоб вылечить скорей.

Росло в дому советчиков число,—
Безумие любви быстрее росло,

Недуг страдальца был неисцелим...
И дети бегать начали за ним.

И вот Меджнуном прозван с юных лет.
«Меджнун! Меджнун!» — ему неслоь вослед.

Но что ему, сошедшему с тропы,
Презрительные прозвища толпы,

Когда в глухое впал он забытье,
Когда он имя позабыл свое,

Народа своего, своей земли, —
Одно лишь имя помнил он: Лейли!

Когда: «Лейли!» — он голос поднимал,
Меджнун пред ними — каждый понимал.

Он шел по вечерам и по утрам
К становищу Лейли, к ее шатрам,

Чтоб воздух племенн его вдохнуть.
И камнем ударял себя он в грудь.

Влачил вокруг шатров страданья цепь,
А прогоняли — возвращался в степь.

* * *

О ты, кто сделал степь моей страной!
Я заблудился. Сжался надо мной!

Я одинок. Устал я в царстве лжи.
Дай руку мне, дорогу покажи!

Глава VII

О том, как отец Лейли, узнав о любви Меджнуна к своей дочери, разгневался на отца Меджнуна и тот заковал сына в оковы

Кто написал страданья книгу, тот
Свое повествованье так ведет:

И превратил круговорот времен
Меджнуна имя в притчу для племен.

Владыкам сильным, людям слабым всем, —
Известным сделалось арабам всем.

И некто благосклонный, злобы враг,
О нем отцу Лейли поведал так:

«Был Кайс несчастный в племени Амир,
Его способностям дивился мир.

Разумен был он, сдержан был весьма,
Но, кажется, теперь сошел с ума.

Чуждается людей отныне он,
Блуждает и вопит в пустыне он.

Жалеют люди: «Бедный человек,
Любовь свершила на него набег!

Он словно грозной бурей влеком:
Любовью к некой гурии влеком».

Отец Лейли растроган был до слез.
Он руку укусил и пронзес:

«Ах, бедного хвалили столько раз,
Его дурной, наверно, сглазил глаз.

Ах, светлая погибла голова,
Ум совершенный, дивные слова!

Язык сладчайший всем понятен был,
Он и моей душе приятен был.

О, каковы страдания отца
И матери! Разбиты их сердца!

Каким огнем он мучим и палим?
Душа объята пламенем каким?

Какая роза в нем любовь зажгла?
Какое племя для него кыбла?»

И некто молвил: «О дающий свет!
Раз ты спросил, позволь держать ответ:

В степи широкой множество племен, —
Ни к одному из них не склонен он.

Его любовь плоха или хороша,
Но в племени твоём — его душа,

Но в племени твоём — весь мир его,
Но в племени твоём — кумир его!

В гареме целомудрия — душа.
Лишь ветром целомудрия дыша,

Она прекрасна, как весенний ток.
Основа этой ткани и уток —

Учтивый, скромный нрав... Но пробил миг,
И вздох страдальца в сердце ей проник...

В его очах — забвение всего.
В его речах — свержение всего.

Ты знаешь сам: оп мастерства достиг,
Отмечен высшим даром плавный стих,

Но в каждой строчке — имя лишь одно,
Не будет упомянуто оно.

Сказал я. Сам теперь ты все поймешь
И разум свой в советники возьмешь».

И слушавший лишился вдруг себя.
Как нитка, закрутился вокруг себя,

Сначала даже слова не сказал,
Ни доброго, ни злого не сказал,

В ушах его стоял немолчный шум!
Потом очнулся, успокоил ум

И молвил так: «Ступай, вкушая мир.
Скажи владыке племени Амир:

«Такие речи недостойны нас,
Я перед ними слух замкнул сейчас.

Пусть говорит пародная молва,
Но ты гони подобные слова.

Давно сыновний видел ты недуг,
Ты должен был смприть строптивый дух.

Знай, заслужил безумен одного:
Цепь, только цепь — лекарство для него!

Иль ты забыл могущество мое,
И каково имущество мое,

И как мое значенье велико?
С тобой и сыном справлюсь я легко!

Или тебе неведом больше страх?
Я раздавлю, я превращу вас в прах!

Запрю Меджнуна, если он упрям!
Не подпускай его к моим шатрам!

Настойчив будет он в своих делах,—
Тогда судьбою станет нам аллах,

Его тогда о милости моли:
Я твой народ смету с лица земли!»

Отправил с этим словом он посла:
Война свой пламенный язык зажгла.

Пришел посланец, долг исполнив свой...
Поник родитель Кайса головой,

Когда он смысл речей уразумел.
Спасенья нет! Смириться он сумел,

Согласье дал. Простился с ним посол...
А весь народ в смятение пришел,

Меджпуна люди бросились искать
И плачущим нашли в степи опять,

Как будто был покойник у него
Или напал разбойник на него!

Безумца притащили в отчий дом,
Надели цепи на него потом...

* * *

О ты, чей жребий — звон стальных цепей,
Гордись счастливой участью своей!

Кто и в ценах сберег свободы пыл,—
Свободу многим тысячам добыл.

Глава VIII

*О том, как Меджнун пылал, словно огонь в печи, страдал,
как птица в силке, и цепи расплавились от огня его
сердца, и он удалился в степь*

Глава IX

*О том, как Лейли увидел Ибн-Селлям, влюбился в нее,
отправил сватов и получил согласие отца Лейли*

Кто жемчуга блестящих слов низал,
Увидел мысли блеск и так сказал:

В ту ночь, когда Лейли, в тоске немой
Покинув сад, направилась домой,

В пути благоухая, как жасмин,—
Ее увидел человек один

И потрясен розоволикой был!
Среди арабов он владыкой был

И прозывался так: Бахт Ибн-Селлям...
Терял он счет верблюдам и коням,

Баранам и быкам терял он счет,—
Покрыв пустыню всю несметный скот,

И так как знатен был он и богат,
Он жил, ни в чем не ведая преград...

Заботы заблудившемуся нет,
Когда увидит звездный блеск монет.

Звезда блеснула Ибн-Селляму вдруг,
И душу страстный охватил недуг.

Не запустил болезни он своей,
Задумал исцелить себя скорей.

Направился к становищам своим,
И кинулся к сокровищам своим,

И выбрал сто подарков дорогих,
Сто редкостей,— не видел мир таких,—

И выбрал несколько проводников,
Как шейхи, златоустых стариков,

И людям цель свою открыл глава,
И племя приняло его слова.

Послы, чуть свет, чтоб не застиг их зной,
Поехали с подарками, с казной.

Отец Лейли приветствовал гостей:
Он долю получил благих вестей,

Он Ибн-Селляма знал уже давно,
К нему приязнь питал в душе давно:

Богат и знатен, как гласит молва,
Народа Бёну Асад он глава...

И вот, к приему посланных готов,
К ним дружбу проявил на сто ладов.

Радушием смущенные послы,
Седые, благосклонные послы,

Раздав подарки и воздав хвалу,
Присев к гостеприимному столу,

Рассказ неторопливый повели,
Рассказ красноречивый повели

И, цель свою достойно объяснив,
Ответа ждали, головы склонив.

Сказал отец: «Да снидет благодать!
Когда моим он сыном хочет стать,

Я встречу как родной отец его,
Да красит жемчуг мой венец его!

Но потерпеть он должен некий срок:
У розы как бы сломан стебелек,

Она больна, гнетет ее тоска.
Надежды пальма — веточка песка,

И солнце — только месяц молодой.
Когда придут здоровье с красотой,

Пусть поспешит благословенный сын,
И с розой пусть обнимется жасмин!»

Так, расточая согни добрых слов,
Обрадованных отпустил послов...

Лейли гуляла в этот час в саду,
Еще не зная про свою беду.

Там нет лекарства от ее тоски,
Там розы распустили лепестки,—

Ей розы открывали вновь и вновь
Кровопрелитную свою любовь,

Как бы кровавый обнажили меч,
Чтоб сердце ей безжалостно рассечь.

И вот печаль свершила свой набег,—
И плакала рожденная для нег.

Она пришла домой, дрожа, в бреду,
Сказала: «Дурно стало мне в саду».

Так обманула легковерных слуг.
Но те, кому понятен был педуг,—

Ее друзья, наперсницы любви,
Стремилась ей отдать сердца свои.

И занялся у старой няньки дух:
А вдруг ушей Лейли достигнет слух

О том, что замышляет Ибн-Селлам?
Тут сердце разорвется пополам!

Решила: скроем от Лейли скорей,
Какой удел приуготован ей...

Однажды к ним знакомые пришли,
Друзья, подруги, жившие вдали,

И все, кто был отцу Лейли сродни,—
Больную навестить пришли они.

Была меж ними дряхлая весьма
Старуха, выжившая из ума.

Она, чтобы влюбленную развлечь,
Язык в смертельный превратила меч;

«Не огорчайся, роза! От волос
На лик твой много амбры пролилось,

Но скоро обретешь веселье ты,
Нас позовешь на новоселье ты,

Возвращена здоровью будешь ты,
Исцелена любовью будешь ты!

Нет в мире краше прелестей твоих,—
Красивым оказался твой жених.

Об этом люди говорят давно.
В твой кубок льется радости вино!»

Старуха вовсе разумом плоха:
Сказала даже имя жениха...

Когда в сознание перн дорогой
Проникла весть об участи такой,—

Та весть дошла случайно до нее,—
И явной стала тайна для нее!—

Сознание покинуло ее,
Старуха сердце вынула ее!..

* * *

О ты, кто скрыт, но явен, кто, в глазах
Отсутствуя, присутствует в сердцах!

Открыл ты пламя сердца небесам,
Открой сиянье и моим глазам!

Глава X

О том, как Лейли, узнав о прибытии сватов, стала проливать кровавые слезы и мать ее заплакала, увидев страдания дочери

Глава XI

О том, как отец Меджнуна повез его на паломничество в Мекку, и как Меджнун привел в смятение паломников, поведав богу о своей сердечной муке

Кто мысли излагает без прикрас,
Так начал удивительный рассказ:

Когда страдалец, жертва всех скорбей,—
Меджнун освободился от цепей,

Когда, не разыскав безумца, в дом
Вернулись посланные со стыдом,—

Тогда в отца смятение вошло,
На мать как бы затмение нашло.

Они сидели, слабые, вдвоем,
Они о сыне думали своем:

Слова найдут — и тут же отведут,
Возникнут мысли — тут же отпадут.

И так они решили наконец:
«Всевышний лишь поможет нам творец!»

Мы нищим подаянье раздадим,
Отыщем путь к отшельникам святым,

Пусть дервиши помолятся в тиши
Об исцелении больной души.

Узнав о двух беспомощных сердцах,
Нам сына, может быть, вернет аллах!»

Нарочно ль время выбрали они,
Но подошли паломничества дни.

В пустыню вновь отправили гонцов,
И найден был Меджнун в конце концов.

Меджнун забудет для Каабы все.
Кааба исцелить могла бы все!

И, нищих одаряя без числа,
Семья Меджнуна в Мекку понесла.

И прибыли паломники в Харам,
Увидели благословенный храм.

На каменной основе он стоял:
На непреложном слове он стоял!

Благоговейным трепетом влеком,
Безумец обошел его кругом,

Издав безумец исступленный крик,
Сказал: «О ты, владыка всех владык!

Ты, говорящий мертвому «живи»!
Весь мир бросающий в огонь любви!

Ты, открывающий любви тропу!
Сгореть велевший моему снопу!

Ты, нам любви дающий благодать,
Чтобы камнями после закидать!

Ты, женщине дающий красоту,
Из сердца вынимая доброту!

Ты, утвердивший страсти торжество!
Ты, в раковину сердца моего

Низринувший жемчужину любви!
Раздувший пламенник в моей крови!

Испепеливший скорбью грудь мою,—
Вот я теперь перед тобой стою!

Несчастный пленник, проклятый судьбой.
В цепях любви стою перед тобой!

И тело в язвах от любовных ран,
И тело режет горестей аркан,

Суставы тела — грубые узлы,
Душа сожженная — темней золы,

Но все же я не говорю: «Спаси!»
Не говорю: «Мой пламень погаси!»

Не говорю: «Даруй мне радость вновь!»
Не говорю: «Убей мою любовь!»

Я говорю: «Огонь раздуй сильнее!
Обрушь трикраты на меня камней!

Намажь мои глаза сурьмой любви!
Настой пролей мне в грудь — самой любви!

Да будет зной — пылашем любви,
Да будет вихрь — дыханием любви,

Язык мой — собеседником любви,
А сердце — заповедником любви!

Я загорюсь — пожару не мешай!
Меня побьют — удару не мешай!

Меня печалью, боже мой, насыть.
Дай ношу скорби множимой носить!

Мне люди скажут: «Вновь счастливым будь,
Забудь свою любовь, Лейли забудь...»

Бесчестные слова! Позор и стыд!
Но пусть и тех людей господь простит.

О, в кубок просьбы горестной моей
Поболее вина любви налей!

Два раза кряду предложи вина.
Напьюсь любовным зельем допьяна.

Великий бог! Мне жилы разорви,
Паполни страстью их взамен крови!

Души моей, аллах, меня лиши,
Дай мне любовь к Лейли взамен души!

О всемогущий! Смерть ко мне пришли,—
Мне станет жизнью память о Лейли!

Больному сердцу моему вели:
Да будет сердце домом для Лейли!

Великий бог мой, милости продли:
Да будет вздох мой вздохом о Лейли:

Лиши меня вселенной целой ты,—
Мою любовь нетленной сделай ты!

Когда, господь, изменят силы мне,—
Врачом да будет призрак милый мне!

Когда последняя наступит боль,—
Сказать: «Лейли!» в последний раз позволь.

Захочешь возвратить меня к живым,—
Дай мне вдохнуть ее селенья дым.

Геенну заслужил я? Раскали
Геенну страстью пламенной к Лейли!

Достоин места я в твоём раю?
Дай вместо рая мне Лейли мою».

* * *

Когда мольбу любви Меджнун исторг,
Привел он всех в смятенье и восторг.

Оцепенели жители пустынь,
И каждый повторял: «Аминь! Аминь!»

Отец от горя разум потерял:
Он всю надежду разом потерял.

И Кайс безумным сделался опять,
Утратив разум, перестал рыдать.

Родные, слушая безумный бред,
Решили так: «Пути к спасенью нет».

И подняли его и всей семьей
Они Меджнува понесли домой...

Водой любовный пламень не туши:
Стать маслом ей дано в огне души.

Хотели сделать слабою любовь,—
Усилили Каабою любовь...

* * *

О ты, кто край Каабы посетил!
Ты в свой восторг меня бы посвятил!

Молясь творцу, меня вспомяни:
Огнем любви себя воспламени!

Глава XII

*О том, как Меджнун порвал нити дружбы с людьми,
подружился с дикими зверями и встретил в пустыне
полководца Науфаля*

Кто эту быль узнал из первых рук,
Свои слова в такой замкнул он круг:

Когда прошли паломничества дни,
Познало племя густести дни.

Отец в оцепененье вскоре впал,
В неопизуемое горе впал,

Отчаялся безумного спасти,
Вернуть его с безумного пути.

И так, в слезах, решил о сыне он:
Как знает, пусть живет отныне он!

И вот Меджнун скитается в горах,
В глухих степях, где зноем выжжен прах,

Куда идет? Не скажет, не поймет,—
Толкает сила некая вперед!

У слабого покоя боле нет,
Желанья нет и доброй воли нет.

Измученный, бредет в жару, в пыли,
Одно лишь слово говорит: «Лейли!»

Окинет землю с четырех сторон,—
Одну Лейли в сиянье видит он.

Вообразит он только лик ее —
И стройный стан уже возник ее.

И думает тогда Меджнун: «Хвала!
На кипарисе роза расцвела!»

Он о Лейли слагает сто стихов,
Сто редкостных газелей — жемчугов,

Всем рифмам красота Лейли дана,
Лейли во всех редифах названа!

И в каждом слове страсть к Лейли звенит,
И в каждом звуке власть любви пьянит.

И строчек падает жемчужный ряд,—
Они обрадуют и огорчат:

Для горя — сладость: вспомнить о Лейли,
Рыдает радость, вспомнив о Лейли.

И каждый стих — великий чародей,
Смятенье сеет он среди людей,

Унылому дарит надежду вновь,
Вселяет в равнодушного любовь.

Когда блеснет в мозгу Меджнуна свет,—
Он — дивных слов кудесник, он — поэт;

Войдет безумие в свои права,—
Он говорит пелепые слова,

Бессмысленно другим внимает он,
И сам себя не понимает он.

Испепелен тоской великой он,
И как бы стал пустыней дикой он. .

Рыдает горько без кручины он,
Смеется звонко без причины он.

Плоть без души,— он скорбною тропой
Бредет, весь в синяках, избит судьбой.

Опомнится на миг Меджнун,— и страх
Войдет в него, он завопит: «Аллах!»

Но странника спасительный испуг
Бесстрашная любовь прогонит вдруг...

Он плакал как ребенок, он кричал,
И долго отзвук в горной мгле звучал.

В песках он высохшим растением был,
Отца и мать забыл, себя забыл.

Он муку сделал спутницей своей,
И скуки не знавал он без людей.

Он яства и питье забыл давно,
Он самоистязанья пил вино.

Он шел и шел, куда — не зная сам:
Подобен путь безудержным слезам.

Людей чуждался в страхе странном он,
Пугливым сделался джейраном он.

Он жил в степи, животных не губя:
Природу пса он вырвал из себя.

И вот газели дружат с ним стада,
Он окружен газелями всегда,

Он с ними разговаривает вслух,—
Газелей диких он теперь пастух.

Газелей на руки порой берет,
Одну целует в лоб, другую в рот.

Дика пустыня, и земля тиха,
И волки, как собаки пастуха.

И гибель ожидала бы его,
Но бог услышал жалобы его.

* * *

В пустыне пребывал глава племен.
Был Науфаль и честен и умен.

Среди арабов редкостью он был.
Повсюду славе меткостью он был.

Владел он луком и мечом владел,
Расширил он земли своей предел...

Охотился однажды Науфаль,
Попали ловчие в глухую даль.

Охота всю пустыню потрясла:
Газелям вокруг Меджнуна нет числа,

И всякая спешит к Меджуну дичь,
Охотничий слышав страшный клич.

Пернатых стаи и стада зверей
Меджнуна просят их укрыть скорей.

«От гибели спаси ты!» — просят все,
Убежища, защиты просят все...

И странным происшествием таким,
Противным всем обычаям людским,

Был Науфаль безмерно удивлен:
«Что это означает? — молвил он.

Я, кажется, в своем уме вполне!
Благоговение внушает мне

Событие, украсившее свет!
Вы тоже это видите или нет?»

И несколько нашлось людей таких,
Которые слышали от других,

Какая губит юношу печаль.
Их выслушав, заплакал Науфаль:

И он путем любви когда-то шел,
И он блуждал в пустыне бед и зол!

Границ не видит горю своему,
Охота опротивела ему,

Сказал: «О дивный эликсир — любовь!
Ты молнией сжигаешь мир — любовь!

Когда ты сердце жертвой изберешь,
Войти не смеет в это сердце ложь.

Вот рядом человек и дикий зверь,
И зверь к нему ласкается теперь.

Любовь! Столь чистым сделало твое
Могущество Меджнуна бытие,

Что звери в нем не видят свойств людских!
Избавился Меджун от свойств дурных,

Лишился человеческого зла,—
И сразу дикость у зверей прошла!

Друзья! Не будем обижать зверей
И лук и стрелы бросим поскорей,

Собачьих свойств довольно в нас и так,—
Покрепче привяжите всех собак!»

И Науфаль, такой отдав приказ,
К несчастному приблизился тотчас.

Хотя в стада животных страх проник,
Между нп остановился все ж на миг,

Приязню к неизвестному влеком,
Как будто был он с ним давно знаком.

И Науфаль сказал ему: «Привет!»
И поклонился юбона в ответ

И молвил: «О, таким же будь и впредь!
Благословенье — на тебя смотреть,

И весь ты — солнце дружбы и любви,
Сняют верностью глаза твои.

Но странно мне: в довольстве ты живешь,
С толпой невежественной ты не схож,

Ты сыт, и людям голод не грозит,—
Зачем твоя стрела зверей разит?

Или других не знаешь ты забав,
Или мученный требует твой нрав?

Кто вправе кровь напрасную пролить
Лишь для того, чтоб душу веселить?

Наступишь на колючку в поле ты,
И закричишь от сильной боли ты.

Зачем же натянул обиды лук?
Зачем готовишь зверям столько мук?

Животным тоже душу дал аллах,—
Дыханье бога есть и в их телах.

Не будь убийцей. Стань душой добрей,
Безвинных ты не истребляй зверей».

И Науфаль, услышав эту речь,
Пред ним не постыдился паземь лечь

И молвил так, поцеловав песок:
«О ты, чей дух воистину высок,

Ты, непохожий на других людей,—
Моей душой отныне ты владей!

Я понимаю все твои слова
И принимаю все твои слова.

Не буду я преследовать стада:
Себя убью, а зверя — никогда!

И речь твоя в душе моей жива,
Но выслушай теперь мои слова».

Сказал Меджнун: «О чистый свет зари,
Благословенный свыше,— говори!»

И Науфаль отвечив: «О ты,
Кто стал примером вечной чистоты,

О ты, кто показал мне правый путь,
Сказав: «Вражду к беспомощным забудь»,—

Ты покоришь мой разум навсегда,
Беспомощным не причиню вреда.

И я стремлюсь к сиянью твоему,
Но я дивлюсь деянью твоему.

Наперекор обычаям, пойми,
Ты другом стал зверям, порвав с людьми.

Ласкаешь ты зверей, людей боясь.
Ужель тебе с людьми противна связь?

Творения светило — человек,
Предвидения сила — человек!

Дрожа перед породой людской,
Ужель среди зверей обрел покой?

Я знаю, по какой причине ты
Покинул мир, живешь в пустыне ты:

Одной розовощекой ты смущен,
Одной огненноокой ты сожжен.

Но если так, прошу тебя: покинь
На время некое зверей пустынь

И погуляй со мною в тех местах,
Где ты навек запутался в сетях,

Где дни твои в силке любви прошли!
Хочу с тобой соединить Лейли;

Благословит судьба такую цель,—
В одну вас положу я колыбель.

Нам не помогут просьбы и казна,—
Поможет нам священная война.

Подарки, деньги могут всех привлечь.
Чего не скажет золото, скажет меч.

Поможет нам небес круговорот,—
Найду я деньги, соберу народ,

Все мыслимые средства приложу,
Но этот узел бедствий развяжу,

А если будет против нас господь,—
Твою беду сумею побороть:

Тогда я сыном сделаю тебя,
Твой светлый ум и сердце возлюбя.

Но только ты друзей своих оставь,
Животных диких и ручных оставь!

Одной породы — люди все, поверь,
Природы разной — человек и зверь!..

Коль встреча с ней — желание твое,
Так приложи старание твое!»

При слове «встреча» задрожал Меджнун,
И слез горячих побежал Джейхун.

От радости страдалец ослабел,
От слабости скиталец онемел,

Улыбка на устах, в глазах вода...
И так заговорил Меджнун тогда:

«На все твои слова, мой старший друг,
Был у меня готов ответ, но вдруг

Ты слово «встреча» произнес, и мне
Все чуждым стало в дикой стороне,

И в мыслях отошел я от всего.
О, если обещаешь твоего

Тебе не даст исполнить род людской,—
Пусть служит голова моя ногой

Прославленному твоему коню,
Лицом своим — копыто заменяю!»

И так друг другу выказав почет,
И видя, как друг к другу их влечет,

Обрадовались близости своей,
Один другого полюбил сильней,

И тот, кто подал о свиданье весть,
Меджуна взять с собой почел за честь...

* * *

О ты, кто в жертву дал себя принести
Разлуке! Слышишь о свиданье весть?

Пусть не дождется встреч твоя душа,
Но даже весть о встрече — хороша!

Глава XIII

О том, как Науфаль потребовал от отца Лейли, чтобы тот выдал свою дочь за Меджнуна, а когда получил отказ, то решил пойти войной на племя Лейли

Глава XIV

О том, как отец Лейли, поняв, что его ждет поражение, решает убить свою дочь, и тогда Меджнун, который увидел во сне это злодейское намерение, просит Науфалья прекратить войну

Кто слѡва своего копье метнул,
Калама так поводья повернул:

Тогда как жаждет Науфаль войны,
Его противники устрашены,

Отца Лейли отчаянье берет:
Он медленным увидел свой народ.

Решил: дождемся бед, а не побед,—
И воинов собрал он на совет.

И долго люди спорили о том,
Как прекратить войну, каким путем?

Но споры прекратил отец Лейли:
«Дни испытания теперь пришли!

Что будет, если недруг победит
И наше войско в бегство обратит,

И Науфаль, всесильный, как эмир,
Мою Лейли — мой светоч, мой кумир,—

Захватит в плен? Скорбей тогда не счесть,
Погибнет наша слава, наша честь!

Нам умереть придется со стыда
Иль родину покинуть навсегда!

Я так решил предотвратить беду:
Лейли я на рассвете приведу.

Иглой стрелы одежду ей сошью,
Нужна ей хна? Я кровь ее пролью,

На землю пальму тела повалю
И в землю ствол зарыть я повелю.

Хотя она свеча моих очей,
Цветущий сад она души моей,

Она — мне дочь, и потому хочу,
Чтоб ветер смерти погасил свечу,

Чтоб осень разорила этот сад,
Но только чтобы враг не знал услад!

Пусть уничтожу юную красу,—
Зато свою и вашу честь спасу!»

И воинов обрадовал глава,
Одобрили они его слова.

Но Науфалия рать была сильней:
Удача гордо реяла над ней.

* * *

Меджнуна жизнь похожа на туман,
То счастлив он, то горем обуян.

Как вспомнит о Лейли, о встрече с ней,—
Его чело становится ясней.

Поймет, что племени ее грозит,—
Смертельная тоска его пронзит.

Сочувствует другим тот, кто влюблен:
Великодушье — вот любви закон!

Он горем был подавлен, угнетен,
А счастье па глаза нагпало сон.

Он дивный образ увидал во сне.
Нет, девушку, подобную весне!

Не девушку, а кипарис! О нет:
Для солнца — страшной ревности предмет,

И меркнет луч луны в ее луче!
От голоры до ног в шелку, в парче,

Касалась легкою стопой земли.
Межжун узпал ее, свою Лейли!

Остановилась на пороге вдруг,
Поцеловала Кайса в ноги вдруг,

Склонилась, чтобы его поднять,
И сделала, чтобы его обнять,

Для шев ожерелле пз рук.
Сказала: «Верный друг! Нет, вечный друг!»

Решил отец, а с ним и весь народ,
Убить меня, когда заря взойдет,

Чтоб солнце жизни скрылось за горой,
Чтоб стала кровь вечернею зарей,

Чтоб стала кровь вечернею зарей,
Чтоб я нашла жилище под землей.

Мой друг! Судьбу мою благослови!
Я раствориться жаждала в любви,

Искала я в любви небытия,
И вот исполнилась мечта моя!

Чего хотела, для чего жила,
К чему стремилась я — к тому пришла.

Пришла к своей любви, к твоей любви.
Прощай. Умру я завтра. Ты — живи».

Из глаз прекрасных слезы потекли,
И снящего покинула Лейли.

Издав безумец исступленный стон,
И сразу всех людей оставил сон.

Стонал он и рыдал в печали там,
А воины впотьмах кричали там:

«Что это значит? Нет ли здесь врага?»
Но к Науфалю быстро, как слуга,

Медкнув помчался, горестью гоним,
Поцеловал он землю перед ним,

Заговорил, — а страх застыл в глазах:
«О повергающий врага во прах!

Прошу тебя, — вложи свой меч в ножны.
Прошу тебя, — не продолжай войны.

Ведя войну, воюешь ты со мной,
В меня теперь вонзаешь меч стальной!

Лук ненависти вырони из рук:
Ты на меня направил этот лук!»

Был озадачен Науфаль весьма.
Подумал: Каис опять сошел с ума?

Расспрашивать страдальца начал он,
И рассказал Меджнун свой вещий сон.

И выслушал страдальца Науфаль,
И погрузился в долгую печаль.

И понял он: правдив Меджнун во всем,
Он просветлен правдивым, вещим сном.

Меджнун — прозрачный ключ с прозрачным
дном,

Он зеркало: мир отразился в нем,

Но, всматриваясь в эту чистоту,
Увидим только правды красоту!..

Когда пришла аравитянка-ночь,
Семью младенцев-звезд отбросив прочь,

Когда расставил юрты звезд, как встарь.
На синем поле тюрков государь,—

О сне Меджнуна, молнии быстрей,
Распространилась весть среди людей

Одобрил весь народ его слова:
«Уйдем назад, пока Лейли жива!»

И с войском удалился Науфаль,
А Кайс помчал коня в степную даль...

О голос неба, ты меня призвал,
Достоин ты бесчисленных похвал:

Рабу — счастливую мне долю дал!
О, лучше бы, прогнав, мне волю дал...

Глава XV

*О том, как Меджнун покинул Науфалья, удалился в степь,
встретил Зейда и тот, сочувствуя горю Меджнуна,
отправился к стоянке племени Лейли*

Глава XVI

*О том, как Меджнун пришел на старое становище Лейли,
как встретил ее собаку, страдавшую чесоткой, как
беседовал с людьми из племени и как с вестью о Лейли
прибыл Зейд*

Кто на площадке слов бывал горяч,
В човган играя, так подбросил мяч:

Был жаркий полдень,— гибель для земли.
На мир бросал он пламя, как Лейли.

В степях Аравии настал таммуз,
И землю зной давил, как тяжкий груз.

Горячий ветер, как Меджнун гоним,
Всех обжигал дыханием своим.

Меджнун бежал и ноги поднимал,
Как от жаровни, ноги отнимал:

Песок июньским солнцем накален!
От зноя пострадал и небосклон,

И звезды, уstraшенные жарой,
Искали тени где-то под землей,

Переменилось неба естество,
Как видно, лихорадило его!

Весь мир жара ужасная сожгла,
И стала пеплом каждая скала,

А камни драгоценные в скале
Подобны углям, тлеющим в золе.

Река в себя струю жары вберет,
И пачинается водоворот!

Захочет утка сунуться в поток,—
Ее обварит этот кипяток,

Но чтобы ноги в воду окунуть,
Спешит их перепонкой обтянуть.

Колосья хлеба лопнули везде,
С горохом схожи на сковороде.

И небу желтый блеск жара дала,
И землю раскалила добела.

И вот уже к сковороде земли
Фазан и куропатка подошли,

Они клюют готовсе пшено:
Ай, хорошо изжарено оно!

Паук в полынн скрылся бт жары:
Он в паутине скрылся от жары.

Бежит собака, высунув язык:
То — летний месяц молодой возник!

Червяк — он плавится в таком аду —
Спешит укрыться в наливном плоду.

Так солнце убивает все плоды,
А прежде нежило на все лады!

В степи лежало озеро, дремля,—
Всю воду залпом выпила земля,

От горя треснуло сухое дно:
Тоскует по своей воде оно...

В подобный день Меджнун достиг земли,
Где прежде жил народ его Лейли.

Меджнун следы стоянки обошел,
Становища останки обошел,

Там, где следы жилья заметить мог,
Он подметал ресницами порог.

Случайно поднял он безумный взор,—
Увидел он возлюбленной шатер.

Упал Меджнун, от боли сжался весь:
Вот здесь она жила, дышала здесь,

Вот этот прах... то был порог ее!
Вот эта пыль касалась ног ее!

Меджнун еще сильнее занемог,
Любви еще свежее стал ожог,

К любимой сердце бедное рвалось.
Он запах чувствовал ее волос,

Припав к земле, вбирал он грудью всей
Дыхание возлюбленной своей.

Ресницами густыми жалкий прах
Он подметал и пыль скрывал в глазах,—

Как бы легла на стекла эта пыль,
От слез его размокла эта пыль,

И стала глиной вязкою она,
И сделалась замазкою она:

Окно замазать нужно навсегда,
Чтоб в дом любимой не вошла беда!

И на мгновенье лег безумец в печь,
Чтобы своим огнем ее зажечь,

Золой глаза намазал, как сурьмой,
И, как сурьма, глаза оделись тьмой.

Потом конюшню старую нашел,
Он к стойлам опустевшим подошел,—

И сразу пожелтел он, как саман!
И снял он с крыши несколько семян,

Посеял в сердце семена любви.
И раны он перевязал свои,

Из крыши вырвав войлока кусок...
Его вниманье жалкий пес привлек.

Был в язвах, лишаях паршивый пес,
Краснела кожа, вся — сплошной расчес,

Из носа, изо рта текла вода,
И в жилах крови не было следа;

Был от сустава отделен сустав,
Валялось мясо, от костей отпав.

Песчинка, волос, что к нему прилип,—
Считаться ношей для него могли б.

Не в силах был ходить, не в силах встать,
Не мог поднять хвоста пустую кладь.

Он запахом гниения пропах:
Не закрывались губы на зубах,—

Он зубы скалил, будто над собой
Смеялся, над несчастною судьбой;

Глаза низверг он в ямы; спрятал взор,
Как бы стыдись взглянуть на свой позор!

Все тело гнойной влагой налито,
Вся кожа превратилась в решето,

И черви жадные вползли в нее:
Находят в ранах пищу и жилье.

И, с пластырем и мазью незнаком,
Облизывал он раны языком,

Облизывал их с яростью такой,
С какой когда-то лаял день-деньской!

Кипело столько мух в отверстиях ран,
Что мнилось: пятнами покрыт тюльпан.

От мух немало вытерпел он мук,
И вороны над ним чертили круг...

И, возмущен жестокостью такой,
Глядел на пса Меджнун, глядел с тоской,

Умилосердить он хотел червей,
Умилостивить птиц мольбой своей:

«О вороны! Ваш вид благословен!
Мне будьте, вороны, венка взамен!

Вся в ранах голова моя сейчас,—
Гнездо готово каждому из вас!

Пробито сердце вздохами насквозь,
И дыр немало бы для вас нашлось!

Разрушен я неправдой, горем, злом,
О, сделайте развалину жильем!

Вонзитесь в тело, выклюньте глаза,—
Не трогайте глаза и тело пса!

Вам нужен только тощий пес больной?
Я пес больной. Насытьтесь, птицы, мной!»

Но понял он, что речь его слаба,
Бессильны довод, просьба и мольба,

И крикнул он, и птицы скрылись прочь...
Меджнун спешил животному помочь,

Страдающего пса поцеловал,
Потом свою рубаху разорвал,

На ранах вытер кровь умело он,
Повязки наложил на тело он,

И в тень больного пса он перенес,
Взрастив на нем цветы кровавых слез:

«О ты, кто был на благо всех племен
Из верности и дружбы сотворен!

Ты умираешь, горе — твой удел,
Каким великим сердцем ты владел!

Как мышь летучая, не знал ты сна,
И голова была всегда ясна.

О верный страж! Так чуток был твой слух,
Что сотни прочих сторожей и слуг,

Храня жилье, могли спокойно спать,
Курильщиками опиума стать!

Насторожился волк, тебя страшась:
Огни зажег в глазах в полночный час!

И леопард, придя издалека,
Едва заметив два твоих клыка,

От огорченья, бедный, занемог,
Пятнистым стал от головы до ног!

И полосы на шкурах тигров злых,—
Следы царапин от когтей твоих!

И барс глаза зажмурил от стыда,
Увидев, как ты прыгаешь всегда!

Подобны мирте отпечатки лап.
«Плеяды»,— говорит о них араб.

О, ты бежал под стремением царя,
И шею гладила твою заря!

Ты болен. Человечий страшен суд:
Тебя завидев, люди прочь бегут.

И пусть бегут себе! Но ты поверь:
Я дружбою с тобой горжусь теперь!

Когда ты лаял на дворе Лейли,
В собачьей стае бегал я в пыли.

Ты мчался по степи стрелы быстрей,
Я был собакой у ее дверей.

Когда ты возвещал, что будет гость,
Ты получал из рук прекрасных кость,

Тебя ласкала лучшая из дев,
На шею ожерелье надев.

Пусть буду жертвой телу твоему!
Пусть гибель от клыков твоих приму!

Вот кровь моя, больного сердца дань:
Сильней и здоровей, чем прежде, стань!

И если снова счастье обретешь
И в дом Лейли ты снова будешь вхож,

Тогда моей тоске чужим не будь,
Тогда меня, страдальца, не забудь,

И душу у меня ты отними
И положи перед ее дверьми!

По улице промчившись, верный страж,
И мой привет прохожим передашь.

Ты будешь кость на улице глотать —
Меня припомнишь: я — кости под стать.

Вдруг счастье вздумает тебе помочь:
Настанет ночь, тебе не крикнут: «Прочь!»

Ты сразу прекратишь протяжный вой,
Положишь тихо подбородок свой

На пальцы мягкие передних ног,
Положишь морду на ее порог,—

Тогда, прошу я, милость мне даруй:
Порог любимой тайно поцелуй,

Чтобы никто, никто узнать не мог,
Что это я поцеловал порог!

Пусть позабуду я сиянье дня,
Но вырви оба глаза у меня,

И на ее дорогу положи,
Там, где поставит ногу, положи!»

Так мудро говорил он о Лейли,
Прохожих эти речи привлекли.

Кто знал его — заплакал, пожалев,
А кто не знал, дивился, ошалев:

Собаку он слезами оросил!
И некий добрый человек спросил:

«О ты, кто углем был в огне любви!
Нет, саламандрою себя зови!

Небесными твои дела слывут,
И люди ангелом тебя зовут.

Из пламени и света существо,
Ты ангела являешь естество.

Был ангелом для нас бесплотным ты,—
Свел дружбу с мерзостным животным ты!

Меж ангелом и псом какая связь?
Как чистоту соединить и грязь?

Не вступит ангел в дом, в котором — пес;
Преграду между ними бог вознес!»

Меджнун ответил на слова его:
«Ты о любви не знаешь ничего!

Себя скорее ангелом зови:
Ни разу не страдал ты от любви!

Таких, как я, звать ангелами — ложь:
Я даже духам злым внушаю дрожь!

В любви сгорело существо мое,
Небытием сменилось бытие.

Я куча пепла: раненому псу,
Как пепел, облегченье принессу.

Пес — в ранах весь. Иль будут люди злы
И пса прогонят от моей золы?

В нем нет собачьих свойств, он чист вполне:
Вся псарня мира собрана во мне!

Я пес, я раненое существо,
Позор я для народа своего!

Кто ранен, душу тот готов отдать
За пластырь. Я же должен обладать

Десятком душ, нет, нужен мне туман,
Нет, сто туманов, чтоб спастись от ран!»

Росло безумье в нем от этих слов...
Внезапно диких вспомнил он ослов,

Пустыни, где с джейранами бродил,
С газелями, куланами бродил,

И на прощанье пса поцеловал,
И на пустынный вышел перевал,

К зверям пустыни побежал скорей,
И стал он жить опять среди зверей.

* * *

Когда Медждуном посланный к Лейли
Зейд, наконец, достиг ее земли,

И доступ вскоре получил к луне,
И с ней увиделся наедине,—

О нем, испепеленном, рассказал,
О жалком, о влюбленном рассказал.

У пери закружилась голова,
Едва услышала его слова,

Дыханье стало пламенем полно,
И сердца сталь расплавил оно.

То амброю пропитана коса
Иль дым над головою поднялся?

Она, как черная коса ее,
Вся извивалась, и краса ее

Неугасимым пламенем зажглась,
Вода печали потекла из глаз:

«Твои слова, как душу, я приму:
Вернул ты душу телу моему.

Недуга моего целитель ты,
Не человек, а небожитель ты!»

И быстро побежала в свой покой,
И вышла со шкатулкой дорогой:

Там были редкостные жемчуга.
Сказала: «Весть твоя мне дорога,

Она ценней подарка во сто раз,
Но мало денег у меня сейчас...

О Зейд! Не скрою жадности своей:
Стократ была бы весть твоя ценней,—

Я недовольной все-таки была б!
О, где же он, любви безумный раб?

Ему письмо страданья напишу!
Я милости и верности прошу!

Свою печаль я передам письму,
Доставь его безумцу моему,

Ко мне с его ответом поспеши!»
И Зейд сказал: «Я раб твоей души,

Но торопись: меня пославший ждет,
К несчастью промедление ведет!»

Потребовав чернила и калам,
Чернила со слезами пополам

Смешав, Лейли закончила письмо,—
В нем сердце запечатано само!

И Зейд в пустыню поспешил с письмом,
А там в очаровании немом

Дни одиночества Меджнун влачил,
И Зейд ему послание вручил.

Упал он, уподобившись тому
Искомканному, смятому письму,

И молвил так: «Благословен посол!
С каким известьем ты ко мне пришел?»

Едлым словом исцеленье дай,
Открой письмо, ее веленье дай!»

Глава XVII

Письмо Лейли Меджнуну

Глава XVIII

Ответное послание Меджнуна на письмо Лейли

Глава XIX

*О том, как отец нашел в степи безумца Меджнуна
и уговорил его вернуться домой*

Глава XX

*О том, как укрепились нити дружбы между Науфалем
и отцом Меджнуна, как Меджнун убежал в степь и
встретил там пастуха из племени Лейли, как безумец
лишился сознания и уподобился барану или хотанскому
джейрану, которого приносят в жертву в честь праздника
«Курбан»*

Кто ехал на верблюдице стихов,
Тот песню пел, и был напев таков:

Когда безумец в отчий дом вступил,
Обрадовался тот, кто грустен был,

Отец повеселел душой опять,
Помолодела сгорбленная мать,

В парчу одели сына, в тонкий шелк...
Об этом деле разговор не молк,

Сердца людей он заставлял расцвести!
Узнал и Науфаль благую весть.

Он тосковал о юноше больном,
Он горевал, скорбел душой о нем.

Прогнал счастливый слух его печаль!
И, чтоб Меджнуна видеть, Науфаль

Помчался вскоре к племени Амир.
Забыто горе в племени Амир,

С любовью встречен знатный воин был,
Прием сердечен и достоин был,

За гостя каждый жертвой стать готов!
И, дружбу выказав на сто ладов,

Меджнун и полководец обнялись,
Как две лозы они переплелись.

И долго в стане племени Амир
В честь Науфаля шел веселый пир.

Был весел Науфаль, доволен всем,
Не видел, что Меджнун смущен и нем.

Когда зашла вечерняя заря,
Как Науфаль, отвагою горя,

Когда меджнуноликим небесам
Предаться время пробило слезам,

Разбросить всюду горсти звезд своих,—
Опресноки припасов путевых,—

Тогда и гость дорогою прямой
Направил скакуна к себе домой.

Был весел Науфаль, ретив скакун,—
По-прежнему невесел был Меджнун.

Отец его, с собой наедине,
Так думал: «Прибыл Науфаль ко мне,

Меня возвысил он среди людей,
Мой дом почтил он милостью своей.

Мне полководец оказал почет...
Какая цель его сюда влечет?»

И вспомнил он: «Твердили все кругом:
С Меджнуном Науфаль давно знаком,

Меджнуна ради обнажил он меч,
Меджнуна сыном он желал наречь,

На дочери своей женить его...
Да, склонен он вступить со мной в родство!

А нет,— зачем он прискакал в мой стан?
У Кайса не такой высокий сан,

Чтоб запросто к нам ездил Науфаль!
Без повода он прибыл бы едва ль...

Мы Науфалья посетим сейчас,—
Того учтивость требует от нас,—

Проявим кротость в разговоре с ним,
Потом слова о браке изъясним.

Нам будет радость, если скажет: да!
А скажет: нет!— смирится мы тогда».

И вот старейшин всех собрал глава.
Одобрили они его слова.

Решили: Кайс останется в дому,—
Не подобает выезжать ему.

И вот плеяды полночи зажглись,
И люди, как плеяды, собрались,

И двинулись они степным путем,
И сто рассказов повели потом,

И побасёнкам не было конца.
Увеселяя так свои сердца,

Достигли науфалевых шатров.
Они нашли гостеприимный кров.

Умом высок и светел Науфаль!
Гостей с почетом встретил Науфаль,

Он поместил их в лучшие шатры,
И начались веселые пиры.

И гости, молчаливые досель,
Открыли, в чем их посещение цель.

Был Науфаль обрадован весьма:
Благая весть для сердца и ума!

Сказал: «Давно уже, по мере сил,
Заботу о Меджнуне я вкусил,

О браке слово я сказал давно,
То слово крепкое навек дано,

Отказывать не стану и теперь.
Назад ступайте к стану вы теперь

А здесь для пира свадебного я
Велю готовить яства, пития.

Меджнуна сыном скоро назову —
Желаньем этим только и живу».

И свадьбы день назначил Науфаль.
Приготовленья начал Науфаль,

Чтоб угощеньем на пиру блеснуть...
Простились гости и пустились в путь,

Поехали, довольные собой,
Не зная, что им суждено судьбой.

* * *

Случилось так: Меджнун в своем шатре
Метался, как преступник на костре,

Его объяла пламенем любовь,
Лишила воли, в степь толкала вновь.

И вырвался язык огня любви,
И выбежал безумец в забытыи.

Родных разбив надежды,— убежал,
В пустыню без одежды побежал.

Так мчится до заката солнца он,
Не знает сам, куда несется он,—

Любовь Меджнуна по стене несла.
Но вот седое небо до Козла

Домчалось, наконец, издалека,
Собрало звезды — капли молока,

Лепешку приготовило оно,
И снова солнце мира зажжено!

И услышал Меджнун бляенье вдруг,
И стадо увидал баранье вдруг,

И встретился в пустыне с пастухом,—
Казалось, был ему пастух знаком,

И пастуха страдалец поразил,
Страдальца о здоровье он спросил.

«Твой лик благословен!— Меджнун вскричал.—
Скажи, где прежде я тебя встречал?

Меня влечет к тебе твой добрый нрав!»
Сказал пастух, к ногам его припав:

«Мой жребий скромн — я пастух простой.
К баранам отношусь я с добротой,

С ягнятами беседую всегда,
Лейли принадлежат мои стада.

В народе я видал тебя не раз,
Страдания школу ты прошел у нас,

Давно я знаю про твою беду,
Но я лекарство для тебя найду!»

Меджнун, чтоб высказать любовь свою,
Упал пред ним, он сделал бровь свою

Подковкой для сандали пастуха,
Воскликнул: «О не ведавший греха!

Твои слова, как душу, я приму,
Вернул ты душу телу моему!

Ты мертвых оживляешь, как Иса,
В пастушестве творишь ты чудеса!

О ты — Муса: твой клич законом стал!
Ты — Аарон: твой жезл драконом стал!

Нет, Хызром стал ты на моем пути,
Живую воду мне помог найти!

В ночи разлуки стал ты светом дня.
Я болен страстью. Пожалей меня».

Сказал пастух: «Благословен твой путь!
Мой друг, со мной до вечера побудь,

Мне ведомо влечение твоё,
Мне сладко излечение твоё».

И вот Меджнун весь день в пыли бредет,
Но длится долгий день, как целый год.

И вот заходит солнце. День потух.
К становищу погнал стада пастух,

Потом баранью шкуру показал.
«Накинь ее на плечи,— он сказал,—

Войди в нее, Меджвун, согни свой стан
И стань четвероногим, как баран,

И буду в стаде я тебя пасти,—
Такого случая не упусти.

Узнай: как солнце озаряет мир
В созвездье Овна, так и твой кумир,

Играя и резвясь в кругу подруг,
Сюда приходит, на зеленый луг,

Чтобы взглянуть, как мы доим овец,
Блеснуть, как солнце, для простых сердец,

Дойдет она до головы твоей,—
Тогда на пери бросить взгляд сумеи!»

И вот Меджвун — таков его удел —
Баранью шкуру на себя надел,

И весь вошел в нее, согнув свой стан,—
И стал четвероногим, как баран.

И вот встает становище вдали,
И вот бежит с подругами Лейли,—

Так в ореоле звезд блестит луна,
Она тоской великою полна,

Огонь разлуки щеки ей ожег,—
Покрыл румянец кожу нежных щек.

И лепесток — лицо ее: оно
Росой кровавых слез напоено.

И локон уподобился метле:
Смятенья пыль развеял по земле.

Смятение сурьмит ее глаза,
В них блещет молния, шумит гроза,

Печали черный дым клубится там,
Ресница каждая — убийца там!

Разумного сожжет ее краса,
Безумного убьет ее гроза.

Воистину красавица она:
Все гибнет, лишь появится она.

Ей пери позавидовать могли б!..
Ее Меджнун увидел — и погиб.

Такой издал он иступленный вздох,
Что небо задрожало, мир оглох!

Среди баранов он упал в пыли,—
Как будто на закланье повели.

Забывшись, он заплакал, и тогда
Бараны разбежались, кто куда,—

Друг друга забодали на бегу.
Лишь он один остался на лугу.

«Что это значит?» — думает Лейли.

«Кто это плачет?» — думает Лейли.

И видит: шкура на траве лежит.

И видит: в ней возлюбленный сокрыт.

Он в пепел превращен огнем любви.

Нет, лучше мускусом его зови!

Как мускус — черен, а в глазах — тоска,

Худое тело тоньше волоска.

И горестью раздавлена Лейли,

И разумом оставлена Лейли,

С Меджнуном рядом падает. О нет,

То падает на землю чистый свет!

Любовью гурия занемогла,

С Меджнуном рядом гурия легла...

Кто был в любви правдив и светел, тот

Возлюбленную любящей зовет.

Служанок робких охватил испуг:

С подругою соединился друг!

И побежали, быстрые, к Лейли,

И подняли ее, и унесли.

Шли пастбищем овец и кобылиц,

Придумывая сотни небылиц,

Чтоб успокоить родичей Лейли.
И вскоре скрылись девушки вдали...

Вот повесть, удивляющая мир:
Когда владыка племени Амир,

Вернувшись в дом, узнал о беглеце,—
Зажег он слезы на своем лице.

Он дал излиться пламенным слезам,
Пошел он, плача, по его следам,

И всех расспрашивал о сыне он,
Безумного нашел в пустыне он,

Нашел его, покрытого песком,
И на руках понес его бегом,

Достиг он стана, тяжело дыша:
Сто раз хотела вырваться душа.

Но вот Меджнуна ложе наконец!
Меджнун очнулся: перед ним отец.

Где был он? Память бедная глуха:
Баранов он забыл и пастуха...

В степях Аймана ты пасешь стада,
Твой пес — тебе я верен навсегда.

Я только твой рассказ передаю.
Возьми же руку слабую мою.

Глава XXI

О том, как после долгих уговоров отец Меджнуна добился от сына согласия жениться на дочери Науфалля, и о том, как после свадебного пира во дворце Науфалля Меджнун убежал в степь, покинув невесту

Украшенный жемчужинами слов,
Девичий лик рассказа был таков:

Когда пришел в сознание беглец,
Заплакал, горько жалуясь, отец,

Увещевал Меджнуна без конца,—
И тот, взглянуть не смея на отца,

На землю, от стыда сгорая, лег,
Он целовал следы отцовских ног,

Молил отца: «Прости меня скорей,
Я прибегаю к милости твоей!»

Решив: сознался сын в своей вине,
Раскаяньем наказан он вполне,

Отец сказал: «Ты можешь быть прощень,
Но должен жить, как требует закон.

Вину свою ты искупи сейчас:
Как я велю, так поступи сейчас».

Меджнун всегда великодушным был,
Он благородным и послушным был,

Когда в мозгу не воцарялась мгла,
Чужда ему невежливость была.

Исполнен вежества прямых людей,
Исполнен мужества святых людей,

Несправедливости не выносил
И неучливости не выносил.

Он так сказал отцу: «Твой правый суд
И слово — пусть прощенье принесут.

Твой приговор я с радостью приму,
Я слову подчиняюсь твоему».

От этих слов повеселев тотчас,
Отец повел о сватовстве рассказ:

«Единственный среди аравитян,
О пет! Скажи: среди подлунных стран,—

Был Науфаль заступником тебе,
Всегда сочувствовал твоей судьбе,

Всегда помочь твоей любви хотел,
Но был тебе сужден другой удел...

Его стараний счесть я не могу,
Ты в неоплатном у него долгу,

Ты должен повиниться перед ним,
И будешь ты прощен отцом родным.

Ты хочешь быть покорным до конца?
Исполни просьбу дряхлого отца;

Мне принеси повиновенья дань,
А Науфалю верным сыном стань.

Есть у него жемчужина одна,
И сердце каждое влечет она.

Таит живую розу красоты
Девичий заповедник чистоты.

Она красой затмила небеса,
Сразила сто племен ее краса,

Ее невольникам потерян счет,
Открыться ей — невольный страх берет,

Твое согласие — слава для меня,
А твой отказ — отравы для меня.

Прощу тебя, когда согласие дашь,
И весь народ возрадуется наш».

Язык Меджнуна так отец связал,
Что «согласаюсь я!» Меджнун сказал.

Обрадовал отца ответ его,
Людей созвал он племени всего,

И вот выносят яства и вино —
Припасы приготовлены давно.

Одежды пира украшают всех,
А на Меджнуне — драгоценный мех,

Вот соболь черный, белый горностаи,—
Одетым в день и ночь его считай!

И двинулся веселый караван,
И показался Науфалев стан.

Созвал и Науфаль своих гостей,
Созвал он знатных и простых людей.

Уселись приглашенные в кольцо,
К законам счастья повернув лицо.

И длился пир семь дней и семь ночей.
И много было сказано речей.

И много чащ осушено до дна,
И радость остается им одна:

Сейчас войдут в нарядах дорогих
Прекрасная невеста и жених.

Невесту девять спрятали завес,
Как месяц девять спрятали небес.

Жених красив, как солнце поутру.
Ему готово место на пиру.

И вот, красноречивый, как Иса,
Восславил проповедник небеса,

Хвалу и славу господу воздал
И солнце с месяцем он сочетал.

И деньгами осыпана чета,—
Да будет жизнь в богатстве начата.

Когда, сходна с невестой молодой,
Заря закрылась темною фатой,

И на земле, на пастбищах степных,
Ночь на колени стала, как жених,

И дорогих каменьев без числа
На девяти подносах поднесла,

Тогда, смеясь над юною четой,
Их вместе привели в шатер пустой,

Смеялись, ложе разостлав для них,—
Невеста не смеялась и жених.

Свели, увлечены своей игрой,
Купца — с товаром, Муштари — с Зухрой.

Но мудрый Науфаль пришел потом,
Людей он попросил покинуть дом,

Закрыв от взоров любопытных вход,
И разошелся по патрамам народ...

А Науфаль сидел и пил вино,
Но сердце было смутюю полно.

И, беспокоясь о судьбе детей,
Он тихо встал, чтоб не привлечь гостей,

И, крадучись, приподнял он кошму,
И что же тут представилось ему?

Узнав, что любопытные ушли,
Привстала сразу дочь его с земли,

Привстала, чтоб у ног Меджнуна лечь,
И повела потом такую речь:

«Единственный средь мира и в любви!
Сияют верностью глаза твои!

Из-за страдальческой любви к Лейли
Ты притчей стал для жителей земли,

И славят все влюбленные тебя,
Твою любовь навеки возлюбя.

Лейли ты отдал сердце и покой,
Зачем же в брак вступаешь ты с другой?

Желая наших радовать отцов,
Зачем ты сердца заглушаешь зов?

О юпоша! Ты — царь страны любви
И всех, чьи помыслы — верны любви!

И я внушила страсть душе одной,
И у меня есть милый, есть больной,

Из-за меня сгорает он в огне,
Привязан путами любви ко мне.

И я люблю, горю я вместе с ним,
Но пламя наше в тайне мы храним.

Подумай сам: что будет, если вдруг
Услышит он, что мне Меджнун — супруг?

Как нынешнюю ночь он проведет?
Не в силах жить, он гибель обретет!

Отныне тайну знаешь ты мою,
О милости, Меджнун, тебя молю:

Поняв, что я перед другим в долгу,
Что поступить иначе не могу,—

Ты встанешь и покинешь мой шатер,
Не выставив пароду на позор.

Из-за меня гонения прими!
Ты строго будешь осужден людьми,—

Пусть ополчатся всюду на тебя,
Но я молиться буду на тебя!

Так счастье дашь ты сердцу моему,
Меджнун! К тебе взываю потому,

Что с прочими людьми не сходен ты,
Великодушен, благороден ты!

Надеюсь я, что бог, дающий свет,
Убережет Лейли от всяких бед.

Жемчужину, рожденную для нег,
С тобой соединит господь навек!»

Меджнун ответил: «В радости живи!
Печальная — счастливой будь в любви!

Любя, одежды верности надень.
Да будет бог с тобою каждый день.

Я понимаю боль любви чужой —
И я скорблю израненной душой.

Упреков не страшись: вот я стою —
Пусть падают на голову мою!

Прощай. Тебе не причиню я зла.
Я сам хотел уйти. Ты помогла.

Так, пожелав ей много долгих дней,
Он проявил великодушие к ней,

Ей братом стал, ее назвал сестрой,
И вышел он и скрылся за горой.

Опять он по степи решил блуждать,
В пустыню горя он ушел опять.

* * *

Был Науфаль беседой изумлен.
Своим ушам с трудом поверил он!

Весь разговор, подслушанный в тиши,
Потряс его до глубины души.

И воин встал, и полон был тоской,
И тяжело пошел он в свой покой,

Как тот, кто крепким опьянен вином,
Не ведая, что бендж таился в нем.

Что предпринять ему? С чего начать?
Нельзя рассказывать, нельзя молчать!..

А за другой стеною в эту ночь
Скрывался тот, кого любила дочь.

В руке держал карающий кинжал,
От ярости и ревности дрожал:

Замрут в блаженстве,— душу погубя,
Он их убьет сперва, потом себя!

Но был он чистой страстью опалим,
И смилостивилась любовь над ним.

Он, у Меджнуна чистоте учась,
Меджнуном был обрадован сейчас.

Меджнуновым величьем поражен
И разумом девичьим потрясен,

Он понял, что любимая верна:
Любовь неколебимая видна!

К земле припал он, в нем вскипела кровь,
Он сделал явной скрытую любовь.

Терпенье робкое замолкло в нем,—
Любовник пламенный ворвался в дом,

Перед любимой головой поник.
Испуганная,— подавила крик,

И сердце друга ласково взяла,
И голову страдальца подняла,

Укрыла голову в своей тени.
Давно друг друга жаждали они,

До этой ночи, жажде вопреки,
Не подавала встреча им руки,

Но был их пламень чистым, не плотским,
И подало свиданье руку им.

Безгласные, слились они в одно,
Их опьянило близости вино.

Но птица утра прокричала вдруг,
И вот с возлюбленной расстался друг...

Когда заря-невеста поднялась
Белилами рассвета набелясь,

И небеса прислуживали ей,
Держа пред нею зеркало-ручей,

Тогда решили гости поутру
Направиться к счастливому шагру,

И, радостные, вместе все пошли,
К Меджнуну и невесте все пошли.

И что ж? Нашли одну, а не двоих.
Увидели невесту. Где жених?

Два племени заплакали тогда,
Два племени погибли от стыда!

И головою Науфаль поник.
Был скован немотой его язык!

Но все же долее молчать не мог,
Сказал: «Так пожелал всевышний бог,

Судьба такая свыше суждена,
Не ваша здесь и не моя вина,

Здесь не виновны даже сын и дочь.
Забудем все. Не в силах мы помочь».

И, проводив гостей, вернулся он,
Упал на землю, растянулся он,

От всех скрывая, как душа скорбит,
Скрывая боль страданий и обид...

О лекарь мой искусный! Болен я,
Твоим леченьем недоволен я.

Когда тебе меня взаправду жаль,—
Верни мне душу, прогони печаль.

Глава XXII

О том, как справили свадьбу Ибн-Селляма и Лейли, как Лейли убежала в степь и встретила там с Меджнуном

По всем страпицам пробежав, калам
Такою повесть поверяет нам:

Немало в небе вероломства есть,
С обманом у него знакомство есть,

И шутки начало шутить оно!
А шутки — что? Бесстыдство лишь одно!

Меджнуну повелело: «В брак вступи!»
И в то же время мчится по степи

Со всеми родичами Ибн-Селлям:
Он в стан Лейли велел скакать коням.

С почетом племя встретило гостей —
И жениха, и всех его людей.

И свой народ созвал отец Лейли,
И вскоре кубки пира принесли.

Продлилось пиршество немало дней,
А наливались кубки все полней.

Но только свадьба веселит пиры!
Дождались гости радостной поры.

И выбран был благословенный час,
Для двух народов незабвенный час.

И проповедник высунул язык —
Он попусту давно болтать привык —

И укрепил он брачный договор,
И все пошли к Лейли, в ее шатер,

Вступили в целомудрия приют,
И вот луну дракону отдают.

Невесту к Ибн-Селляму подвели,
Он руку протянул руке Лейли,

Но странный случай с ним произошел.
Страдал он сердцем. Был недуг тяжел

И мучил Ибн-Селляма издавна.
К тому же много выпил он вина,

Как будто заливал вином пожар,—
И на пиру его хватил удар.

Все тело судорогой сведено,—
Вперед запомнит он, как пить вино!

Но вот затих, недвижимый, как мертвец,
И люди все подумали: конец.

Казалось, был он смертью покорен...
Смех свадьбы стал рыданьем похорон.

И жениха скорее унесли —
Забыли о невесте, о Лейли.

От горьких дум, которым нет числа,
Павлиньи сломаны ее крыла.

И думы ей покоя не дают,
Уйдут — придут на смену сотни смут.

Она решила ночью мертвой лечь
И притаила ядовитый меч.

Желанье Ибн-Селлям не утолит:
Она себя от мира удалит!

Она свободной сделает себя,
Умрет, единственного полюбя!

И выбран этот меч недаром был:
Наказан Ибн-Селлям ударом был...

Коварству неба где найти предел!
Как много в мире непоятных дел!

И вот одно: Меджнуна и Лейли —
Две несказанных радости земли —

Ударила судьба такой волной,
Что двое сделались четой одной.

Но две жемчужины разлучены:
Тот — мужем наречен другой жены,

Той — суждено другому стать женой.
И что же? Нет отверстья ни в одной!

И все это в одну случилось ночи!
Как вероломство неба превозмочь?

Не знают новобрачные родства,
Чужими стали, в брак вступив едва.

Или для них и час, и день, и год
Один и тот же выбрал звездочет?

О нет: и звездочет бессилен тут.
Ведь сказано: «Все звездочеты лгут!»

* * *

Когда, решив: жених сейчас умрет,—
Стоял всю ночь вокруг него народ,—

Тогда вернулось мужество к Лейли:
Свободна от супружества Лейли!

Пока без чувств лежал ее жених,
Тихонько, незаметно для родных,

Она покинула отцовский дом
И скрылась вскоре за степным холмом.

Куда идет? Не ведает сама,
Не видно стана за песком холма...

И в ту же сторону Меджнун идет,
Не сам идет — любовь его ведет,

И приближаются в степной дали
Лейли к Меджнуну и Меджнун к Лейли!

Его печальный голос ей знаком:
Животворящим он звенит стихом.

Меджнун ее дыхание вдохнул,
Ее благоухание вдохнул.

К Меджнуну подошел его кумир.
Подобной встречи не запомнит мир!

И друг на друга смотрят, не дыша:
Вернулась к телу слабому душа.

Теперь им нужен был один творец!
Для двух жемчужин был один ларец!

Два солнца всходят на одной земле.
Две розы зреют на одном стебле.

В едином теле две души сошлись,
В глазу едином два зрачка зажглись.

Дух плотью стал, и духом стала плоть —
Единой сделал двойственность господь.

Слил виночерпий вина разных лоз
И чашу единения поднес,

Любовным зельем сделалась она,
Он сделался поклонником вина.

Он захмелел, она пьяным-пьяна,
И тот, и та — поклонники вина.

Два имени у них — что из того?
Единое мы видим существо!

Слились две капельки живой воды.
Их не разнять, напрасны все труды!

Она — вода, он — сахар в их судьбе.
Всю воду сахар притянул к себе.

Она — вода. От вздохов он дрожит,
Он пузырьками по воде бежит!..

Над ними небо сжалилось на миг,
И сон в глаза жестокости проник.

И каждое дыхание земли,
И каждое создание земли,

Все крохотные твари в эту ночь
Стремилась двум любовникам помочь.

Раскинул нитку длинную паук:
Закрыв их паутиною паук.

Чтобы влюбленных скрыть, на мир легло
Летучей мыши серое крыло.

Чтоб не тревожить их, комар замолк.
Глаза прикрыл мохнатым ухом волк.

Замолк и филин, тяжело вздохнув,
Под перьями он свой упрятал клюв.

Бродил в степи с баранами пастух,—
Вошел в его собаку сонный дух,

И на нее, чтоб не будила стан,
Накинул из бараньих шкур аркан.

Чтобы лиса проснулась лишь к утру,
Ночь окурила всю ее нору.

Заснули насекомые в степи.
Спокойно спят пасомые в степи.

И все летающие твари спят.
И все кусающие твари спят.

За жертвою не скачет крупный зверь.
Не воеет и не плачет малый зверь.

Ослабли силы четырех стихий
И стали неожиданно тихи:

Вода бурливой не шумит волной,
Не гонит пыль густую вихрь степной.

Дыханье стужи дремлет под замком,
И пламя не болтает языком:

Оно завесой шелковой встает,
Чтоб войско стужи не сошло с высот.

Луны лепешка скрыта темнотой,
И стала ей земля сковородой.

От глаз Меркурий отгоняет сон,
«Воистину, готовы...» — пишет он.

Венера не читает книг своих,
В руках Венеры звонкий чанг затих.

Любовников дурной не сглазит глаз:
Его проколет Марс копьём сейчас.

Воззвал Юпитер к совести судьбы,
Он распростер ладони для мольбы.

Сатурн влюбленным робкий шлет привет,
И ночи цвет — Сатурна робкий свет,

Но руки вымазала ночь в смоле,
Чтоб не нашел рассвет пути к земле.

Бойтся утро холодком пахнѹть,
На пепел ночи ветерком дохнуть,

Не дышит утро истинное здесь,—
Дыхание развеет пепел весь.

И даже утро ложное, поверь,
Такое осторожное теперь!

Не виден людям утренний рассвет,
Светильников для них на небе нет,

Чтоб разлучить влюбленных не могли!..
Как чуден мир: Меджнуна и Лейли

Преследовали небеса всегда,—
В одну лишь ночь исчезла вся вражда!

Душа и тело,— вот они слились,
Как плющ и кипарис переплелись.

Один целует ноги у другой,
Ласкает шею робкою рукой.

Она ладони сетью заплетет,
Как волосами друга обовьет,

А то ведет ладонью по глазам,
По шее, по лицу, по волосам.

Он тоже к сердцу друга припадет
И локонами руки обовьет,

И кудри — как чудовище-дракон:
Всегда хранит сокровище дракон!

Она, смущаясь, кудри соберет
И — спутанными — пыль с него сотрет,

И говорит: «О, пыль тоски твоей
Татарского мешочка мне милей!»

Свиданием с возлюбленным полна,
Себя Меджнуном чувствует она.

В Лейли мечтает воплотиться он:
Игрив и ласков, как девица, он!

Она есть он, отныне он — она.
У них одно дыханье, жизнь одна.

Не страшен путь греха такой чете:
Их даже грех приводит к чистоте.

Кто чистотою равен им, для тех
Вовек любовь не превратится в грех,

Влюбленный должен чистым быть всегда:
Любовь желанью грязному чужда!

Соединила двух людей любовь,—
Решило небо стать жестоким вновь,

И ложным утром озарило всех:
Раздался вероломный, лживый смех.

Взлетели искры утра выше гор,
В груди Меджнуна запылал костер.

Подобно утру светлому Лейли,—
Росой кровавой слезы потекли.

Прошла для них свидания пора,
Настала расставания пора.

Лейли, роняя красный цвет из глаз,
О прошлой ночи повела рассказ,

И на слова Меджвун переложил
Все то, что прошлой ночью пережил,

Один другому ноги целовал,
Один другому сердце разрывал,

Ожог разлуки ожигая вновь,
Немые руки обретая вновь.

С любимым быть на ложе — хорошо,
Но и расстаться — тоже хорошо!

Ушла Лейли: скрывается луна,
Созвездием скорбей окружена.

Пошел безумец по тропам степным:
И боль, и горе следуют за ним...

Свиданья ночь пришла, чудотворя,
Но сеть разлуки нам плетет заря.

Пусть ночь продлится век,— все жаждем нег.
Как вздох, как вздох один промчится век!

Глава XXIII

*О том, как Меджнун поднялся на гору Неджд, вспомнил
свою Лейли и воспел джейрана*

Глава XXIV

*О том, как умерли родители Меджнуна, как Меджнун
увидел их смерть во сне и пришел к ним на могилу*

Глава XXV

*О том, как страдала Лейли, узнав о смерти родителей
Меджнуна*

Глава XXVI

*О том, как осенью погасла свеча жизни Лейли и улетела
из клетки тела душа Меджнуна*

И ветер осени дохнул чуть свет,
И сад в соломенный окрасил цвет.

Повсюду листья желтые висят,
Как будто заболел желтухой сад.

И ноги протянули, и легли
И пые листья на одре земли,—

Был стебель вытянутою ногой!
Да, ждал кончины сад полунагой!

Увы, осенний ветер был таков:
Он отнял веру в жизнь у лепестков.

Дрожали все деревья, все сады,
В сараях темных спрятались плоды,

Под натиском осенних холодов
Лишились ветви листьев и плодов.

День ото дня глядит печальней сад.
Для пыли стал опочивальней сад!

Безгрешным он, себя очистив, стал,
Страною звезд он из-за листьев стал!

Сто тысяч листьев светятся во мгле,—
Сто тысяч звезд на вымокшей земле!

Звезда — как зеркало, и взор привлек,
Изображая ручку, стебелек.

Нет отраженья в зёркальном стекле,
Ведь золото мы видим на стебле!

Как слезы на лице любви чисты,
На красных ветках желтые листы.

Над купами деревьев воздух мглист,
Письмо о смерти — каждый желтый лист.

Разбросил ветер листья на воде,—
Вгляни на воду: золото везде!

О нет, вода блистает лезвием,
А золото — ножнами назовем.

Чудесен в эту пору виноград.
Плоды червонным золотом горят,

Как перстни на прекраснейшей руке.
Иль это хна пылает вдалеке?

Ушли те дни, когда светла роса,
У гиацинта вьются волоса,

Когда тюльпаны жгучи, как огонь,
И красной краской пачкают ладонь.

Пришли те дни унылые, когда
Одета белым мрамором вода.

Упрямый ветер не щадит дерев,
Вздывает к небу свой протяжный рев,

И соловей, страдая без тепла,
Под собственные прячется крыла.

Дохнул осенний ветер на весну,—
Лейли к последнему склоняет сну.

Вступила осень в розовый цветник,
Цветку велела, чтоб к земле приник,

Сровняла пальму сильную с землей,
Сровняла розу с пыльною землей,

Шафрана разливая желтизну,
На осень переделала весну.

Лейли, что садом красоты была,
Что розой райской чистоты цвела,—

Лейли осенней сделалась порой:
Весна казалась осенью второй.

Болезни ветер дул в лицо сильней,
Распутались узлы ее кудрей.

О, волосы арканами зови:
Они арканы для людей любви!

Царица прелести земной больна,—
Освободила пленников она,

И нет ограды узникам любви,
Свободе рады узники любви,

Один лишь пленник хочет жить в тюрьме,
Но этот пленник — не в своем уме:

Две брови пленник распростер сейчас,
Чтоб радость не вошла в жилище глаз...

Лежит в слезах царица красоты.
Чтоб светом озариться красоты,

К царице смерть-прислужница идет,
Румяна на лицо ее кладет.

Но пот бежит, как слезы по письму,—
Индиго смыл, румяна и басму.

И сморщились медовые уста,
Нет, запеклись пунцовые уста,

От слов закрылись: надобно молчать,—
Там прыщики похожи на печати!

На подбородке впадинка была,—
Теперь голубка там гнездо свила,

То есть: голубку ожидает смерть,
Открыла впадину земная твердь.

И покрывало было ей дано:
Фиалкового цвета полотно.

То есть: на солнце, что навек зашло,
Фиалковое облако легло...

Решила: мир земной — уже чужой,
Уже расстаться надобно с душой!

От всех спешит избавиться она,
И вот лежит красавица одна,

И только мать она зовет к себе
И говорит ей о своей судьбе:

«Ты, чья душа моим жильем была,—
Не помни мной содеянного зла!

Как жертву, отклоненную людьми,
Мою больную душу ты прими.

Я — только огорченье для тебя.
Как вымолю прощенье у тебя?

О, проживи я много тысяч лет,
И то моей вине прощенья нет!

Но губит осень все цветы в саду.
Настало время: скоро я уйду...

Смерть надо мной уже нависла. Нет!
Она пришла! Таитья смысла нет:

Ты знала все, в душе терзалась ты,
Хотя незнающей казалась ты.

Теперь, когда я в землю ухожу,
Не плачь о том, что я тебе скажу.

Не проливай потоки слез в тиши,
Не разбивай своей больной души.

Тебе тяжел, я знаю, мой совет.
Но выполни, молю, другой завет:

Пусть эту розу победил недуг,—
Не плачь, когда цветок уйдет на луг,

И если солнце навсегда зайдет,
Пусть не затмится пылью небосвод.

Но люди, звери, горы и леса
Поймут твоей печали голоса.

Пески сухих пустынь, полынь степей
Услышат громкий стон твоих скорбей.

И тот кто болен, слаб и одинок,
Кто весь — печаль от головы до ног,

Чья жизнь сгорела в медленном огне,
В ком вместо жизни память обо мне,—

Как ветер, гонит он пустынный прах,
Как эхо, обрывается в горах!

Когда услышит обо мне слова,
Когда узнает он, что я мертва,

Тогда расплавится его душа,
С моей душою встретиться спеша.

Отдаст он душу, обретет покой:
Он оболочку сделает пустой.

А то — среди живых придет ко мне,
Как солнце дней моих, придет ко мне!

Он, одержим любовью, подойдет,
Как солнце, к изголовью подойдет.

Печаль забудем, и любимый вновь
Покажет людям, какова любовь!

С моим он прахом прах смешает свой.
Навек поникнет мертвой головой.

Моей мольбе не откажите вы:
Почет Меджнуну окажите вы.

Любви почившей послужите вы,
Его со мною положите вы.

Мать! Ненависть забудь, поспорь со злом.
Добро и милость сделай ремеслом.

Меджнуну саван спей — не согреси! —
Из покрывала собственной души.

Меня в тот саван белый заверни;
Два тела — милость сделай — заверни!

Все нужное, как сыну, приготовь:
С ним дочь твою соединит любовь.

Для двух детей стели одну постель,
Клади в одну и ту же колыбель!»

Закрыв глаза от материнских глаз,
«Меджнун!» произнесла в последний раз.

Не вспомнила ни разу о Лейли...
И руки смерти на лицо легли,

И солнце смертная закрыла тень,
И мать увидела свой черный день.

И сердце неба кровью залилось:
Крик матери пронзил его насквозь.

И трижды мать вокруг ложа обошла,
Шатер, на смерть похожа, обошла,

Упала перед изголовьем ниц,
Потом соленой влагою ресниц

Лицо почившей стала щекотать,
Как будто говоря: «Не время спать,

Открой глаза, открой, смеясь, уста,
Мне без тебя вселенная пуста!»

Чтоб дать немного своего тепла,
Под мышку руки дочери брала,—

Но то, быть может, из объятий сна
Лейли тянула за руки она?

Откинув кудри от ее чела,
Показывала, как Лейли светла,

Как будто говоря: «Проходит ночь,
Родился день, пора проснуться, дочь!»

Поднимутся, быть может, вежды? Нет:
На пробуждение надежды нет!

И мать, воздев ладоши к небесам,
Дав распуститься белым волосам,

Слезам кровавым вылиться из глаз,—
Ногтями в старое лицо впилась.

Как разрывает утро ворот свой,
Рассыпав искры света над землей,

Она, как ворот, грудь разорвала,—
И светом сердца озарилась мгла.

Взывала мать, рыдая: «Горе мне!»
Стонала мать седая: «Горе мне!

Мерещится спросонок это мне?
Проснись, мой верблюжонок! Горе мне!

Открой глаза: дай солнце нам опять,
Чтоб захотелось девушкам гулять,

Чтоб разбежались по саду цветы.
Все ждут они: пойдешь ли с ними ты?

Подруг нарядных много собралось!
Дай гиацинты мне своих волос,

Их локонами землю обовью,
Их запахами землю оболью!

Сокровищницу сладостной красы —
Твое лицо — украсят две косы:

Сплету я косы — будут две змеи
Оберегать сокровища твои.

Окрашу я глаза твои сурьмой,
Окрашу брови я твои басмой:

Глаза — мечи турецкие — должны
Упрятаться в зеленые ножны.

Твое лицо я нарумяню вновь:
Прибавлю я своих царапин кровь.

Индиго я на щеки положу, —
Зрачок дурного глаза поражу.

Я родинку поставлю на щеке,
Как семечко в петушьем гребешке.

И покрывала длинные твои
На волосы наживу я твои:

Закрыта будет сторона одна,
Другая будет сторона видна.

Одену плечи в розовый наряд, —
О нем с восторгом все заговорят.

Ты с девушками племени пойдешь,
Как искушенье времени, пройдешь,

Всех освещаая, обольщаая всех,
Пустынников святых ввергая в грех!

Иди,— любимого пайдешь в саду.
Меджнун вопит и стонет, как в аду,

В беспамятстве сейчас он упадет,
Но жизнь вернет безумцу твой приход.

Ты не придешь — он прибежит сюда,
Что я смогу сказать ему тогда?

Где слово я, в смущении, возьму?
Как буду я смотреть в глаза ему?

Не повергай в печаль друзей своих!
Ужель тебе не жаль друзей двоих?

Ужель тебе не жаль двоих сердец?..»
Так плакала. А за стеной отец

О землю ударялся головой,
Метался, ворот разрывая свой.

Был весь народ в печали о Лейли.
Народ кричал и плакал: «Вай, вайли!»

* * *

Я буду о Меджнуне говорить:
О нем я не могу не говорить!

Меджнун лежал на кладбище глухом,
Там люди воскресения кругом,

Среди могил свою печаль влачил,
И был он чист, как жители могил.

Когда бессильной сделалась Лейли,
Он тоже лег, беспомощный, в пыли.

Когда любимой овладел педуг,
Любимый жертвой стал жестоких мук.

То в светлом вымысле, то в ясном сне,
Он был всегда с Лейли наедине.

О ней одной он слушал голоса:
То сердце чистое, то небеса

Весть о возлюбленной ему несли.
Когда старуха-смерть пришла к Лейли

И пери чашу выпила ее,—
Почувствовал безумец: острое

Безжалостное прокололо грудь,
И задрожало сердце, точно ртуть.

И голос неба зазвенел в ушах:
«О воинства скорбей великий шах!

В державе горя — повелитель ты,
Всех любящих сердец правитель ты,

Они тебе приносят рабства дань.
Не спи, герой страны страданья! Встань!

Осенний вихрь в твоём саду сейчас!
Подул самум — светильник твой погас!

Все то, что соловьиное в тебе.
Все то, что голубиное в тебе,

Все мотыльковое ты собери,
Скорее к поднебесью воспарь:

Подруга путешествия — луна,
Но спутника все время ждет она.

Ты будешь путешествовать с луной,
Или придется ей уйти одной?»

Хотя, как паутинка, был он слаб,
И нитка задержать его могла б,

Но тигром с ложа прынул он, едва
Услышал эти вещие слова!

Как солнце, как небесная газель,
Он побежал, одну лишь видя цель:

Он видел дом Лейли в мечтах своих!
Держал он песню на устах своих,—

Не песнь рыданья, не страданья песнь,
А песнь свиданья, ожиданья песнь.

Сокровища души держал в руке,
Чтоб разбросать, как деньги, на песке.

Он прыгал — мнилось: молния зажглась,
Струится ливень радости из глаз.

Горя любовью, солнцем стал земным,
Бежали звери дикие за ним.

В груди Меджнуна страха не найти.
Он ввал: никто не станет на пути.

Боялись люди твердости его,
Предсмертной светлой гордости его,—

Бежали некоторые скорей:
Боялись некоторые зверей...

И вот Меджнун достиг дверей Лейли.
Вот ждут его стада зверей вдали:

Стоят спокойно, а народ вокруг
Не чувствует от страха ног и рук...

Когда, решив пощипнуть этот свет,
Лейли давала матери завет,

Тогда влюбленный появился вдруг,
Пришел, как верный друг... Нет, вечный друг!

Глаза — глаза желанные нашли:
Глаза одно желание прочли.

Возлюбленная руки подняла,
Возлюбленному душу отдала.

Возлюбленный склонился, не дыша:
К возлюбленной ушла его душа.

Попутчика себе Лейли нашла,
Теперь дорога ей не тяжела!..

И люди без числа входили в дом,
И двух усопших находили в нем,

Событию небывалому дивясь:
Нерасторжима двух страдальцев связь!

Все немостою связаны уста:
Любовь Меджнуна так была чиста,

Что смерть нашел в любви, как жил в любви,
Две жизни души отдали свои!

Когда огонь сочувствия погас,
Такие речи начались тотчас:

«Оборвалась двух слабых жизней нить.
Как будем эти жизни хоронить?»

Сказали: «Тех, кому возврата нет,
В ком даже примеси разврата нет,

Двух чистых, чья благословенна кровь,
Кому жестокосердная любовь

Ни разу в жизни счастья не дала,
Чья смерть ужасна так и так светла,

Кто, не вкусив любви в земном краю,
Нашел сближенье вечное в раю,

Двух разлученных, Кайса и Лейли,
Соединим во глубине земли,

Дадим навек соединиться им,
Будь саваном одна гробница им!»

Решили: справедлив такой совет,
Розоволикой вспомнили завет,

И, поступив как требует обряд,
Как поступать обычаи велят,

В одних носилках понесли двоих,
С невестой рядом возлежал жених.

Два тела вместе в саван облеклись,
В едином теле две души слились,

Две грани здесь кристаллины одной,
Две косточки миндаины одной.

О нет, не косточки!— одно зерно:
Из двух долей оно сотворено.

Не двойственное видим существо,
Единства здесь мы видим торжество.

Два тела, как зерно, слились в одно:
Не в саване, а в кожуре зерно!..

Украсили Меджнуна и Лейли,
На головах носилки понесли.

Душа, соединенная с душой,
Они покрыты шелком и парчой.

И вот в табут возлюбленных кладут,
И в землю опускается табут.

Два путника нашли приют в земле:
Луна и солнце спрятались во мгле.

Наполнил душу всех влюбленных страх:
И солнце и луна зарылись в прах,

Свечу надежды погасил самум.
Настало время для печальных дум,

Нет больше над влюбленными царя,
Луна зашла и не взошла заря!

И дважды в день на кладбище текли
Все родичи и весь парод Лейли,

Над камнем плакали отец и мать,
И страшно было стонам их внимать.

Недолго плакали: в тепле земли
Они отдохновение нашли...

О ты, кто стал виною наших слез,—
Рыдай: две жизни прахом ты занес!

Когда ушли две жизни в мир теней,
Уйду и я с возлюбленной своей!

СЕМЬ ПЛАНЕТ

Главы из поэмы

ВСТУПЛЕНИЕ

После характерных для поэзии восточного средневековья обращений к аллаху и к его пророку, автор пишет похвалу слову, которое «до всего сотворено», говорит о преимуществе стихов перед прозой, высоко оценивает своих великих предшественников — Низами, написавшего «Семь красавиц», и Эмира Хосрова, создателя «Восьми райских садов». В то же время Навои критикует их: «Явили ткать прошедшего они, но ткали опрометчиво они». Поэт рассказывает о том, что увидел во сне семь разноцветных дворцов, и их властители, цари семи частей земли, поведали ему семь чудесных повестей, которые поэт и пересказал в своей поэме, ибо «сердце жаждет света и добра и песни, спетой голосом пера». Перед тем, как приступить к сказанию о шахе Бахраме и о красавице Диларам, Навои в «нескольких вступительных словах» кратко излагает летопись царствования Бахрама Гура.

СКАЗАНИЕ О БАХРАМЕ И ДИЛАРАМ

I

Тот мудрый, кто составил временник
Иранских полководцев и владык,

Дал место и Бахрамовым делам,—
Стал украшением писем Бахрам.

Когда Бахрама,— так писал мудрец,—
С небесной славою связал творец,

Признали власть его державных дум
Хакап и кесарь, весь Китай и Рум,—

Все страны обитаемой земли
Ему свою покорность принесли.

Его предел — от Рыбы до Луны.
Он всем владел от Рыбы до Луны.

Царем царей Бахрама нарекли,
Царем царей семи частей земли.

Всем дерзновенным робость он внушил,
Всех венценосцев данью обложил.

Такой завел порядок искони:
Будь это раджа или хакап,— они,

Собрав налоги у себя в стране,
Их не держали у себя в казне,—

Несли всю дань к Бахрамовым стопам,
За ней гонцов не посылал Бахрам.

Так все цари, сполна и каждый год,
Бахраму отправляли свой доход,

А также и добычу рук людских
Из недр земных или пучин морских.

Все редкости, все ценности земли
Со всех сторон в его казну текли.

Велик ли, мал, но целиком налог
Исправно в шахский поступал чертог.

А шах, к игре и пению влеком,
Веселью отдавался целиком.

Любил он страстно музыку, игру,
Звенели песни на его пиру.

Не ведал он тоске своей границ,
Не видя музыкантов и певец.

Повсюду он возил их за собой,
Без них терял он волю и покой.

Всевластный, музыки признал он власть.
Охота — вот его вторая страсть.

Но даже на охоте удалой,
Пронзая жертву меткою стрелой,

Вдруг останавливался, не дыша:
Алкала светлой музыки душа...

Он промаха не знал, стреляя дичь,
Кровь проливая, издавал он клич.

Среди лихих охотничьих забав
Он пил всегда вино, чей цвет кровав.

Нередко он, охотясь, открывал
Красивую поляну, и привал

Он объявлял; слетались сотни слуг;
Хмельная чаша обходила круг;

Звенел рубаб, то плача, то смеясь;
Шипел кебаб, на вертеле дымясь...

Однажды он, охотясь так, набрел
На холм; вокруг пестрел цветами дол —

Не охватить его, не оглянуть...
Вливался воздух животворный в грудь.

Расположился на холме Бахрам,
Стал пировать. И песня к небесам

Свободно, ясно, радостно взвилась,
Она согласно, сладостно лилась.

Певцу внимая, пил Бахрам вино,
А сердце было ввысь устремлено.

Хмель в голове, а музыка в ушах
Так весело звенели; видел шах,

Что он могуч, и славец, и велик,
Для слабых — упования родник.

В душе рождалась мысль: «Я сотворен
Для блага всех земель и всех племен,

И в благодарность за любовь творца
Я должен бедных утешать сердца.

Я буду милосерден, справедлив,
Добро и правосудье утвердив».

Казалось, озирает он простор,
Нет, в самого себя он бросил взворт!

Тут путника в степи заметил шах:
Он приближался, ускоряя шаг.

Бахрам подумал: «Кто это идет?
Впущает жалость бедный пешеход!»

Душа склонилась к незнакомцу вдруг,
И приказал он одному из слуг:

«Сядь на коня, а на другом коне
Ты чужестранца привези ко мне».

Гонец к Бахраму странника привез,
И незнакомцу задал шах вопрос.

А тот сошел с коня, чтоб наземь лечь,
И, прах поцеловав, повел он речь.

Он в жемчуга свои слова облек,
Всех изумил его отменный слог,

Бахрама так восславил чародей,
Что в восхищение привел людей,

Не только в восхищение — в восторг,
Из их груди он похвалу исторг:

«Не подобает страннику стоять,
Он должен возле шаха восседать!»

И вот вино прищельцу подают
И предлагают сто различных блюд;

Когда поел он вдоволь и попил,
В беседе с чужестранцем шах вступил

Понравился Бахраму разговор.
Был собеседник тонок и остер,

На все вопросы находил ответ...
Подумал шах: «Он обошел весь свет,

Он сведущ в жизни, он знаток наук!»
Сказал Бахрам: «О мой чудесный друг,

Отрадно мне беседовать с тобой!
По всей вселенной ты прошел стопой;

Твои движенья быстры: твой язык
Вкус ясности и плавности постиг;

Ты земли дальних пересек держав,
Пустынь и городов; скажи, я прав?

Из слов твоих сужденье извлеку:
Ты много видел на своем веку.

Диковинки встречал ты на пути,—
Нас в тайну приключений посвяти.

Встречался с чудесами ты порой,—
Хотя б одно из них ты нам открой!»

Воскликнул путник: «Добрый господин!
В степи я путешествую один.

Язык мой беден, дар мой слишком слаб,
Не произнес бы слова я, когда б

Тебя в степи не встретил я сейчас.
Я знаю удивительный рассказ.

Живу я, тайну от людей храня:
Так это чудо потрясло меня!

Свой путь я начал далеко отсель,
И шах Бахрам — моих скитаний цель.

Он царь царей, он шахов гордый шах,
А небо — у его порога прах.

Когда к его чертогу я приду,
Когда к его порогу припаду,

Лицо и очи к праху приложу
И цель прихода шаху изложу,

Ему открою чудо в тот же миг.
Бахрама я покуда не достиг,

А ты уже вопрос мне задаешь,
Невольно на моем пути встаешь.

Как быть! Сказать? Нарушу я обет.
Но и молчать не смею я в ответ!

Радушием тебе обязан я.
Смотри же, господин, как связан я!

В тебе я вижу гордые черты;
Твой сан высок; являешь облик ты,

Который свойственен одним царям.
Мне кажется: пусть ты — не шах Бахрам,

Царем ты предо мною предстаешь,
Мне кажется: ты на него похож,

Хотя невероятно сходство с ним:
Бахрам ни с кем на свете не сравним!

Сюда пришел я из чужих сторон.
Твоим великодушьем я пленен.

Но все же у меня другая цель:
С Бахрамом говорить — благая цель.

Ты лаской сердце мне развеселил,
Но две заботы в сердце поселил:

Смолчу — беда и расскажу — беда...
Как на тебя смотреть мне без стыда?»

Тогда расцвел властитель, как цветник.
Светильником он сделал свой язык:

«О ты, кто странником в пустыне стал!
Знай: ищущий — нашедшим ныне стал.

Ты сам не ведаешь, что в этот миг,
Искатель, ты искомого достиг.

Не жаждай, друг мой, около реки,
Не страждай, друг мой, счастьем вопреки!

К Бахраму ты спешил степной тропой?
Начни рассказ: Бахрам перед тобой!»

Тут странник, небеса благодаря,
Целуя землю, пал к ногам царя:

Узрел он цель, хоть много перенес!
Он благопожеланье произнес,

Учтиво сел и начал: «Мудрый шах!
О разных ты спросил меня вещах.

Вот первая: кто я? Мой шах, внемли.
Зовусь я среди жителей земли —

Мани; художник — звание мое,
Известно рисование мое».

Восторг Бахрама взвился до небес,
Как будто был он мертвым и воскрес:

Бахрам давно художника искал!
Он крепко обнял гостя, приласкал,

Остались все придворные в тени:
Увидел шах великого Мани!

Однако вскоре благосклонный шах
Ему напомнил о других словах.

Рассказчик молвил: «Слушай мой ответ.
Скитаясь, обошел я семь планет,

Под сводами блуждал я всех небес,
И очевидцем был я всех чудес.

Затмило все в моих глазах одно:
В Китае обретается оно.

Там с неким повстречался я купцом.
Не ошибемся, коль его сочтем

Богаче многих шахов и царей.
Сокровищами копей и морей

Владеет он: у этого купца
Товарам нет ни края, ни конца.

Число их даже передать нельзя,
А денег столько, что сказать нельзя,

Ему туманов никогда не счесть:
Одних наличных сотня тысяч есть!

Хотя богаче прочих он купцов,
Хотя забыл число своих ларцов,

Хотя не знает счета сундукам,
Рубинам, серебру и жемчугам,—

Владеет он жемчужиной одной.
Жемчужиной? Зови ее луной,

Любовникам сияющей с небес,
Игрушкой, дивом, чудом из чудес!

Волшебница в Китае рождена,
Любовью к ней страдает вся страна.

Красы подобной не было вовек:
С тех пор, как существует человек!

Кто взглянет на нее, тот будет рад
Отдать ей душу за единый взгляд.

Когда же в руки чанг она возьмет,
От счастья только мертвый не умрет.

Когда же струны чанга зазвонят
И стройным, животворным звукам в лад

Протяжно запоет она сама,—
Вселенную сведет сна с ума!

Когда б я прожил тысячу веков,
Когда б я знал сто тысяч языков,

Я не сумел бы рассказать о той,
Чей голос нежный спорит с красотой!

Хозяин украшает красоту,
Богато наряжает красоту.

Он ей носилки для прогулок дал,
На них пошли алоэ и сандал,

Пленителен красавицы покров —
Крученный шелк изысканных цветов,

Он жемчугом искусно окаймлен.
Доносится до нас певучий звон:

То чанг звенит, и легче ветерка
Бежит по струнам тонкая рука.

Красавица играет, как Зухра,
Сияя, как рассветная пора.

Она игрой приводит всех в восторг.
Купец хотел продать ее, но торг

Не состоялся до сих пор. Смотри:
Зухра — одна, а сколько Муштари!

Все богачи, юнцы и старики,
Опустошив мешки и сундуки,

Отвесили купцу свое добро,
Но золото, рубины, серебро

Отверг хозяин и сказал: «Казна
Всего Китая — вот ее цена!»

Неутолимой страстью обуян,
Уже хотел ее купить хакан,

Весь годовой доход купцу отдать.
Узнав об этом, возроптала знать,

Советники сказали: «Светоч наш!
Когда казну ты за нее отдашь,

Не сможешь больше денег ты собрать,
Тебя покинув, разбежится рать.

Ты должен дань обычную внести
Или восстать: иного нет пути.

Но, потеряв и войско и казну,
Как против шаха ты начнешь войну?

Страсть утолишь ты, царство погубя.
О, пожалей державу и себя!»

Хакана мудрый охладил совет,
А у других влюбленных — денег нет.

Хотя страдают тысячи сердец,
С продажей не торопится купец.

Но я, желая стать твоим слугой,
Подарок приготовил дорогой,

Когда решил отправиться к тебе,
Быть может, он понравится тебе.

В живой воде я краску растворил
И образ дивной пери сотворил,

Хотя рисунок — не она сама,
Подобие найдешь в чертах письма:

Посильную красе принес я дань...»
Сказав, он вынул шелковую ткань.

Шуршала ткань, упруга и нежна,—
На ней певича изображена!

Художник жизнь в китайский шелк вдохнул,
Ресницами с картины пыль стяхнул,

Расправив складки, разложил он шелк...
Бахрам взглянул, и вскрикнул, и замолк.

Казалось, разум у него погас!
До вечера не отрывал он глаз

От шелка, в думы погружен свой.
Казалось, он исчез в небытии.

До вечера ни с кем не говорил,
Он образ пери в сердце затаил,

Запали в душу дивные глаза,
Сжигали душу пламя и гроза.

Мани, почуяв боль его души,
Сказал: «Опомнись, шах, и поспеши,

Не упускай красавицу из рук,
Не то смертельным будет твой недуг!»

«Увы! — Бахрам воскликнул.— Я в огне!
В целебном счастье жизни — горе мне.

Я обезумел: ты меня сразил,
Когда ее глаза изобразил.

Художник, сделал ты меня больным,
Как врач, недугом ты займись моим.

Скажи скорей, подай благой совет:
Что делать мне?» Мани сказал в ответ:

«Ее цена — китайская казна.
Когда тебе краса ее нужна,

Когда из-за любви ты изнемог,
Да будет жертвой годовой налог!

Дирхемы — наилучшие врачи.
Всю дань Китая за нее вручи,

От денег в полной мере откажись
Иль от китайской пери откажись!»

«За близость с ней,— сказал ему Бахрам,—
Не только дань хакана я отдам,

А подати со всех моих держав
Отдам я, ничего не удержав,

И цену эту низкою сочту,
Когда осуществлю свою мечту!»

Воскликнув так, письмо составил он,
Немедленно в Китай отправил он

Сто мудрецов, ревнителей святынь,
А с ними — верных евнухов, рабынь,

Чтоб оказать красавице почет,
Чтоб на пути не ведала забот.

Хакану приказал он в точный срок
Кушцу вручить весь годовой налог,

А людям он сказал: «Наказ таков:
Луну освободите от оков».

Стремясь исполнить шахский сей наказ,
Послы в Китай отправились тотчас.

С измученной душой остался шах,
Художник — рядом, а портрет — в руках.

2

Когда, за китайянку спеша,
Китай избрать стоянку спеша,

Ученые отправились мужи
И, наконец, представились мужи

Хакану, передав ему сперва
Письмо Бахрама, а потом — слова,

Хакац, гордясь посланием царя,
За эту честь послов благодаря,

Почтительно рукой коснулся глаз
И за купцом послать велел тотчас.

Сто радостей он выразил в речах,
Довольный тем, что счастлив будет шах.

Хакан и продавец в цене сошлись,
Был куплен для Бахрама кипарис:

Купцом за деньги продана душа,
Такая низость — свойство торгаша.

Цена ее — китайская казна.
Купцу вручив казну свою сполна,

Хакан отправил розу в шахский сад.
Простились люди, поспешив назад

По знойным долам, по степным тропам,
И каждый день за год считал Бахрам.

Его душою сделалась тоска,
И телом стал он тоньше волоска.

Он муку ожидания познал,
Разлуку и страдания познал.

Нетерпелива издавна любовь:
Вновь на рисунок он глядел и вновь,

На время черпал силы и покой
В изображенье пери дорогой,

На время о разлуке забывал
И для объяття руки раскрывал.

В отчаянье он покидал чертог,
Но места он себе найти не мог,

В садах не будет лучше ли ему?
Но и сады наскучили ему!

На крыше иногда Бахрам сидел
И на дорогу пристально глядел.

Увидев точку черную вдали,
Полоску пыли на краю земли,

Он обмирал: тряслось, как старый дом,
Его сухое тело, и потом,

Придя в себя, он плакал без конца,
Он посылал в ту сторону гонца:

Таил надежду мнимую Бахрам,
Но тцегно ждал любимую Бахрам.

Преследовал одну заботу он.
Предлогом избирал охоту он

И на коне, вздыхая, выезжал:
Он в сторопу Китая выезжал,

Всем встречным задавал один вопрос:
«Ты весть о китаянке мне принес?»

Молчали все; шах вопрошал опять,
Надеясь о возлюбленной узнать.

Томленьем шаха был смущен Мани.
Пытался он Бахрама в эти дни

От горести картинами отвлечь,
Сказаниями длинными развлечь.

Он сердце шаха сказкой занимал,
Не понимая, шах ему внимал.

Влюбленного к спасенью не зови:
Он гибнет за пределами любви.

В разлуке тот не может не страдать,
Кого любви отмегила печать.

«Тяжка разлука»,— исстари твердят,
Но ожиданье тягостней стократ.

Короче: шахом овладел недуг.
Но вот к нему вбежал один из слуг,

Доставив радостную весть о том,
Что под звездой счастливой — шахский дом,

Что солнце приближается сюда,
Развевя ночь разлуки навсегда.

Отныне светлой стала эта ночь!
Бахраму сердце удержать невмочь:

Разлука и свидание равно
Опасны, если сердце влюблено!

Предстал очам Бахрама караван,
И доложили люди, что хакан

Исполнил слово шаха, что казна
На этот раз торговцу вручена,

Что радости лучи для них зажглись,
Что с ними — белогрудый кипарис,

Что пери прибыла в его жилье,
Что сотни солнц хотят купить ее,

Что розу не обжег пустынный вьюн,
Не утомил тяжелый путь степной...

Бахрам явил такую милость им,
Какая никогда не снилась им!

Он приказал: рожденную для нег,
Чей взор — гроза, разбойничий набег,

С почетом привести в его гарем.
Когда вступила гурия в Ирем,

В саду расположилась госпожа,—
В ее покой, от слабости дрожа,

Но с пламенем в груди, вошел Бахрам.
Он не поверил собственным глазам:

Знакомый сад неузнаваем был,
Теперь он первозданным раем был,

А в том раю — другой прекрасный рай,—
Не раем, а кумиром называй,

Да нет же: светоносною зарей,
Видением, парящем над землей!

Красива, обольстительна она,
Игрива и пленительна она.

Чернеют косы мускусом волос:
Китайский мускус караван привез.

Нет, мускусом груженный караван
В иремский сад пришел из дальних стран.

Ее густые локоны легки:
То ночь свои расставила силки.

А на щеках — шиповник и тюльпан.
Увидев их, любовник будет пьян.

Ее глаза, коль приглядимся к ним,
С китайскими джейранами сравним.

Даст мускус нам джейрана железа:
Две капли мускуса — ее глаза.

А родинка? То капля возле рта
Нечаянно джейраном пролита!

Ее лицо — прелестнее цветка,
А губы — два пунцовых лепестка.

Нектара полон каждый лепесток,
Живой водою стал медвяный сок:

Мертвец, его отведав, оживет!
И так укрыт между губами рот,

Что ты невольно вскрикнешь, изумлен:
«Рубин желанных губ не просверлен!»

Он для речей раскроется едва —
Жемчужины рассыплет, не слова.

Рубин,— а жемчуга рассыплет он?
Сок жизни,— кем же будет вышит он?

Жемчужная зубов белеет нить.
Как нам в рубин жемчужины вместить?

Но зубы все ж подобны жемчугам,
В живой воде подобны пузырькам!

Соплились две брови: взорам предстает
Языческого храма низкий свод.

А где глаза? В кумирню мы войдем,
Двух пьяных, двух неверных мы найдем,

А побежим, раскаявшись, в мечеть,—
На своды будем набожно глядеть!

Смотри: продеты в мочки жемчуга,
Звездой сверкает каждая серьга:

Они расстались, чтобы мир познать,
Но сочетались, чтобы соблазнять.

Ты райским дровом стан ее зови.
А что его основа? Дух любви!

Когда она, как некий дух земной,
Пройдет, покачиваясь, пред тобой,

То, стан ее не зная с чем сравнить,
Скажи: «Воображаемая нить...»

Такой на свете тонкой нити нет!
Незримый стан в багряный шелк одет,

Зеленый изумруд — ее наряд.
Не правда ль — в зелени раскрыт грапаг?

Одежда — в блеске дорогих камней,
Чтоб не сойти с ума — смирись пред ней!

О нет, не дева райская она,
Не гурия китайская она,

Не пери, не мечта, не волшебство,
А гибель человечества всего!

При виде уст ее — смутится дух.
Заговорит — отнимет душу вдруг!

Из уст польется жизни сок тотчас,
Но стрелы смерти полетят из глаз.

Ее движенья, смех, и вздох, и взгляд —
Зовут, прельщают, мучают, пьянят!

К Бахраму привела ее судьба,
Он — раб ее, она — его раба.

Смиренно перед ним упала ниц,
Земли коснулась копытами ресниц,

Был взор ее лукавством наделен,
Игрив, но и почтителен поклон.

Когда увидел китайнку шах,
Из-за которой он страдал и чах,

Ее изображенье полюбя,—
Не мог от счастья он прийти в себя.

Та, что была бездушным полотном,
Та, что была картиной, сказкой, сном,

Вдруг ожила, предстала во плоти,—
О, мог ли он теперь в себя прийти?

Спокойно мог ли на нее взирать,
Взирая, не вздыхать, не замирать?

Короче: говорить нам не дано
О том, что было и прошло давно,

О том, как шах остался в тишине
С возлюбленной своей наедине,

О том, как, наконец, обрел Бахрам
Успокоенье сердца, Диларам,

Покорную желаниям его:
О них не расскажу я ничего.

Подруга нежная, влюбленный шах —
Их тайна не нуждается в словах.

Кто в тайну их проникнуть бы не мог?
Одним лишь глупым это невдомек.

Когда сверкнуть стихом, как не сейчас?
Но будет неумелым мой рассказ...

3

Шах, обретя счастливую любовь,
К вину и музыке вернулся вновь.

В звящущих кубках пенилось вино,
И пение звенело заодно.

В саду, нередко до ночной поры,
Он царственные задавал пиры.

Дворцовый сад мы раем назовем:
Царица рая пребывала в нем,

Нет, роза, украшавшая цветник!
Бахрам терял сознание каждый миг...

Когда, вином веселым наслаждаясь,
Из белой розы красной становясь,

Настраиwала звонкий чапг она,—
Согласно пели струны, лишь одна

Струна, оцепенев, рвалась в тиши:
Рвалась струна Бахрамовой души.

He чапг — отшельник у нее в руках:
Он стан сгибает, как святой монах,

Он опускает скорбную главу...
Нет, пьяницей его я назову:

Звонит он — и заслушался кабак,
Сам пьяный, опьяняет он гуляк.

Но входит гурия в его игру.
Заводит песню магов на пиру —

И мир преобразается земной,
Задет ее волшебною струной.

Мы вспомним феникса, на чапг взглянув:
Всю чашу выдолбил чудесный клюв,

В ней дырочки сквозные — то проход
Для тонких струн... Какой мудрец сочтет

Число всех звуков, что звенят вокруг?
Из каждой дырочки исходит звук,

Летя по струнам! Лишь рукою тронь —
Как феникс, чанг низринет в мир огонь.

Заслушавшийся мир объят огнем,
Но чанг, сгорая, вновь рождается в нем. .

Хотя павлином феникс наряжен,
Он соловьиным горлом поделен.

Нет, феникс музыку завел свою, —
Сгорая, мир внимает соловью.

Не диво, что весь мир к нему приник:
Китайский соловей розоволик...

Розоволикой был Бахрам пленен,
Покоя без нее не ведал он,

Не отрывал от милой перп глаз,
От песен — слуха, пламенел и гас,

Он без нее метался без души,
Но рядом с ней лишался он души.

Он пил вино, от страсти к ней сгорев,
Жизнь возвращал ему ее напев.

Волшебным пеньем сердце зажжено:
Чтобы залить огонь, он пил вино.

Она лицо откроет — гибнет он.
Уста раскроет — издает он стон.

Чтоб успокоить сердце, бедный шах,
Прервав пиры, охотился в степях,

Но удалялся от пиров ли он,
Иль предавался шумной ловле он,

С возлюбленной не разлучался шах,
Быть без нее не соглашался шах...

В степях Китая жившая досель,
Любила черноокая газель

Степной простор, степную пестроту,
Тюльпаны в обжигающем цвету.

Вот почему ей были по душе
Поездки в степь и отдых в шалаше.

Охотники неслись и гнали дичь,
Веселый, грозный издавая клич,

Скакал Бахрам по травам и камням.
Качалась в паланкине Диларам.

Охоту превратил в обычай он,
Но сам для пери стал добычей он:

Лукавый идол пеньем колдовским
Его смущал и властвовал над ним.

Желая загасить любовь, Бахрам
Все чаще припадал к ее устам,

Но пламя страсти не погасло в них:
Как видно, заключалось масло в них!

Любовь неутолимою была:
Ведь гурия — любимую была!

Чем больше утолял желанье он,
Тем дольше чувствовал пыланье он.

Шах даже рядом с ней терял покой,
А без нее стонал он, как больной.

Свиданья были гибельней огня,
А без нее не мог прожить он дня.

Она ему подругою была,
Возлюбленной, супругою была,

В беседах с ней он счастье находил,
В свиданьях с ней он страстью исходил.

Своей любовью так увлекся он,
Так близостью к луне зажегся он,

Так был он околдовав, так привык
Перед собою видеть лунный лик,

Что, властный, он при ней не смел вздохнуть,
А без нее в тоске терзалась грудь.

И до того дошло, что мудрый шах
Забыл о государственных делах,

И правосудьем он пренебрегал,
Несчастливым людям он не помогал,

Заботами не радовал народ.
Уже роптал, досадовал народ,—

Не слушал жалобы народа он.
Так прожил три-четыре года он...

Кто яд любви вкусил — в конце концов
Лишится всех престолов и венцов.

Бедняк последний, гордый шах страны —
Пред воинством любви они равны.

Любви подуют смелые ветра —
Взлетят равно и щепка и гора.

Поток любви обрушится с высот —
Равно дворец и хижину снесет.

Дракон пред ней дрожит, как муравей,
Как жалкий нищий, робок царь царей!

И вот, заботы царские поправ,
Завоеватель множества держав —

Владыкой всех племен его зови —
По доброй воле стал рабом любви.

Теперь одну преследовал он цель:
Охотясь, развлекать свою газель,

Отыскивать все новые места,
Чтоб скуки не знавала красота,

Покуда час веселья не пробьет
И луноликая не запоет.

Стремится он и к песне и к вину,
Лишенный воли, видит он одну

Свою черноволосую мечту,
Любовь звонкоголосую в цвету!

Погибелью душе грозит вино.
Когда ж оно с любовью — заодно,

Бессилен человек: судьбу губя,
Он пусгит по ветру всего себя.

Был шах пленен любовью и вином,
О том, что стало с ним, рассказ начнем.

Бахрам, во имя песен и забав
Другим бразды правленья передав,

Оставил без надзора все дела.
Страна в расстройство тяжкое пришла.

С тех пор, как не каралось больше зло,
Неправый меч пасилье занесло.

Шах отошел от справедливых дел,
Кто власть имел, тот делал, что хотел.

Мздоимная правителей толпа
Налоги отдала на откупа,

Разбойники закрыли все пути,
Да так, что ни проехать, ни пройти;

Был под угрозой домашний кров,
Удел народа — черен и суров.

Запели громко бражник, блудодей,
Затихли речи праведных людей.

Покрылся пылью мудрости сосуд,
С вином блестели кубки там и тут.

Как черви, волки развелись кругом,
Не овцами питались — пастухом!

И несколько советников царя,
Сановных собеседников царя,

С трудом к нему попали на прием,
Бахраму доложили обо всем:

О том, что нет порядка, что народ
Страдает, ропщет, правосудья ждет.

Их выслушав, Бахрам не спал всю ночь.
Он думал: «Как беде своей помочь?»

Увы, напрасно к помощи прибег:
Беспомощен влюбленный человек...

Хотя любовью был измучен шах
И прежней силы не было в руках,—

Душой и телом преданный луне,
Он думал о народе, о стране:

«Как исцелить себя? Лекарства нет!
Бежать, отдать другому царство? Нет!

Пока я царь, всегда в своем саду
Ей равную красавицу найду.

Не обладай державной властью я,
Ключа не отыскал бы к счастью я,

Не знал бы, где моей луны жильё,
Не стал бы я возлюбленным ее.

Но раз она существовать должна,
Не существует все, что — не она!

Сказав: «Живи для власти и для нег»,—
Ты скажешь: «Преврати мне пламя в снег».

Избавиться от страсти он желал
Затем, что жить без власти не желал.

Но отказаться от любви не мог,
Хотя найти пытался он предлог.

Несовместим с любовью царский сан.
Цари болтают о любви? Обман!

Любовь предназначена тому,
Кто, в ней сгорев, исчез в ее дыму,

Кто, равнодушен к суете сует,
Душой отверг и тот и этот свет,

Кто ради прихоти любви готов
Пожертвовать блаженством двух миров,

Кто за возлюбленную жизнь отдаст,
Свою загубленную жизнь отдаст!

Но шаху, покорителю держав,
Который, битву ремеслом избрав,

Во имя власти проливает кровь,—
Чужда неборимая любовь.

Влюбленным он подобен иногда —
На жертву не способен никогда!..

И часто — на охоте, на пирах —
В такие думы погружался шах,

Он пил из рук возлюбленной вино,
А сердце было смутою полно.

Однажды ловлей завершился пир.
С Бахрамом рядом был его кумир,

А в голове шумел тяжелый хмель.
Вдруг Диларам увидела газель...

Бахрам так ловок был в метанье стрел,
Охотничьим искусством так владел,

Что промаха не знал, стреляя в цель.
Сказал он луноликой: «Вот газель

Несется, быстроногая, вдали.
В какое место,— перн, повели,—

Мне следует метнуть стрелу свою?
Как ты прикажешь, так ее убью».

О, нет китайским тонкостям числа!
Насмешница в ответ произнесла

Загадочные, тонкие слова:
«Мой шах! Оковы наложи сперва

На две ее передние ноги,
Потом стреле, охотник, помоги:

Остановив газель на всем бегу,
Зарежь добычу, стоя на лугу».

Шах, выслушав красавицы приказ,
Ее загадку разгадал тотчас:

Охотник ловкий был, умелый он!
И вынул из колчана стрелы он,

И, медленно натягивая лук,
Газель две ноги связал он вдруг

Стрелюю тополевою, и стрела
Под кожей к тонкой кости приросла.

Тогда в газель нацелился он вновь,
И горло ей рассек, и пролил кровь.

Исполнил шах желанье госпожи!
О ловкости Бахрама так скажи:

«Не только люди — неба древний свод
Соперника ему не подберет!»

Когда Бахрам искусство показал,
Застыл он в ожидании похвал,

Но гурья красавицей была,
А красота гордыню родила.

Руки Бахраму не поцеловав,
Не похвалив властителя держав,

Сказала: «Каждый день стреляя дичь,
Кто б совершенства не сумел достичь!»

Невольно шаха подняла на смех,
Старанью приписав его успех.

Поняв слова красавицы своей,
Морщины шах навел на лук бровей,

Сердась: да разве это похвала!
Увидев, что Бахрама привела

В расстройство, поспешила Диларам
Дать объяснение дерзостным речам,

Но все испортила, сказав ему:
«Я твоего упрека не приму,

Правдивы и чисты мои слова.
Мой шах! Себя возьму в пример. Едва

Коснусь я чанга слабою рукой,—
Сердца перенесу я в мир другой.

Быть может, красота повинна тут?
Нет, упражненья, постоянный труд!

Я прилежанье видела твое...
Чем сердце я обидела твое,

Сказав об упражнениях? Ужель
Без них попал бы ты стрелой в газель?»

От этих слов пришел Бахрам во гнев,
Вскипела ярость, сердцем овладев.

Когда властители разъярены,
Бегите, жители, из их страны!

Гнев самовластья страшен, гнев обид:
Он очи милосердия слепит.

Уже Бахрам хотел ее убить,
Уже мечом своим хотел срубить

Цветущий, вольный, стройный кипарис,—
Но в свите люди мудрые нашлись

И молвили: «Поступок нехорош.
Ужели жепщину мечом убьешь?»

А несколько глупцов произнесло:
«Их убивать — не просто ремесло,

А высшее искусство!» И луну,
Из паланкина высадив, одну

Отправили на самый край земли,
В бесплодную пустыню привели,

Где ядовитая трава росла:
Был каждый лист колючим, как стрела.

На землю опрокинув тонкий стан,
Скрутили косы длинные в аркан,

Вкруг шеи обвязав их... Вот, в петле,
Она лежит на высохшей земле:

Ей, косами пленявшей, довелось
Стать пленницею собственных волос...

Злодейство это было свершено
В тот миг, когда и ярость и вино

Бахрама ослепили. Дотемна
От ярости хмелел он и вина.

Наутро, встав с тяжелой головой,
Наполнить приказал он кубок свой.

Спросил, опохмелившись, царь царей:
«Где та луна, что мне всего милей?»

Он сам забыл о том, что совершил!
Один из приближенных доложил

О том, какое зло произошло,
И ужаснуло шаха это зло,

И светлый день померк в его очах,
И помраченным сердцем понял шах,

Что резкий ветер ярости слепой
Забушевал, что собственной рукой

Он обезглавлен. И сказал Бахрам:
«Сейчас в пустыню я помчусь и сам

Из края в край на поиски пойду,
Найду свою красавицу, найду,

Паду к ногам, когда она жива,
Умру я сам, когда она мертва!»

Однако честь венца, престол и власть
К ее ногам не позволяли пасть,

На это дело разум восставал,
Бахраму стыд покоя не давал,

Но с разумом любовь боролась в нем,
Любви звенел призывный голос в нем.

Так мучилась душа меж двух огней,—
Скажи: меж двух драконов — муравей!

Шах, голову на землю положив,
Метался, полумертв и полужив.

5

Достойный смеха более, чем слез,
Бахрам себе такой удар нанес,

Что без сознания двое суток был.
Когда в себя пришел он,— жуток был

И темен третий день. Войска любви
На приступ силы двинули свои,

Вступила в крепость мстительная рать,
Державу сердца стала разорять.

С избытком сердце утолило страсть,
Чтоб эту страсть жестокою проклясть.

Поплыл купец. Что ж, прибыль он обрел?
В пучине моря гибель он обрел!

Трудясь в саду, садовник ждал наград,
Но обломал его деревья град.

Была желанья молния светла —
Сожгла Бахрама бытие дотла.

Он драгоценный камень отыскал,
Но раздавил его камней обвал.

Он, защищая царство, поднял меч,
Чтобы мечом свою же грудь рассечь.

Хотел ресницы начернить сурьмой,—
Мир оказался черною тюрьмой.

Навылет в грудь он ранен был тоской,—
Избави бог от участи такой!

Бахрам, великой скорбью удручен,
Напоминал согбенный небосклон.

Его душа блуждала, как в лесу,
Скрипела плоть, подобно колесу,

Ужиться тело не могло с душой,
Душа для тела сделалась чужой.

Когда же к горлу подошла душа,
Бахрам поднялся и пошел, снепа

В пустыню, над которой зной повис.
Он думал: «Если жив мой кипарис,—

Благословлю удачу я тогда,
А если мертв,— заплачу я тогда,

На мертвую взгляну я красоту,
От стонов избавленье обрету,

Убью себя, с возлюбленной сольюсь,
Разлуку вечный победит союз!»

Прошел он по степным тропам стопоЙ,
Любимую ища в степи скупой.

Но вольный кипарис нигде не рос:
Его обитель — среди пахучих роз.

Кто розу обретет в степном песке,
Когда ее цветенье — в цветнике?

Она меж яблонь скрылась от людей,
Ее найдешь по яблокам грудей.

В потере убедившись роковой,
Стал шах о землю биться головой,

Вопил и плакал мира властелин,—
Фархад не разыскал свою Ширин!

Как птица с переломанным крылом,
Припав к земле, рыдал он о былом.

Сказал он, обливаясь кровью слез:
«Я над самим собою меч занес!

Кому теперь судьбу свою вручу?
Задул я жизни собственной свечу!

Какое дело, боже, сделал я,
С душой и телом что же сделал я?

Кто равен скорбью мне в пыли земной?
Что сотворило, небо, ты со мной!

Добра у синей тверди я прошу,
Пылинки милосердия прошу,—

Жестоко ты, не хочешь мне помочь!
Мою судьбу ты превратило в ночь,

Но вместо звезд мне слезы принесло,
А солнце счастья моего зашло.

Пылает страсть великая моя.
Но где же солнцеликая моя?

О небо, жизни погаси свечу,
Жить в этом низком мире не хочу!

Ты отняло любимую,— молю:
С ней заодно возьми ты жизнь мою!

Возьми: я жизнью сыт, клянусь творцом,
О смерти дух скорбит, клянусь творцом.

Возьми, свое злодейство доверши:
Несчастлива плоть, в которой нет души!»

Он плакал, стоном оглашая дол,
Забыл он свой венец и свой престол,

Забыл он о столице, о стране,
С печалью стал он жить наедине,

Лишь о любимой думал он теперь,
В пустыне стал он жить, как дикий зверь.

Стонал он, разрывая воротник,
Но вскоре город в той глуши возник:

Узнав, какая с ним беда стряслась,
Его любви мучительной дивясь,

Стремилась люди в степь со всех сторон,
Пустынный край был в город превращен...

Как Диларам, небесный свод погас.
Лежал Бахрам, не закрывая глаз:

Мир превратился в мрак. Бахрам, скорбя,
В нем чужеземцем чувствовал себя.

Весь мир объят тысячерукий мрак:
То был печали мрак, разлуки мрак.

Он плоть, и мысль, и душу иссушал,
Живую воду в сушу превращал!

О нет, не мрак окутал мир, а дым:
Огонь разлуки буйствовал под ним.

Бахрам вопил,— что вопль его теперь?
В огне тоски он топливо теперь:

Разлука лучшим топливом сочла
Влюбленных бесприютные тела...

Хотя Бахрам от суеты мирской
Был отделен завесою ночной,

Разбила свита для него шатер,
Чтоб скрыть его страдания костер,

Людей отогнала подальше прочь...
Так вот что принесла разлуки ночь!

Таились люди по глухим углам,
Дивились вслух таинственным делам,—

Любой об этом диве говорил:
Один о страшном диве говорил,

Другой о нежной пери говорил,
А третий о потере говорил,—

Для всех недуг непостижимым был,
А шах стонал: он одержимым был!

Заснули люди под ярмом забот,
Не ведая, что их наутро ждет.

Остался шах в невидимом огне,
С измученной душой наедине.

Когда невыносимым стал ожог,
Бахрам перешагнул шатра порог,

В уединенный он вошел покой:
Он на людей теперь взирал с тоской.

Покрепче изнутри он запер дверь,
Упал на землю, заревел, как зверь,

И одиночества издал он крик.
Он разорвал сначала ворстник,

Потом зубами искусал себя,
Он бил себя, он истязал себя,

По голове удары наносил,
И, весь в крови, он выбился из сил,

Припал, в бессилье, к двери шах Бахрам,
Увидел образ пери шах Бахрам.

Припомнил косы черные до пят,—
И вот печалью черной он объят.

Изогнутая бровь предстала вновь,—
Согнул он тело слабое, как бровь.

Нет, стал он полумесяца кривей
При виде полумесяца бровей!

Ее глазам газельим отдал дань,—
В пустыне сердца заметалась лань.

Ее ресницы мысленно узрел,—
Вонзились в тело сотни топких стрел;

То были не ресницы-волоски,
А грозные индусские стрелки.

Вообразил он светлое чело,—
Увы, затменьё на него нашло.

Тоскуя по живительным губам,
И умирал и оживал Бахрам.

Кровавыми слезами он рыдал —
Стенные камни превратил в коралл.

Пошли душа и тело на ущерб,
Сноп бытия скосил жестокий серц,

В глухой степи он точкой мнимой стал,
Вспоминаньем о любимой стал!

Ты не гонись за призраком степным,—
Найдешь его по признакам таким:

Он в памяти о гурни живет.
Когда он вспомнит животворный рот,

Ее зубов жемчужную красу,
Прольет он слез жемчужную росу.

Но вот он вспомнил нежный голос вдруг,—
Душа на части раскололась вдруг.

Почудился ему ее напев,—
Исчез Бахрам, в небытии сгорев,

И ожил вновь, предав себя тоске
По ямочке на розовой щеке.

Чуть видный тонкий стан пред ним возник,—
Бахрам заволновался, как тростник.

На серебро груди посмел взглянуть,—
И слезы стали тяжкими, как ртуть.

Он вспомнил, как держала чанг она,—
Оборвалась пить жизни, как струпа.

Он заболел, а лекарь не помог.
«О, неужели это я, мой бог,—

Он плакал,— неужели это я,
Кто превращал дракона в муравья?

Теперь иной господствует закон:
Я — муравей, а страсть — моя — дракон.

Я ль это? Прежде, грозен и суров,
Я побеждал неукротимых львов,

Теперь, как маленький мышопок, слаб,
Я не избег страданья львиных лап.

Я ль это? Прежде, возглавляя рать,
Я заставлял китайцев трепетать,

Теперь в моих войсках не счесть потерь,
Разбит я китайскою теперь.

Я ль это? Был я наделен в былом
Терпеньем, верой, силой и умом,

Сносил беду с достоинством не раз.
Перед каким же воинством сейчас

Я должен голову склонить и пасть?
Ужасной силой обладает страсть!

Ее войска я вижу наяву.
Как мне назвать их? Ночью назову!

Но так ли ночь грозна, черна, долга?
Несметно войско моего врага:

То войско ночи. Эта ночь длинней
Душистых кос возлюбленной моей!

Нет, для меня — могила эта ночь,
И труп мой поглотила эта ночь.

Ты, небо, чтоб заснул я мертвым сном,
Меня в могилу бросило живьем.

Свое копьё направило в меня,—
Зачем не обезглавило меня?

О полчища несметные мои,
О слуги безответные мои,

Я видел ваши головы в пыли,
У ног своих: так службу вы несли.

Я стал для вас источником щедрот.
Мои права никто не отберет.

Хвалились вы не раз: как благодать
Вы за меня готовы смерть принять.

Так где же вы? Где ваш двуострый меч,
Зачем вы не бежите в пламя сеч?

Так где же вы? На поле вышли вы?
Из подчиненья, что ли, вышли вы?

Пусть быстрый меч в мою вонзится грудь,
Чтоб, жизнь отняв, покою душе вернуть!

Не допущу, чтобы одна любовь
Без наказания проливала кровь:

Вам право я такое же даю,—
О слуги, уничтожьте смерть мою.

Друзья по брани,— постоянство где?
О мусульмане,— мусульманство где?

Убив меня, найдете путь к добру:
От мук избавлюсь я, когда умру!»—

Так плакал шах Бахрам в степном шатре,
Когда запела птица на заре,

Бахрам без чувств лежал в крови, в пыли...
Бесплотной тенью мы б его сочли!

Тоска и ужас обуяли слуг,
Когда открылся им его недуг,

А между ними, что ни говори,
Имелись полновластные цари!

И каждый шах страны, и каждый бек,
Простой слуга и знатный человек

Стояли с непокрытой головой
И выщипанной в горе бородой;

Но, видя: если плакать день и ночь,
Нельзя недуг опасный превозмочь,—

Собрание созвали, наконец,
И долго толковали... Наконец

Сõшлись на том, что здесь, в глуши степной,
Не должен оставаться их больной.

Врачи напли: здесь воздух пехорош,
Больного этим воздухом убьешь,

К тому ж за ним необходим уход,
А здесь больной удобства не найдет.

И люди шаха в город понесли,
Свой разрывая ворот, понесли

И поместили в розовом саду.
До вечера метался шах в бреду...

Едва царя лишается престол,
Народ находит время для крамол.

Беспомощное, в пламени горя,
Трясется тело бедного царя.

7

Хотя воссел Бахрам на свой престол,
Он до́ почти в сознание не пришел.

Он был убит, он был сожжен тоской:
Престол казался гробовой доской.

С престолом ты связал свою судьбу?
В конце концов окажешься в гробу!

Вот опустился занавес ночной.
Почуял запах мускуса больной.

Очнулась шаха скорбная душа,
Ночными благовоньями дыша.

Открыв глаза, мгновенье помолчал,
И вдруг он громким криком закричал.

Возлюбленной он вспомнил лунный лик!
И стон его, и вздох, и плач, и крик

Пронзили небо в чуткой тишине,
Затрепетали звезды в вышине.

Как острый меч — его тоски глагол:
Он звезды, очи неба, проколол.

Подула буря вздохов тяжело,
В движенье мира колесо пришло,

И встала на пороге смерть сама,
Увидела, что шах сошел с ума!

Ослаблен был его уцербный мозг —
В руках недуга мягким стал, как воск.

Уже Бахрам свой пламень погасил.
Уже для стонов не хватало сил.

Уже смятенье кончилось. Уже
Несчастный был на смертном рубежь

Не слышно было голоса его.
Лишь иногда с престола своего

Он голос подавал. В тоске, в слезах
По временам просил о чем-то шах,

И просьба стоила ему труда,
Но разума в ней не было следа.

Утратили друзья надежды все,
Порвали на себе одежды все!

Чтобы вернуть ему сознания свет,
Столпы страны собрали на совет

Врачей царя, четыреста числом,
Прославленных высоким ремеслом,

И вот какие речи повели:
«Наш господин, владыка всей земли,

Свое здоровье вверил вам, покой,
Вас награждая щедрою рукой.

Окружены заботами его,
Награждены щедротами его,

Вы жили здесь, не ведая нужды,
С единой целью: чуть рука вражды

Коснется шаха, волей неба вдруг
Придет жизнегубительный недуг,—

Его недуг должны вы устранить,
Чтоб шахской жизни вновь окрепла нить.

Так знайте же: настал несчастный час,
Без промедленья мы призвали вас.

Обласканы вы милостью царя.
Борьбу начните с хилостью царя,

Он много сделал подданным добра.
Теперь, у смертного его одра,

Обязан каждый шаху послужить —
И вы должны старанье приложить!

Когда ему грозил мятежный враг
Иль ополчался зарубежный враг,—

За шаха смело мы бросались в бой,
Гордясь, что можем жертвовать собой,

Царю царей служа всегда, везде.
Теперь, когда Бахрам в такой беде

И тьма в уме расстроенном его,—
Уподобляйтесь воинам его:

Рассейте царского безумья мрак!»
Врачи, подумав, отвечали так:

«Услышали мы истину от вас,
Сердцá призыв о помощи потряс.

Однако тот, кто без ума влюблен,
Не будет врачеваньем исцелен.

К тому, кто сломлен муками любви,
Ты лекаря с лекарством не зови,

Его огонь, без помощи врачей,
Залить сумеет близости ручей.

Кто полюбил, тот пламенем палим,—
Мы снадобья со щепками сравним.

Но все ж борьбу со смертью поведем,
Когда пойдем усердия путем.

Должны мы отыскать в короткий срок
Лечения основу и уток.

Недуг любви должны мы побороть,
Чтобы опять здоровой была плоть.

Однако знайте: только божество
Сумеет разум прояснить его».

Так порешив, немедленно, в почи,
Леченьем шаха занялись врачи,

Попеременно находясь при нем,
По-разному борясь с его огнем.

Одни, молитву слезную творя,
Просили бога вылечить царя,

Входили с припошеньем в божий храм,
Дирхемы раздавали беднякам.

Другие волхованьем занялись,
Волшебным заклинаньем занялись,

Старались джинна криками прогнать,
Чтоб властелин покой обрел опять.

Для третьих сочетание светил
Казалось важным. Каждый обратил

К пластинкам астроябии свой взор,
Судьбы прочесть желая приговор.

Четвертые алоэ жгли, стремясь
Спасительную приготовить мазь,

Изобретали яства и питье —
Усердно дело делали свое.

Блаженны духом, с думой на челе,
Себе не зная равных на земле,

Четыре сотни сведущих врачей
Трудились, не сомкнув своих очей,

Трудились не напрасно лекаря:
Рассеялось безумие царя,

Под благостным воздействием наук
Стал менее мучительным недуг,

Частичного здоровья шах достиг,
Луч разума в безумный мозг проник.

Сказали врачеванья знатоки:
«Теперь избавим шаха от тоски.

Лечили мы и холили его —
Спасем от меланхолии его.

Как быть нам с одиночеством его?
Займем искусным зодчеством его!

Он телом слаб, и взгляд его угрюм,—
Зайдем постройкой зданий скорбный ум,

И созерцаешь зодческих работ
Успокоенье шаху принесет.

Когда строитель, мыслью вдохновлен,
Покажет свой дворец со всех сторон,

Когда покажет смелый он чертеж,
Где старое и новое найдешь,—

Забудет шах любви опасный зов,
Весь поглотит строительством дворцов!»

Решив, что мысль такая хороша,
Больного шаха исцелить спеша,

Сановники одобрили врачей...
И вот узнали семь земных царей,

Что заболел тоской великий царь.
И так как был для них владыкой царь,

То все отправились в его чертог —
Ресницами мести его порог

И днем и ночью состоять при нем!
И каждый шаху верным был рабом,

И каждый клялся дружбою своей,
Гордился каждый службою своей.

Бахраму угождал, как только мог,
В надежде, что, когда поможет бог,

Пойдет о них в народе добрый слух,
Шах наградит вернейшего из слуг.

Когда постановили мудрецы
Построить небывалые дворцы,—

Тогда цари семи частей земли
К согласному решению пришли:

Усердые проявив, молясь творцу,
Они построят каждый по дворцу —

Изящества он будет образцом,
Творения сияющим венцом,

А шах больное сердце развлечет,
Следя за ходом зодческих работ.

Бахрам слова их принял в добрый час:
Его согласие — милость и приказ...

Тянулись от столицы семь дорог.
По ним народов двигался поток,

Дороги эти длинные вели
К столицам всех семи частей земли.

В начале каждой из семи дорог
Воздвигнуть было решено чертог.

Строителей не молкли голоса
И шумом оглушали небеса,

А те дарили им свои лучи,
Из солнца создавая кирпичи.

И говорили, их труды хваля:
«Семь райских кущ вместит в себя земля!»

Дворцы росли, меняясь на глазах,
И, созерцая их, увлекся шах.

Вот, проявив усердие, наконец
Закончил каждый зодчий свой дворец.

Покуда шло строительство, Бахрам
Дивился башням, лестницам, стенам,

Многоискусных зодчих мастерство
Целебным средством стало для него.

Могучие дворцы достигли туч,
Но каждый зодчий тоже был могуч,

Свою работу каждый кончил в срок,
Украшились дворцами семь дорог...

Вот улеглось смятение любви,
Утихло наваждение любви,—

Но тут работы кончились, и впредь,
Казалось, шаху не на что смотреть.

Но молвили четыреста врачей,
Премудрости четыреста свечей:

«Еще одно лекарство нам дано:
Искусством называется оно.

Художники, прекрасного творцы,
Пусть разукрасят царские дворцы,

Их живопись, волшебна и нежна,
Для шаха стать целебною должна.

Пусть вдохновенье, озарив сердца,
Распишет стены каждого дворца,

Окрасив их в один и тот же цвет
Снаружи и внутри,— вот наш совет».

И вспомнили вельможи о Мани,
И молвили художнику они:

«Ты создал кистью множество картин,
Явил ты всем художество картин,

Искусства красок ты вершиной стал,
Услады царской ты причиной стал,—

Здоровья царского причиной будь,
А мы тебе укажем верный путь.

Перед тобою — семь дворцов, Мани,
Немедленно их украшать начни,

Их распиши снаружи и внутри,
Но семь цветов различных набери.

Тебе не скажем: «Так, мол, распиши»,—
Ты следуй лишь велениям души.

«Не делай так!»— ненужные слова.
Не станем нарушать твои права,—

Так распиши, как пожелаешь сам».
Художник, руку приложив к глазам,

Ответил: «Хорошо. Вот мой приказ:
Все нужное доставьте мне тотчас».

И каждый по приказу поступил,
И мастер к делу сразу приступил.

Из всех земель Бахрама и держав
Художников искуснейших созвав

И тех, кто позолоту наводил,—
Для каждого работу находил.

На семь отрядов их разбил Мани;
В семи дворцах работали они,

А сам учитель попевал везде:
Он — вдохновитель их в святом труде.

Искусством увлечен, по всем дворцам
Ходил с утра до вечера Бахрам,

Картины целый день обозревал,
И в каждой новый мир он открывал.

Он о своей кручине забывал,
Он бытие в картине познавал!

Пленила сердце роспись мощных стен,
Забыло сердце свой любовный плен.

Прошло немного времени, и вот,
Величественны, как небесный свод,

Окрашены в различные цвета,—
Дворцы готовы: прелесть, красота

Сюда из райских перешли садов,
И стали семь дворцов — семи цветов!

Хотя в душе Бахрама не погас
Огонь любви, он ослабел сейчас.

Тогда сказал врачей высокий круг:
«Нашли мы средство устранить недуг.

Семью дворцами обладает шах,—
Семь гурий поселим в его дворцах.

Подчинены Бахраму семь царей,
Отцы семи красавиц дочерей.

Царевны эти — гуриям сродни,
Бахраму будут женами они.

Их музыкой, их пением опьянен,
Он будет их любовью исцелен».

Державы многодумные столпы
К семи царям направили стопы,

Нашли семь гурий, чудо из чудес,
Семь ярких солнц за пологом небес,

Семь бедствий мира, семь его даров,
Сознания разрывающих покров,

Семь ясных звезд,— а блеск их нужен всем,
В ларце невинности — жемчужин семь!

Да, звезды, но сокрыт их нежный свет,
Жемчужины, но в них отверстий нет!

Не только слово — самый тонкий стих
Изобразить не в силах прелесть их!

Когда узнали семь земных царей,
Каков совет премудрых лекарей,

То поразились: в голову царям
Ни разу не пришло, что шах Бахрам

К себе в гарем возьмет их дочерей!
Но, выслушав посланцев, семь царей

Ответили с покорностью в очах:
«Поступим так, как соизволит шах,

Мы — капли малые в его морях,
Мы — под ногами шаха бранный прах,

Пылинки мы: вознес он к солнцу нас.
К чему согласие наше иль отказ?

Он — царь царей, он украшает мир!..»
И каждый свадебный устроил пир.

Когда же наступил конец пирам,
Семи красавиц мужем стал Бахрам.

И каждая вступила в тот дворец,
Который строил для нее отец.

И вот, согнав с лица Бахрама тень,
Врачи установили час и день,

Когда, в какой дворец ему входить,
Кого из обитательниц почитать.

Сказали: «Вот зашел заботы день,
А завтра предстоит субботы дець.

Для шаха счастлив этот день всегда:
В зените в этот день его звезда.

Пусть мускусом поит его газель,
В гареме черном постелив постель».

Понедельник

Бахрам в Зеленом дворце

Вот солнце понедельника взошло,
Небес желто-зеленсе стекло

От ржавчины отмыло: засверкал
Небесный свод сверканием зеркал

И пожелал, исполненный причуд,
Чтоб вспыхнула заря, как изумруд,

В таинственном сиянии своем...
В зеленом одеянии свсем,

Зеленый тополь взяв за образец,
Бахрам в Зеленый поспешил дворец.

К нему в покои гурия вошла:
Небесная лазурь ее вошла,

Зеленой веткой гибкою вошла,
Со сладостной улыбкою вошла:

Улыбка — сахар нежного стручка,
А вельнь хороша, когда сладка!

Игрива, и нежна, и весела,
Царевна кубок шаху поднесла.

И принял шах лазоревый сосуд,
Из рук луны он принял изумруд,

Он пил вино из этих тонких рук,
Покуда неба изумрудный круг

Черней ночного сонмища не стал.
Шах благодатным сном еще не спал,

Печальным думам он предался вновь:
На шаха порчу навела любовь.

Пошли рабы за путником ночным,
Они в степи рассеялись, как дым,

И пешехода из чужой земли
Пред очи шаха вскоре привели.

Шах молвил из-за полога: «Тотчас
Пусть сядет он и поведет рассказ».

И чужестранец, похвалу воздав
Могучему властителю держав,

Прося благословенья божества,
Повел неторопливые слова.

Рассказ путника, приведенного с дороги в Зеленый дворец

Давным-давно в Египте жил купец,
Богатством наделил его творец,

Был целью бедняков его порог,
Был стол его обилен и широк.

Был у него один счастливый сын:
Во всех искусствах он достиг вершин,

Юсуфа красотою наделен,
Был юноша богат, как фараон.

Его достоинств нам не счесть число.
Светилось ясным разумом чело.

Владел он всем, что было у купца,
Владел он всем имуществом отца!

Науки светской мудрость возлюбя,
Он окружил учеными себя.

Саадом звался. Видел в нем отец
Всей жизни счастье, дней своих венец.

Покои для гостей воздвиг Саад.
Прохожему любому был он рад.

К нему дорогу звали свой, чужой:
Он всех встречал с открытою душой,

Всем путникам предоставлял приют...
Спросив: откуда и куда идут,

Какая цель у них и в чем нужда,—
Он милость им оказывал всегда,

Оказывал гостям в жилье своем
Внимательный и ласковый прием.

Когда же, чуткий сердцем, видел он,
Что гость благоденьями смущен,

Хозяин с лаской задавал вопрос:
Что видел он? Что знал? Что перенес?

Что, странствуя, стремился он познать?
В какой науке видит благодать?

Саад внимал гостям, как ученик,
Он в тайны сокровенные проник,

Он стал наук заморских знатоком,
Алхимией и волшебством влеком.

Но вот привел непостижимый рок
Двух чужестранцев на его порог,

Одетых в одинаковый наряд:
В зеленое от головы до пят.

Поставил блюда для гостей Саад,
Раскрыл объятья, их приходу рад.

Он ласковым не для приличий был,--
Таков души его обычай был!

Великодушьем он гостей потряс.
Такую милость встретив в первый раз,

Переглянулись оба, замолчав:
Их поразило его приятный нрав.

Желая их развлечь, в один из дней
Хозяин пир устроил для гостей,

Который полон был всего того,
Чего желает наше естество.

Когда вино дыханием паров
Отбросило смущения покров,

Своим гостеприимством сын купца
Пленил навеки странников сердца.

Когда он лаской поразил гостей,
«Откуда вы?— он спросил гостей.—

Ответьте мне: где жили прежде вы?
В зеленой почему одежде вы?»

А те: «Далек родной страны рубеж,
Она зовется Шахрисабз и Кеш.

На зеркале ее широких вод
Трава, подобно ржавчине, цветет.

Одета вся страна в зеленый цвет,
Кто в ней живет, в зеленое одет.

Как видишь, в зелень мы облачены:
Мы Шахрисабза верные сыны».

«Теперь скажите мне,— спросил Саад,—
Какой диковинкою мир богат?»

Один промолвил гость: «Моя страна
В зеленые одежды убрана,

Благоуханна, как цветущий рай.
В раю цветущем есть пагорбный край,

То место называется Четвер,
А в нем, поднявшись до небесных сфер,

Кумирня гордо своды вознесла:
Она из камня сделана была.

А на ее стенах, со всех сторон,
Был ярко мир зверей изображен.

Опомниться не сможет человек,
Когда найдет в монастыре ночлег:

Узнает он годов грядущих даль,
И радость будущую, и печаль.

Когда он вступит в тот стеклянный храм
И сон к его приблизится глазам,

К нему во сне два страшных существа
Придут и скажут вещие слова,

В лицо вперив зрачки недвижных глаз,
По очереди поведут рассказ.

И первое поведаст о том,
Что встретит он, идя благим путем;

Поведаст второе существо,
Какое горе поразит его.

И станет пробужденному от сна
Вся будущая жизнь его ясна.

Он радостно проснется поутру:
От зла уйдет он и придет к добру».

Так молвил первый страпник и затих.
Второй повел начало слов таких:

«В той области живет святой старик.
Он сердцем чист, он разумом велик.

Когда, увидев сон в монастыре,
Узнав о зле грядущем и добре,

Ипой постичь не сможет благодать,
Понять не сможет, как от зла бежать,

И станет пред загадкою в туник,—
Страдальца просветит святой старик.

Так нужно поступить: увидев сон,
Но не поняв, что означает он,

Не зная, как благим путем пойти
И как дурного избежать пути,

Отправься к старцу, расскажи свой сон.
Советом старца будешь умудрен,

И, выполнив его благой совет,
Увидишь ты добра желанный свет».

Саад сознание потерял: рассказ
До глубины души его потряс.

Он до ночи не отпускал гостей,
Изучил их беседою своей.

Тоскою беспредельною объят,
Бессонницей томясь, решил Саад

Отправиться в зеленую страну,
В кумирню, к удивительному сну.

Настало утро, чей лазурный свет
Наполнил ярким блеском дольний цвет.

Лишенный воли, потеряв покой,
Саад томился темною тоской.

Свое решенье он открыл отцу.
Чтоб сына удержать, пришлось купцу

Припять немало хитроумных мер,
Но юношу влекла страна Кетвер.

Ты болен страстью? С нею не борись,
Одно поможет средство: покорись...

Поняв, что сына удержать нельзя,
Ни уговаривая, ни грозя,

Купец, хотя стокал и плакал сам,
Сыновним все же уступил слезам,

Дитя свое он богу поручил,
Казну свою пред сыном положил

И молвил: «Все возьми, чем я богат!»
Обрадованный, приказал Саад

Собрать в течение суток десяти
Все нужное для дальнего пути.

Собрал отец по-царски сына в путь,—
Саад царю не уступал ничуть!

Он видел, нетерпением обуян,
Верблюдов среброносный караван;

Свисали тяжкие тюки с горбов;
Четыре сотни молодых рабов,

Чьи золотом блестели кушаки,
Привязывали накрепко тюки;

Все, что придумать может человек,
И то, чего не выдумать вовек,

И то, что будет в будущих веках,—
Все было в переизбытке в тех тюках!

Попутчиками сделав двух гостей
И две реки пролив из двух очей,

Вздохнув, простился юноша с отцом.
Отец стоял с заплаканным лицом:

Ему хотелось мертвым сном заснуть!
Саад отправился в далекий путь.

Он торопился: делал он зараз
Два перехода, не смыкая глаз,

Два гостя к рубежам своей земли
Его, подобно ангелам, вели.

Осталась позади степная ширь,
Языческий пред ними монастырь:

До неба своды храма достают!
Брахманы, предоставив им приют,

Преподнесли им яства и питье,
Добросердечье выказав свое.

Саад велел двум спутникам-друзьям
Сейчас же обозреть стеклянный храм.

Они вошли вовнутрь монастыря,
На стены с изумлением смотря.

Сказал один из спутников тогда:
«В храм не входи, чтоб не было вреда!»

Но, болен страстью, пребывал он глух,
Замкнул пред уговорами он слух.

Когда зажглись лучи ночных светил,
Он в крепость монастырскую вступил,

А спутники стояли у стены,
Предчувствием дурным омрачены.

Саад вступил, друзьям не веря, в храм.
Брахман снаружи запер дверь в храм.

Всем существом затрепетал Саад.
Ему хотелось убежать назад.

Дрожа, он впал в отчаянье тогда,
Почувствовал раскаянье тогда,

Но было поздно: мраком утрашен,
Увидеть жаждал он чудесный сон.

Но разве сон к тебе отыщет путь,
Когда глаза не в силах ты сомкнуть?

Так было с ним. В испуге и мольбе
Он тщетно сновиденье звал к себе.

Заснул он лишь на утренней заре.
Увидел он себя в монастыре,

В том самом, где нашел себе ночлег,
Где ночь провел он, не смыкая век.

Внезапно два пернатых существа,
Чьи перья — как зеленая трава,

Запели дивным пением и ввысь,
Подобно легким птицам, поднялись,

Над головой Саада сделав круг,
Ему на плечи опустились вдруг.

Одна, чьи перья — ангела крыла,
Сновидцу весть благую подала:

«Тебе в подруги пери суждена,
Прекрасная, как солнце и луна».

За ней другая птица, вестник зла,
Пророческий свой голос подала:

«Твоей судьбою станет грозный див,
Тебя он свяжет, в рабство обратив».

Проснулся, пораженный сном, Саад,
Смущением и трепетом объят,

Он завопил. Восточная заря
Вдруг осветила мрак монастыря.

Он ринулся в смятении к дверям,—
Брахман открыл снаружи двери в храм...

Саад утратил разум и покой.
Томим тоской, он слезы лил рекой.

Свет разума в глазах его померк.
В отчаянье он слуг своих поверг,

И те, исполненные скорбных дум
И обратив лицо к пришельцам двум,

Сказали так: «Сбылось, увы, сейчас
Предупрежденье одного из вас,

Но от другого помощи мы ждем».
Тогда другой, с возвышенным умом,

С приязнью откровенною в глазах
И тайной сокровенной на устах,

Сказал страдальцу: «Помощь такова,—
Мои ты вспомни прежние слова,—

Ты поднимись на горную тропу,
К святому старцу ты направь стопу,

Поможет он тебе, как верный друг,
Прогонит он, быть может, твой недуг».

И все пошли к жилищу старика,
В зеленых платях два проводника,

К вершинам гор, поднявшимся вдали,
Несчастливого к пещере привели.

Паломники вошли, сгибая стан,
В пещере той увидели айван,

А выдолбил его, подняв топор,
Не кто иной, как низвергатель гор.

С грудом пройдя сквозь каменную мглу,
Заметили отшельника в углу:

Как драгоценный камень в руднике,
От мира скрывшись в горном тайнике,

Он возлюбил пещеры темный мир,—
То в мире малом был огромный мир!

Как мир скрывают ночи небеса,
Распущенные скрыли волоса

Его худое тело; как рудник
Таит богатства, в сердце скрыл старик

Науки драгоценную руду;
Причастная духовному труду,

Сияла мудрость на его челе;
Он семь столетий прожил на земле;

Он удалился от пути невежд,
От разочарований и надежд;

К богатству, к власти потерял он вкус:
Без страха жил премудрый Файлакус...

Поражены обличьем его
И внутренним величием его,

Молчали гости, трепетно дрожа,
Смиренно руки на груди сложа.

Но понял их смятение старик:
Откинув волосы, открыл он лик.

Он своды озарил, и мрак исчез:
Так солнце озаряет свод небес.

Их встретил с милостью старик святой,
Глаза его светились добротой.

Все гости к праху приложили лбы.
«Саад,— сказал старик,— ты свет судьбы

Ты — соименник счастья. Узнаю,
Благовеститель, красоту твою!

Сейчас ты мне расскажешь обо всем.
А хочешь — волосок за волоском —

Я сам твою же повесть изложу?
Сам о тебе всю правду расскажу?»

Упав пред старцем ниц, сказал Саад:
«Когда Лукман вещает, все молчат».

Сверкнул улыбкой старца чудный взор.
Главу склоняя, тихий разговор

Повел сердца пленяющий мудрец
О том, где гость родился; кто отец

И мать его; где вырос он; о том,
Как для гостей открыл Саад свой дом;

О том, как он ловил из уст гостей
Диковинки чудесных повестей;

Как путникам он деньги раздавал;
Как, путникам внимая, познавал

Науки совершенство; как постиг
Творения таинственный язык;

Как, выслушав слова припелъцев двух,
Он стал мечтать, и беспокойный дух

От близких и родных его увлек
В дорогу дальних странствий; как он лег

На ложе в монастырской тишине;
Как дивных птиц увидел он во сне;

Как, порицаньем вещим потрясен,
Не в силах был истолковать свой сон...

Саад внимал, надеясь и скорбя,
А старец продолжал: «Я ждал тебя.

Я сновиденью объяснение дам,
Я сновиденью воплощение дам,—

Пойми: я цель преследую свою!
Тебе я жизнь поведаю свою.

Я некогда верховным был жрецом,
Меня считала паства мудрецом.

Во сне и наяву хотелось мне
Услышать прорицанья в дивном сне,

Мечтал избрать своим ночлегом храм,
Но мудрость преграждала путь мечтам.

И, наконец, мечтанья взяли верх.
Я голос робкой мудрости отверг.

Не сам, а силой странною влеком,
Вошел я в храм в молчании ночном.

«Вот здесь,— решил я,— будет мой ночлег!»
Сон сразу на меня свершил набег.

Открылось в этом сне моим глазам:
Сто тысяч обликов явилось в храм.

И двух существ увидел я полет,—
Ты тоже видел их, мой гость!— И вот,

Слетев ко мне с высот монастыря,
Запели обе птицы, говоря.

И первая сказала: «Будет миг —
Согнешься ты под тяжестью вериг,

Твой день погаснет, с темной ночью схож,
Обитель ты в пещере обретешь».

Другая возразила: «Кто крылат,
Пусть не скорбит. Тебя спасет Саад.

Хотя стезя к спасенью тяжела,
Перелетишь, почував два крыла».

Но тут, испуган речью вещей птиц,
Сон удалился от моих ресниц.

А я смущен великой смутой был,
Раздавлен я тоскою лютой был,

Я вопрошал: «Где толкователь снов?
Где благовест его правдивых слов?»

В огне я бредил и во тьме бродил,
Но толкователя не находил.

Какая мне готовится беда?
Мне вспомнилась пословица тогда,

Я повторял ее на все лады:
«Предчувствие беды страшней беды».

Меня пугало будущее зло,
И вскоре дело до того дошло,

Что я, терзаться не желая впредь,
Одно придумал средство: умереть...

Вдруг старца вижу я. То призрак был?
Но старец так похож на Хызра был,

Что я подумал: это Хызр святой!
Он в рубище облек свой стан худой,

Зеленый посох он держал в руке.
Сказал: «Не плачь, испуганный, в тоске.

Я сон твой истолкую, но сперва
Мне обещаю, что все мои слова

Без отговорок примешь ты сейчас,
Исполнишь без доуки мой приказ».

Запечатлев на прахе поцелуй,
Сказал я Хызру: «Сон мой истолкуй».

Я всей душой слова твои приму,
Покорен я приказу твоему».

А тот: «Запечатлей в своем уме
Страницы мудрые Джамасп-наме».

Когда прозренья книгу ты прочтешь,
Ты повесть о самом себе найдешь.

Джамаспа слово для тебя — закон.
Прочти — поймешь, как толковать свой сон.

Но вот условие, — слух свой напряги, —
Ты знаем иным пренебреги.

Науками свой разум не дробя,
Столкованью посвети себя.

Познав науки этой глубину,
Дашь толкованье ты любому спу.

Усердие твое — награда нам.
Ты должен тем, кто ночью вступят в храм

И выйдут утром, скорбью сражены,
Растолковать мучительные сны,

Утешить слабых должен ты, как врач,
Развеять их печаль, унять их плач».

Сказав, исчез. Я волю дал слезам,
Я приложил глаза к его следам.

Был след его стопы, как свет во тьме!
Я встал, пошел, раскрыл Джамасп-наме,

На той странице книгу я раскрыл,
Где обо мне провидец говорил.

И вот его слова: «В такой-то век,
В такой-то год, такой-то человек,

Чей разум высшим знаньем просвещен,
В монастыре заснув, увидит сон.

Познает пламенное горе он,
Но пусть поднимется в пагорье он.

В пещере пусть отшельником живет.
Сто лет промчит времен круговорот,

Пройдет столетье, как единый миг,—
Постигнет он значение вериг.

Благая весть придет к нему тогда.
Над ним взойдет счастливая звезда,

То есть: придет счастливый человек,
Чей путь его дорогу пересек,

Чье прозвище — Саад, чей счастлив лик,
Чей скорбный сон тяжеле всех вериг.

К пещернику придя, попросит он
Растолковать его ужасный сон.

Едва найдет желанное Саад,
Поняв свой сон и не страшась преград,

Свой сон поймет и толкователь сна,
Загадка станет для него ясна.

Он тайнства небесные поймет,
Все небо мыслью быстрой обоймет,

Украсит он собой сады небес,
Проникнет ум его в труды небес;

Ничтожеством считая небосвод,
Отшельник тот над небом власть возьмет,

В пещере темной умерщвляя плоть,
Сумеет он страданье побороть.

Настолько станет дух его велик,
Сильнее плоти, всех ее вериг,

Что увидит он, не ведая оков,
В сокровищницу мудрости веков.

Вот объясненье первой части сна.
А часть вторая так объяснена:

Кто светлой мыслью к небу воспарил,
Почуял силу двух духовных крыл».

Когда проник я в смысл чудесных строк,
Пещеры я переступил порог,

Я целое столетье в ней провел,
Я людям подавал благой глагол,

Я размышлял о зле и о добре.
И тем, кто видел сон в монастыре,

Я, сповиденья объясняя суть,
Указывал к добру тернистый путь.

Я часто думал: счастье обрету,
Когда твою увижу доброту.

Сто лет промчалось на моих глазах,
И ты пришел. Благословен аллах!

Сейчас услышишь толкованье сна.
«Тебе в подруги пери суждена»,—

Вот первой птицы вещие слова.
Разгадка прорицанья такова:

О дочери царя слова гласят.
На ней блестит лазоревый наряд,

Сурьма для солнца — след ее ноги.
Отец ее, пред кем дрожат враги,

Чья гуще трав бесчисленная рать,
Решил столицей Шахрисабз избрать.

Подобно пери шахское дитя.
Красавицу соперницей сочтя,

Питают пери зависть ныне к ней,
А гурии годны в рабыни ей.

Старуха неба, зеркало держа,
Ее причесывает. Госпожа

Считает солнце зеркалом своим.
Нет, лучше с ясным солнцем мы сравним

Ее красу: она весь мир сожгла,
И рядом с ней тускнеют зеркала!

Пред ней, восторг в смущенье заглуша,
Глаголющая замолчит душа.

Язык пред ней немеет, слишком груб,
Живой водой блестят рубины губ.

Подобно Хызру вещему, она
В зеленое всегда облачена.

Ее лицо — как райский цвет живой,
Что всходит над зеленою травой.

Она для шаха — радости ручей,
Она — зеница, свет его очей.

Шах на вершине горного хребта
Построил крепость. Башня поднята

До самых туч. Она, превыше гор,
Бросает небосводу свой укор.

Посередине крепости дворец
Воздвиг для гордой дочери отец.

Вокруг дворца — три крепостных стены,
И башни на стенах возведены.

В стенах обширных — крепкие врата,
До неба их доходит высота,

Тропа ведет к подножью этих врат,
Она полна немислимых преград.

У первых врат на страже — великан,
Свирепый негр по имени Катран.

Пред ним, как муравей, бессилен слон,
А каждый волос на плечах — дракон,

Но волосы в шею и спины —
Слоновыми назваться бы должны!

Как страж небес, как полуночный мрак,
Стоит он, и пред ним трепещет враг.

Мудрец, который званием богат,
На страже встал у следующих врат.

Перелистал он сотни древних книг,
Он крепость эту шахскую воздвиг.

У третьих врат старуху мы найдем.
Ей любо заниматься колдовством.

В коварстве, в хитрости, в науке зла
Она старуху неба превзошла.

Нельзя ее свирепость обмануть,
Не смеет ветер в крепость заглянуть.

Заглянет птица — выпадут крыла,
Заглянет муха — и сгорит дотла.

Волшебный пламень жжет все горячей,
Он может камень превратить в ручей...

Царевна, с сердцем каменным луна,
К супружеству презрения полна.

Опа, недостижима для глаз,
В той крепости от мира заперлась.

Но мир, наслышав о ее красе,
Стремится к ней: о ней мечтают все,

Хотя повергнут в страх влюбленный мир:
Его сердцегубительный кумир

Условье ставит, гордо говоря:
«Будь это грозный царь, иль сын царя,

Иль мудрый муж, прославленный вовек,
Иль просто благородный человек,

Но каждый, кто в сердечной глубине
Взлелеял мысль о близости к луне,

Кто речь, когда негаданно придет,
О брачном договоре заведет,

Пусть как ему угодно: колдовством,
Коварством, силой, хитростью, умом,—

Ворота шахской крепости возьмет!
Дойдя до первых крепостных ворот,

Пусть победит сперва Катрана он.
Его связав, пусть невозбранно он

Приблизится потом к вторым вратам.
Мудрец ему задаст вопросы там.

Когда ответов он найдет язык,
Поставит вопрошавшего в тупик,

Пусть до последних он дойдет ворот:
Там победителя колдунья ждет.

Когда он, силой знания своего,
Старухи уничтожит колдовство,

Когда, с противником расправясь так,
Он водрузит над крепостью свой стяг,

Над крепостью явив права свои,
Он завладеет крепостью любви.

А нет,— он будет схвачен, как злодей,
С позором выгонят его людей,

Пусть на себя тогда пеняет сам:
Его убьют, останки бросят псам,

А голову, всем прочим в образец,
Поднимут вверх, на крепостной зубец».

Условье гордой пери тяжело,
И дня еще такого не прошло,

Чтоб не был умерщвлен один из тех,
Кого манил и обманул успех.

Для псов добычей стали храбрецы,
Чьи головы воздеты на зубцы...

Но ты не трепещи, судьбу кляня.
В пустыню страха не гони коня:

Красавицу соединю с тобой,—
Она тебе назначена судьбой.

Тебе с подругой сблизиться пора,
Тебя наставлю я на путь добра».

Когда премулрый так проговорил,
Он раковину гостю подарил,

И несколько волшебных слов подряд
Он начертал, чтоб заучил Саад.

Еще одну записку написал
И, юноше вручив ее, сказал:

«Вставай и отправляйся в путь скорей.
Вожатыми ты сделай двух друзей

В зеленых платях: не теряя дня,
До Шахрисабза ты гони коня.

Зеленый город — всех стараний цель.
Когда же ты достигнешь тех земель,

Ты спутников к царю отправь тотчас:
Пусть обо всем доложат без прикрас.

Шах скажет: «Негра победи сперва».
Вступи в борьбу, но затверди слова,

Которые тебе я начертал,—
Их чарами владея, начертал:

В них мощь твоя, они — твой талисман,
Пред мощью их беспомощен Катран!

Как только в раковину дунешь ты,
Когда сквозь раковину плюнешь ты,

В какое б место не попал плевок,
Твой враг заснет, и будет сон глубок.

Ты возликуй, Катрана победив:
Когда в борьбе погибнет черный див

И будет крепость первая взята,—
Раскроет радость пред тобой врата,

И ступишь ты уверенной ногой,
И так дойдешь до крепости другой.

Ты будешь остановлен мудрецом.
Ты будешь поражен его лицом,

В глазах увидишь мудрости лучи.
Мою записку ты ему вручи.

Смирится пред тобой, ее прочтя,
Поможет он тебе, мое дитя.

Он с высшею премудростью знаком,
Он стал мне сыном и учеником.

Развеет он старухи колдовство,
И счастья ты достигнешь своего».

Так молвив, улыбнулся он светло,
Поцеловал он юношу в чело,

Напутственное слово произнес:
«Удачлив будь! Ты счастье мне принес,

Теперь за счастьем ты своим иди.
Спеш: преграды будут впереди».

С порога старец крикнул: «Счастливы будь!»
Саад, повеселев, пустился в путь,

Луга пересекая и поля..
И показалась, наконец, земля,

Покрытая зеленою травой,
Слиянная с небесной синевой.

Терялся в небесах ее рубеж:
Предстал перед путниками город Кеш.

Саад сказал своим проводникам:
«Ступайте к шаху во дворец!», а сам

Верблюдов он развьючить приказал,
Устроил посреди стени привал.

Явились к шаху два проводника
И повесть начали издалека

О том, как непостижная звезда
Саада издали вела сюда.

Они хвалили ум его и нрав,
Его радушью должное воздав.

К ним шах склонил свой мпловтивный слух:
Друзей и слуг он видел в этих двух,

Он твердо знал, что их рассказ правдив.
Уже к Сааду сердце обратив,

Приязнь к нему почувствовав, приказ
Двум правдолюбцам отдал он: «Тотчас

Помчите вы коней к его шатру,
Я к завтрашнему жду его утру»,

Наутро уроженцы той земли
К властителю Саада привели.

Шах, увидав его счастливый лик,
Утешился душой и в тот же миг,

Едва на юношу он бросил взгляд,
Решил: ему, как сердце, мил Саад!

Шах возвеличил гостя и вознес
И благопожеланье произнес.

Упал пред ним Саад, целуя прах,
Но поднял гостя милостивый шах

И оказал невиданную честь:
Велел ему перед престолом сесть.

Когда чужой и свой, собравшись тут,
Вкусили вдоволь от богатых блюд

И шах узнал от сведущих двоих,
От добрых верноподданных своих,

Желанье юноши,— сказал он так,
И это был расположенья знак:

«Был труден, утомителен твой путь,
Саад, сейчас ты должен отдохнуть.

А завтра час борьбы назпачу я.
Предчувствую твою удачу я».

Тогда Саад направился к шатру.
Друзей и слуг собрал он на пиру.

Он пил вино, и сладостный кумир
Незримо украшал веселый шир.

Мрак над землей свой полог растянул,
Не раз ночной менялся караул,—

Опьянены и сражены вином,
Пирующие снали крепким сном.

Для пьяного — все беды позади:
Хмель — в голове, любимая — в груди.

Саад покинул свой шатер, ведом
Отвагою, любовью и вином.

Не видели друзья, пьяным-пьяны,
Как он дошел до крепостной стены,

Как падал он, как поднимался вновь,
Как опьяняла пьяного любовь,

Как вопли он, шатаясь, издавал:
Он о любви к возлюбленной взывал...

А в это время кровожадный негр,
Что, словно дым, восстал из горных недр,

Чья грудь бесстрашна, чьи глаза остры,—
Расхаживал на выступе горы.

Он стражу нес у крепостных ворот,
Вдруг слышит: голос плачет и зовет.

На голос он с крутой горы сбежал,
Держа в руке безжалостный кинжал.

Он увидел сраженного вином:
Сознания свеча погасла в нем!

Сперва хотел убить его Катрап,
Но передумал черный великан.

Сказал: «В пещере пьяного запру.
Когда же мир проснется поутру, . . .

Убью при всех. И завтрашний мой враг,
Взглянув на мощь мою, почувет страх,

И я затрепетавшего убью,
Народу силу покажу свою,

Чтоб восхвалял меня и стар и млад».
Катрап, жестокому решенью рад,

К пещере приволок его, свиреп.
Пещера та напоминала склеп.

В тот склеп Саада бросил черный див,
Связав и руки на спине скрутив.

Он завалил тяжелым камнем вход,
На страже встал у крепостных ворот...

Заснул влюбленный, хмелем побежден.
Когда заря взошла, развеяв сон,

Он вспомнил, что произошло вчера,
Как, пьяный, убежал он из шатра,

Как, пьяный, крепости вчера достиг,
Тогда слова, что написал старик,

Он стал читать их, повторяя вслух,—
И в тело мощь вошла такая вдруг,

Что выпрямился в мрачном склепе он,
И разорвал стальные цепи он,

От входа камень отвалил рукой
И быстро побежал с горы крутой.

Не озирался он, к друзьям спеша:
Взволнована была его душа.

Когда стоянки он достиг своей,
Застал он огорченными друзей:

Исчезнув ночью, он расстроил их.
Но ласково он успокоил их,

Вскочил в седло и поскакал на бой...
Жестокой удручен его судьбой,

Неисчислимый заполнял парод
Ристалище у крепостных ворот.

Посередине возвышался шах,
А злобный негр, внушая людям страх,

На исполинском гарцевал коне.
Подобная и солнцу и луне,

Глядела пери на Сатурна цвет,
Струя из башни свой лазурный свет.

Блуждал Катрана кровожадный взгляд.
Так думал негр: «Появится Саад,—

Убью хмельного пленника при всех,
Саада испугает мой успех».

Едва на поле прискакал Саад,—
Воитель черный поскакал назад,

Людей немало этим удивив.
Войдя в пещеру, поразился див:

Исчез вчерашний пленник без следа!
В Катране ярость вспыхнула тогда,

Он ринулся на бой, угрюм и зол.
Воинственный Саад с коня сошел.

Они вступили в рукопашный бой,—
Не побеждал ни тот и ни другой.

Не страшен был Сааду великан:
Ему помог священный талисман.

Он раковину приложил ко рту
И плюнул через раковину ту,

И брызнула снотворная слюна,
И сделался Катран добычей сна.

Саад взметнул его над головой
И бросил наземь с силою такой,

Что появилась трещина в скале,
Остался отпечаток на земле!

В народе грянул изумленный крик,
Он купола небесного достиг!

Когда Саад Катрана перевозмог,
Он положил его у шахских ног,

Спросив: «Что делать дале? Повели!»
Саада по дороге повели

К вторым вратам, где пребывал мудрец,
Вход преградив к царевне во дворец.

Саад его лицом был поражен,
Он сотворил с достоинством поклон,

Вручил ему записку старика.
Тот задрожал, раскрыв ее: рука

Наставника писала те слова!
Ко лбу записку приложив сперва,

Он стал читать: отшельника перо
Приказывало сотворить добро.

Готовый пред Саадом наземь лечь,
Премудрый страж повел такую речь:

«Наставнику я предан своему.
Где смелости, где силы я возьму,

Чтоб повторить высокие слова?
Душа святого старца в них жива!

Исполнить я готов приказ его:
Старухи уничтожу колдовство».

Смотрел народ, столпившийся вдали,
Как эти двое разговор вели,

А страж сказал: «Колдунья — звук пустой,
Изображение, созданное мной.

Хотя людей измучила она,
Не человек, а чучело она.

Ее прославленное колдовство —
Обман и ловкость, только и всего.

Приблизясь к ней, ударь старуху в грудь,—
И в храм любви свободен будет путь».

Поставив стража якобы в тупик,
Вновь к шаху обратил Саад свой лик,

Спросив: «Что делать дале? Повели!» —
И вот его к старухе повели.

Все разбежались у ее ворот.
Один Саад бесстрашно шел вперед.

За ним стоял немолчный шум людской:
Был подвиг удивителен такой!

Вокруг старухи — тысяча смертей,
Над головой — огнеобразный змей.

Саад, не испугавшись ложных чар,
По высохшей груди нанес удар.

Тогда старуха запаталась вдруг,
На множество кусков распалась вдруг:

То были тряпки. Связывал их клей,
Из пшток сделан был ужасный змей.

Откуда ж эти грозные огни?
Из пестрых тряпок сделаны они!

Разрушив чародейства мнимый ад,
Вернулся к шаху радостный Саад.

Шах, как отец, его поцеловал,
Любимым сыном он его назвал!..

«Зеленый рай» — так прозван был цветник,
В котором старый шах дворец воздвиг.

Зеленому дворцу дивился мир,
Был во дворце устроен брачный пир:

Обвенчан ангел с пери молодой,
Слилась денница с утренней звездой!

Владыка вскоре в лучший мир ушел.
Счастливец унаследовал престол.

Саад в Зеленом восседал дворце,
В зеленом одеянье и венце.

В вазиры взял он правдолюбцев двух,
К словам народа он склонял свой слух.

Его кумир, красив, розоволик,
Зеленый шелк носил, как базилик.

Весельем ясным душу просветлив,
Был новый шах к народу справедлив,

Была его лицом озарена
Веселая, зеленая страна.

Зеленый цвет нам всех цветов милей:
Он — цвет весны, садов, лугов, полей.

Когда несчастья змеи к нам вползут,
Их ослепит зеленый изумруд.

Красавца молодого берегись:
Он строен, как зеленый кипарис.

Недаром Хызр в зеленое одет;
Бессмертье нам дарит зеленый цвет!»

Когда рассказчик смолк, сказал Бахрам:
«О чужеземец! Ты поведай нам:

Где корень твой, начало бытия?»
Ответил странник: «Родина моя —

Град Шахрисабз, а предок мой — Саад.
На мне зеленый видишь ты наряд».

Бахрам, узнав, кто этот человек,
Его градоправителем нарек;

И сразу, позаботившись о нем,
В ту ночь заснул он беззаботным сном.

Пятница

Бахрам в Камфарноцветном дворце

Чуть алебастром выбелил восток
День пятницы, высокий сей чертог,—

Фигляр небес во весь явился рост,
В широкий рот бросая зерна звезд.

Поднялся жар горячечный небес,
А в это время в прачечной небес

Отмыла прачка утреннюю ткань,
Наполнив пеной солнечной лохань.

Одетый в белый шелк, явился шах,
И потонул весь мир в его лучах.

Шах солнцем светозарным заснял,
Под куполом камфарным заснял.

Царевна, облачившись в белый шелк,
Была готова свой исполнить долг.

В одеждах белых были гости там.
Белел престол слоновой кости там.

Уселся на престоле шах Бахрам,
Вновь обратив свое лицо к пирам.

Красавица, в Китае рождена,
В китайский кубок палила вина.

Хоть кубок сей — китайским кубком был,
Но, сделан из фарфора, хрупким был.

До вечера Бахрам с царевой пил,
Он более, чем каждодневно, пил!

Когда погасло солнце ввечеру,
Когда рассыпал месяц камфару,

Бахрам, заснуть возжадав до утра,
Лег под навесом белого шатра.

Среди гостей присутствовал мудрец,
Скиталец, мыслей-жемчугов ларец.

Он, сидя пред веревками шатра,
Молиться стал, исполненный добра:

«О шах! Пусть превратится в твой навес
Необозримый древний свод небес,

Пусть раем станет белый твой дворец!»
Молитву сотворив, сказал мудрец:

*Рассказ путника, приведенного с дороги
в Камфарноцветный дворец*

«Я много видел на своем веку,
Из виденного сказку извлеку.

В трудах дорога пройдена моя,
Страна Хорезма — родина моя.

Дорога музыки — русло мое,
Игра на сазе — ремесло мое.

Постиг я, музыку держа в руках,
Науку о ритмических кругах.

Со мной в моем высоком ремесле
Никто не в силах спорить на земле.

Я обучаю музыке людей,
Верней, учитель я учителей.

Вот слух промчался из конца в конец:
Китай покинув, к нам идет купец:

Сокровищам его потерял счет,
Невольница его — сердца влечет.

Хотя ходжа неслыханно богат,
Она красой богаче во сто крат.

При красоте, с ума сводящей мир,
Еще пленяет голосом кумир

И якобы игрою колдовской.
Хорезм, волнуясь, потерял покой,

Встречать купца весь город вышел вдруг,
Чтоб убедиться: справедлив ли слух?

Все оказалось правдою: купец,
Богобоязненности образец,

Владельцем был бессчетного добра.
Молился он от почти до утра:

Он был подобен утренней заре
На маленьком молитвенном ковре.

Не менее, чем он, была знатна
Невольница его: свой род она

Вела от неба, гурии сродни,—
Ее владельца с ангелом сравни!

Рука его, как море, широка:
Жемчужиной владела та рука!

Ее лицо — как солнце, но оно
За облаком всегда затаено,

Нет, облаком одето камфары,—
То покрывало цвета камфары!

Все, что на ней, сияло белизной,
Красавица отвергла цвет иной.

Был слышен голос юный каждый день,
Она ласкала струны дважды в день,

За пологом налаживала чанг,
Рукою завораживала чанг,

Созвучен струнам был его напев
Пленялся весь Хорезм, оцепенев,—

Полдневною, полночною порой —
Волшебною восточною игрой!

Ее дворец весь день со всех сторон
Был толпами влюбленных осажден,

Но в дом никто еще не заглянул,
Никто поднять завесу не дерзнул,

Лишь каждый день, сраженный наповал,
В толпе влюбленных кто-то умирал.

Сердцами полновластно завладев,
Погибель приносил ее напев,

Но музыка так сладостна была,
Что и погибель радостна была.

Настраиwала гурия струну —
Расстраиwала гурия страну.

Смятенье очарованных сердец
Известным стало шаху наконец.

Хотя мечтал призвать он госпожу, —
Не мог узннзть знатного ходжу.

Сменив наряд богатый на простой
(Любовь сближает шахов с ницетой),

Безумное желанье возымеv
(Сильнее шахов девичий напев),

В толпу влюбленных скрыто он проник,
Посредниц к пери он послал в цветник,

В ее подруг посредниц превратил,
В служанок, в собеседниц превратил.

Вот их рассказ: душа чиста ее,
Красивей пенья красота ее...

Но шах прервал слова ее подруг:
Огнем любви он загорелся вдруг,

Желая луноликую познать,
Красу ее великую познать.

Он обезумел: он решил уже,
Что станет сыном знатному ходже,

Но цели не достиг он дорогой —
От богача пришел ответ такой:

«Ты ласковое слово произнес,
Раба ты возвеличил, превознес,

Шылинку ты возвысил до светил,
Нет, к небесам ты землю приобщил!

По саву я — скромнейшего скромней.
Достичь ли мне высоких степеней?

Но если бы ты этим пренебрег,—
Что пользы в том? Со мной враждует рок!

Узнай всю правду, обладатель благ:
Прекрасной пери ненавистен брак.

Она весь мир затмила красотой,
Никто не может стать ее четой.

Она тверда в решении своем:
Да будет воля шаха в остальном...»

Такой ответ покоя не принес,
Шах не жалел посулов и угроз,

Кричал, просил, бледнея и дрожа,
Но слов своих не изменял ходжа.

Тогда увидел шах: любовь сильна,
Владыкам не под силу с ней война,

Увидел шах: он должен будет пасть,
Когда не призовет на помощь власть!

Он приказал доставить во дворец
Игрушку, искушение сердец.

Исполнили придворные приказ,
Доставили красавицу тотчас.

В своем решенье ложном укреплен,
Мечтой о невозможном побежден,

Направился он радостно к луне.
Поняв его намеренья вполне,

Луна Чигиля в руки чанг взяла
И музыки расправила крыла,

И песня зазвенела струнам в лад,—
Как музыка, напев ее крылат!

Был шах в небытие перенесен,
Напев на всех навеял сладкий сон,

Все во дворце заснуло, онемев,
Всех памяти лишил ее напев.

Игрой заворотив дворец немой,
Красавица направилась домой.

Проснулся шах, проснулся шахский двор,
Шах вздрогнул, бросил изумленный взор.

Он приказал колдунью привезти,
Красавицу, шалунью привезти!

Вновь зазвенел чарующий напев.
Вновь шах его заслушался, замлев.

На всех внезапно сон свершил набег,—
Ушла домой рожденная для нег.

Влюбленный шах пытался вновь и вновь
Завоевать красавицы любовь,

Но гурия боролась всякий раз,
И помогал ей голос всякий раз!

Шах понял, что могуч ее напев,
Смирился, пораженье потерпев.

И вот пришел к ходже смиренный шах
С открытою приятностью в речах.

Устроив пир, он рядом сел с купцом,
Ласкал его и называл отцом.

Пред покрывалом белым он стоял
И языком несмелым умолял

Простить его: хотя он шахом был,
Но для красавицы он прахом был!

Он клялся, что, пленен ее игрой,
Ее считает дочерью, сестрой.

Она, не видя в нем отныне зла,
Его отцом в смущенье назвала

И зажила среди цветущих роз,
Отныне шахских не страшась угроз.

В укромной келье, сделанной купцом,
Беседовала гурия с творцом.

Хотя светлей зари ее атлас,
Струились звезды слез из ясных глаз.

Бела ее одежда — для кого?
Светла ее надежда — на кого?

О ком она мечтает по ночам?
Зачем она рыдает по ночам?

О чем скорбит невинная душа?
Не знает ни единая душа!

Настанет утро — песня вновь звенит,
Рыдает песня сладкая навзрыд.

Настанет утро — вновь звепит струна,
Тоска разлуки в музыке слышна.

И плачут все, когда она поет,
И за живое музыка берет.

До вечера молитвой занята
Ее благочестивая мечта.

Настанет вечер — снова плач людей,
И снова шах среди ее гостей.

Внимал незримой музыкантше он,
Сознание терял всех раньше он.

Таким высоким гостем дорожа,
Его отменно потчевал ходжа,

На все лады заботу выражал,
Властителя с почетом провожал.

Из-за пиров под кровлею ходжи
Расстроилась торговля у ходжи!..

В Хорезме я давно пленил сердца
Искусством музыканта и певца.

В напевах руда проходил мой день,
Как песнь, как чудо, проходил мой день.

Дастаны распевал я на пирах,
Но музыкантшей был растоптан в прах.

Дошел волшебный голос до меня,
И сердце расколосось у меня.

Народ превозносил ее напев,
К моим чудесным звукам охладев.

Вся жизнь мне опостылела тогда,
А сердце обессилело тогда.

Но я придумал, как беде помочь,
Как отогнать печаль и смуту прочь.

Я камфары так много проглотил,
Что сердца жар навеки остудил.

От силы я избавился мужской,
В девический направился покой.

Сидел в гареме радостный богач,
Когда внезапно испустил я плач.

В ответ услышал я слова ходжи
И гурьи невидимой: «Скажи,

О чем твой стон? В каком горишь огне?»
А я: «От вас была обида мне».

Они: «Клевещешь, странник, ты сейчас,
Обида не в обычае у нас.

Быть может, нас ты припял за других?
Но впредь ошибок избегай таких!»

Сказал: «Я все же на своем стою:
Должны вы повесть выслушать мою,

Вознаградить меня за правоту
Или прогнать меня за клевету».

«Начни»,— сказали. Помолясь сперва,
Неспешно я повел свои слова.

Смеясь, мою признали правоту
Купец в чалме и кипарис в цвету,

Пока не стал я говорить ясней,
Как я мечтаю до скончанья дней

Жить возле пери, во дворце ее,
Найти наставницу в лице ее,

Все дни свои дастанам посвятить,
Занятиям неустанным посвятить;

Пусть долговечен буду я, как Нух,—
Ее напевы мой насытят дух,

А если пищу мне подаст ходжа,
Я буду счастлив, двум друзьям служа.

Хотя сейчас безволен я и слаб,
Я царь в своем искусстве, а не раб!

Учитель я средь хижин и дворцов,
Хорезмских музыкантов и певцов.

Я в музыке сильней, чем Афлатун,
Но все же мастер я, а не колдун.

Постиг я суть искусства своего,
Но пери нам явила волшебство:

Где слыхано, чтоб, сладко зазвенев,
И сеял смерть, и жизнь творил напев?

Так сетовал и жаловался я,
Так плакал и печаловался я.

И, тронув эти мягкие сердца,
Услышал слово ласки от купца:

«Когда ты нам свой разум посвятишь,
Когда наш слух ты сазом усладишь,

Я позабочусь о твоей судьбе.
Но как мечту осуществить тебе —

Стать гурии наперсником, слугой?
Как может муж войти в ее покой?»

А я: «Себя избавьте от забот:
Во мне мужская сила не живет.

Я был игрою пери посрамлен,
Как жалкий подмастерье побежден.

Готовя для содружества себя,
Навек лишил я мужества себя.

Из-за ее пленительной игры
Так много проглотил я камфары,

Что охладил навек я плоть свою;
Пред пологом камфарным я стою:

Пусть ваш слуга, Кафуром наречен,
От полога не будет отлучен!»

Их поразил мой искренний рассказ.
Они осмотр устроили тотчас

И, убедившись в том, что был я прав,
Мне выказали дружбу, приласкав.

Вступил в девичий заповедник я.
Служил ходже как собеседник я.

Пред пологом — советник я ходжи,
За пологом — наперсник госпожи,

И так как нас сближало ремесло,
То смысл существованье обрело.

Когда я, жизни смысл уразумею,
Стал вслушиваться в сладостный напев,

Его тоски я глубину постиг;
Был голосом влюбленной — каждый стих,

Унылы были звуки в тех стихах,
Звенела боль разлуки в тех стихах.

Людей вдали, со мной наедине,
Красавица рыдала в тишине...

Она явила мне свой добрый нрав,
Меня своим наперсником избрав,

До полночи беседуя со мной,
Томления не ведая со мной,

А если сон чуждался госпожи,
Она просила: «Сказку расскажи».

Я сказкою спешил ее развлечь,
И если шла о расставанье речь,

Блестели слезы на ее глазах,
Открылась правда мне в ее слезах:

Красавица в кого-то влюблена,
Разлукой отуманена луна,

В нее вонзила тернии любовь,
Да так, что в голос просочилась кровь.

Она бы в муках изошла, сгорев,
Когда б не превратила боль в напев.

Я слушал звуки: в них любовь жива,—
Услышать я хотел ее слова.

И вот, когда я не внимал игре,
Я говорил о зле и о добре,

Я речи заводил издалека,
Желая откровенности, пока

Не стал послушен мне ее огонь,
Ее гордыни норовистый конь.

Тут я сказал: «О светлая звезда,
Пусть горя не узришь ты никогда!

Осмелюсь ли тебе задать вопрос?»
Сказала: «Задавай». Я произнес:

«Давно, твой прах, у ног твоих лежу.
Давно, твой раб, я за тобой слежу.

Веселье, скука и печаль — равно
В твоих очах открыты мне давно.

Ты сердцем сердцу моему близка.
Я понял, что гнетет тебя тоска.

Ее причина названа давно:
Нам скрыть разлуки язву не дано.

Недаром ты, мучений не стерпев,
Переложила боль свою в напев!

Ты превратила в песню горький плач,—
Но от меня своей тоски не прячь.

Ты сердце сердцу близкому излей,
Быть может, сердцу станет веселей,

Быть может, исцелю я твой недуг,
Я тайну сохраняю, как верный друг».

Подумав, так ответствовала мне
Красавица, подобная луне:

«Лишь правда украшает наш язык.
Ты к правде близок. В тайну ты проник.

Остановись и друга пожалей,
Не требуй откровенности моей,

Не то страданья увеличишь ты,
Тьму бедствий на меня накличешь ты!

Поведать, как терзаюсь я, любя?
Не вижу в этом пользы для тебя!

Одно из двух: иль с нами ты живи,
Иль прекрати расспросы о любви.

Узнаешь тайну,— голову склоня,
Покинуть должен будешь ты меня.

От друга ничего не утаю,
Но друг покинет родину свою».

Был приговор красавицы суров.
В расстройство я пришел от этих слов.

По целым дням, задумчив и уныл,
По городу без цели я бродил.

Я мучился, хотелось мне проклясть
Изгнанья страх и любопытства страсть,

Но жаждал я в ее проникнуть песнь,
Но жаждал я понять ее болезнь.

Терзаясь так меж двух ужасных зол,
Войдя в гарем, я разговор повел:

«Я изнемог, печален и угрюм,
Одна лишь дума заняла мой ум,

Узнать хочу я про твою беду,
Потом, куда прикажешь ты, пойду».

Воскликнула прекрасная луна:
«Твоим решением я удивлена,

Решенья твоего я не пойму:
Удар себе наносишь самому.

Клянись мне, что исполнишь мой приказ,
Покинешь город, выслушав рассказ».

Прогнал я облако с ее чела,
Поклявшись ей, и пери начала:

«Участье принял ты в моей судьбе.
Моей печали не понять тебе,

Когда я повесть про свою беду
С начала самого не поведу.

Наперсник сострадательный, узнай:
Моя страна и колыбель — Китай.

Забот не зная, в счастье я росла,
Когда война мой город потрясла.

Два хана меж собой вступили в бой,
Я стала одному из них рабой.

Вошла ребенком я в его гарем,
Познала я невольничий ярем.

У хана приобрел меня ходжа,
Мной, как восточным солнцем, дорожа.

Пусть дорогá отныне я была,
Я все-таки рабынею была,

Его рабыней купленной, хотя
Меня ценил он, как свое дитя,

Затем, что не дал бог ему детей.
И вскоре оказалось, что людей

Моя пленяет сладостная речь,
Что может голос мой сердца привлечь,

Что ясно я стихи произношу,
Что музыкой я радость приношу.

Великодушный, щедрый, как отец,
Певцов ко мне стал приглашать купец,

Прославленных, великих знатоков,
Слагателей напевов и стихов.

Прошли недели, месяцы, года
Учения, усердного труда,—

Дало плоды терпение мое,
Чудесным стало пение мое.

Достигла я такого мастерства,
Звенели сладко так мои слова,

Что я дарила песней благодать,
Смеяться заставляя и рыдать,

Стихом искусным оживляла всех,
Напевом грустным усыпляла всех.

Мой чанг казался чудом волшебства,
О голосе моем пошла молва,

Молва росла все громче и сильнее
О несравненной красоте моей.

Когда известно стало старикам
И юношам — искусства знатокам —

О том, что есть певица у купца,
Плевняющая голосом сердца,

Стремясь к рабыне, полные тоски,
Все богачи открыли сундуки,

Отвешивали богачи добро,
Каменья, золото и серебро,

Чтоб у ходжи меня приобрести.
А тот, поняв, что я в такой чести,

Что покупателей моих число
Чем далее, тем более росло,

Что превратился весь Китай в базар,—
Стал цену набивать на свой товар...

Художнику творения сродни,
В Китае жил художник в эти дни

По имени Мани; со мной знаком,
Он облик мой изобразил тайком,

Отправился в дорогу поскорей,
Рисунок показал царю царей.

То был властитель мира, шахиншах,
Правители пред ним склонялись в прах.

Увидев образ мой на полотне,
Такой он страстью воспылал ко мне,

Что приказал, не тратя лишних слов,
В Китай отправить сведущих послов,

Невольницу добыть любой ценой,
Пожертвовать китайскою казной.

Хотя хакан хотел меня купить,
Он вынужден был шаху уступить.

Вручив ходже всего Китая дань,
Красе великой отдавая дань,

Невольницу, премудры и светлы,
Царю царей доставили послы.

Жемчужина попала в океан,
И наградил своих послов султан,

Вознес превыше всех людей земли:
Они возлюбленную привезли!

Моим жилищем шахский стал цветник.
Когда хотя бы на единый миг

Шах разлучиться должен был со мной,
Ему пустым казался мир земной.

Была прибытком жизни для него
Моя краса. Нет, более того:

Когда меня, влюбленный, он познал,
Бессмертия законы он познал!

Он время проводил в степях, в горах,
В охоте, в шумных игрищах, в пирах.

Гвал скакуна к степным тюльпанам он,
Онагров уловлял арканом он.

Он гнал онагра перед скакуном,
Онагра мясо запивал вином,

Онагра кровью землю орошал,—
Тюльпанами он землю украшал.

Но увлечен ли ловлею он был,
Или под мирной кровлею он был,

Не знал он наслажденья без меня,
Не мог прожить мгновенья без меня.

В нем таяла отвага без меня,
Не делал он и шага без меня,

При мне сгорал и тлел, как пепел, он,
И если я не пела — не пил он.

Когда затягивала я напев,
Стонал он, от восторга ослабев.

Уединясь и гуляя с ним,
В степи ли, в городе — всегда я с ним,

Во время ли прогулок, во дворце ль,—
Он постигал во мне всей жизни цель.

О подданных забыл он, о стране,
Все дни и ночи посвящал он мне.

Ко мне пришла нечаянно любовь.
Любовью отвечая на любовь,

Его желала с силою такой,
Что волю я теряла и покой!

Горел огонь томленья с двух сторон,
Был тем огнем небесный свод зажжен.

Послала мне счастливая судьба
Не шаха, а покорного раба.

А я, хотя рабынею была,
Обольщена гордынею была.

Я видела, что шах — мой верный раб,
И становился мой рассудок слаб.

Я — скверная, ковер мой черным был,
А гордый разговор мой вздорным был.

Случилось так, что шах, надев колчан,
Охотился. Он весел был и пьян.

Я — рядом с ним, с поклонником вина,
От самопоклонения пьяна.

Сказал он: «Вот проворная газель,—
Как ты укажешь, попаду я в цель».

А я в ответ: «Мой ловчий удалой,
Передних две ноги ты спшей стрелой,

А горло перережь издалека».
Хотя была задача нелегка,

Он, как велела я, убил газель:
Таких удач не видел мир досель!

Мне поклониться бы стреле его,
Превознести бы в похвале его,

А я, прищутив горделивый взор,
Такой тогда сболтнула глупый вздор,

Что если б слугам отдал он приказ
На сто кусков рассечь меня тотчас,

То мягким был бы этот приговор!
Хотя и оскорбил его мой вздор,

Хотя была мне воздаяньем — смерть,
Вернее, слабым наказаньем — смерть,

Моим ответом гордым раздражен,
Не обнажил он гнева из ножен,

Но приказал, чтобы его рабы,
Меня связав, на произвол судьбы

Меня в пустынной бросили глуши,
Где человечьей не было души.

Когда прошли две ночи и два дня,
Ходжа, что звал дитятею меня,

Но продал, потеряв со мною связь,
Затосковал, продажи устыдясь.

Он против горя устоять не мог,
С разлукой споря, устоять не мог,

Китай покинув, он пустился в путь,
Чтоб снова на дитя свое взглянуть.

Его дорога вдоль пустыни шла,
Над нею ночь сгущалась, как смола,

Когда, в двух переходах от меня,
Приемный мой отец погнал коня,

Шарахнувшись, сошел с дороги конь,
С дороги сбился быстроногий конь.

В сопровождении немногих слуг
Ходжа в пустыне заблудился вдруг,

Но, видно, счастья ночь вела его
В ту сторону, где дочь была его.

Вдруг сон свалил усталого ходжу:
Когда б он знал, что близко я лежу!

Он спешился и на траве заснул,
Когда в глаза ему рассвет блеснул,

Широкий путь увидел рядом он.
Случайно степь окинул взглядом он.

В степи чернело что-то в ста шагах,
Лежало тело чье-то в ста шагах.

То человек? Зачем же он в ярме?
Откуда он? В своем ли он уме?

Тут любопытство увлекло ходжу.
Сказал: «Давай-ка сам я погляжу».

Увидел: женщину песок занес,
Она — в аркане собственных волос,

Она бессильна, а кругом — песок,
Вонзился в тело каждый волосок.

Она жива? Или уже мертва?
Ее от пут освободив едва,

Он понял: брови и глаза — мои,
И стан и длинная коса — мои,

На подбородке впадина — моя,
Но кем душа украдена моя?

Зачем кровинки нету на лице?
Такую боль я вызвала в отце,

Так был он этой встречей потрясен,
Что вопрошал себя: то явь или сон?

Не понимал он — трезв он или пьян,
Но вот пришел в пустыню караван.

Направился к нему один из слуг,
Привел моих служанок и подруг.

Узнав меня, — в петле, в песке, в пыли, —
Протяжный плач подруги завели,

Рыдая, лица раздирали в кровь,
Одежды рвали и рыдали вновь.

Ходжа премудрый, пьяный без вина,
В смятении стодал, как дивона.

Увидев солнца моего закат,
Не мог понять он, жалостью объят:

Кто в прах меня втоптал? Какое зло?
Как солнце ясных дней моих зашло?

Омыв меня чистойшей влагой глаз,
Как в саван, завернув меня в атлас,

Он амброй пропитал его густой,
И камфарой, и розовой водой.

Припали женщины к моим ногам
И растирали их, прижав к щекам.

Дошла ко мне как бы спросонья весть,
Почуяла я благовонья весть,

Услышала я нежные слова,
Глаза открыла я, полужива,

Кого же я увидела вокруг?
Друзей печальных, плачущих подруг!

Сказала я: «Стоять не надо здесь,
Долина гибельного ада здесь,

Уйдем скорее, говорю я вам».
Ходжа тотчас же внял моим словам.

Нестройные заплакали звонки,
Пустыни мы оставили пески,

Покой в посылках вновь я обрела,
Все признаки здоровья обрела.

Вдыхала амбру я, пила шербет,—
Избавилась от пережитых бед.

Родник на третьи сутки засверкал.
У родника мы сделали привал.

Велел ходжа разбить у чистых вод
Шатер нарядный, шелковый намет.

Я на высоком ложе улеглась,
Пришел ходжа послушать мой рассказ,

И явным стал рассказ мой для отца,—
От самого начала до конца.

Когда меня он выслушал, на миг
Он старой головой своей поник.

Поняв мою жестокую судьбу,
Вознес он вседержителю мольбу,

Который дочь его от смерти спас.
«В чем благо,— он спросил,— теперь для нас?»

А я: «Меня прогнал в пустыню шах,
Свой гнев обрушил на рабыню шах,

И путами я связана была,
Но мало я наказана была.

Я спасена по милости творца.
Скажи: кто убивает мертвеца?

Вернуться в шахский я должна чертог,
Своим лицом коснуться шахских ног!

Увы, прощенья нет моей вине,
Была достойна смерти я вполне,

Но если бог мне дал вторую жизнь,
Я шаху вновь свою дарю жизнь.

Меня ведет к нему жестокий стыд.
Пусть вновь меня накажет иль простит.

Я — грешница, но шах — защита мне,
К прощению тропа открыта мне.

Моя гордыня — враг заклятый мой,
Его величие — ходатай мой.

Раскаянье прочтя в моих очах,
Помилует меня высокий шах».

Так я сказала. Но вскричал ходжа,
От страшного волнения дрожа:

«Опомнись! Что рекут твои уста?
Иль трапезою жизни ты сыта?

Как можно к шаху возвратиться вновь,
Когда он щедро проливает кровь

За слово, сказанное невпопад?
В своем ли ты уме? Тебя казнят!

Огню подобен шах. Его не тронь:
Коснешься — обожжет тебя огонь.

Он пламя гнева широко простер.
Кто добровольно всходит на костер?

Поглубже скроем от него следы:
От шаха дальше — дальше от беды.

А если шах в отчаянье придет,
Свою вину в раскаянье поймет,—

Молва о том, что гнев его погас,
Докатится, бесспорно, и до нас,

Тогда легко дорогу мы найдем,
К раскаявшемуся вернемся в дом.

Пока же он упорствует во зле,
Спасение найдем в чужой земле».

Ходжа замолк. Совет его благой
Одобрили хороший и плохой.

Найти приют решил наш караван
В какой-нибудь из чужедальных стран.

Поскольку был от нас далек Хорезм,
То взоры всех людей привлек Хорезм.

С любимым я рассталась навсегда,
От жизни отказалась навсегда.

К чему мне утешения слова?
Разлука — это смерть, и я мертва.

Мертвец в сырой могиле равен мне,
Вот почему подходит саван мне,

Я саваном теперь облачена:
С возлюбленным своим разлучена.

Друзья считали, что предупредят
Больного тела моего распад,

И сыпали на саван камфару:
Мой саван стал подобен серебру.

Достигли мы Хорезма наконец,
В Хорезме водворился мой отец...

Далек ты мне иль близок, но поверь,
Что знаешь ты всю жизнь мою теперь.

Был здешний шах из-за меня в тоске,
Но шаху отказала я в руке.

Не прихоть сердца — ты теперь поймешь —
Была моя спасительная ложь:

Причина у меня одна была, —
Возлюбленному я верна была!»

Когда я грустный выслушал рассказ,
Простился я с красавицей тотчас.

С тех пор брожу из царства в царство я,
С тех пор терплю судьбы коварство я.

Царя не одного я посетил,
Но в тайну никого не посвятил,

Пока не встретил с лаской ты меня,
Сказав: «Порадуй сказкой ты меня».

Придумать лучшей сказки я не мог.
К тому ж камфарноцветный твой чертог

Напомнил ту, кто плачет и скорбит,
Кто — жертва незаслуженных обид,

Кто гаснет в белом саване своем,
Разлучена с возлюбленным царем,

Кто савап осыпает камфарой,
Кто мир пленяет дивною игрой,

Являя людям волшебство свое,
Кому подходит лишь одно жилье,

О шах, — камфарноцветный твой дворец!►
На этом сказки наступил конец.

То оживал, то умирал Бахрам,
Пока внимал сказителя словам,

В глазах то мрачно было, то светло:
Известье об исчезнувшей пришло!

Терзаясь, и пылая, и скорбя,
От крика он удерживал себя,

Боясь: поймет рассказчик этот крик,
И свой рассказ прервет он в тот же миг:

Тогда от боли задохнется шах,
К сознанию боле не вернется шах...

Но вот закончил странник свой рассказ,
И вопль Бахрама весь дворец потряс.

Призвал к себе сказителя Бахрам,
И волю дал он радостным слезам,

И вестника прижал к груди своей!
Покинул шаха жизни соловей,

Сознание покинуло его,
Казалось, жизнь отринула его...

Как воду жизни, странник весть принес,
Но превратилась весть в источник слез,

Что сделает, придя в сознание вновь,
Тот, чье сознание унесла любовь?

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДИЛАРАМ К БАХРАМУ

Когда в ту ночь услышал шах слова
О том, что луноликая жива,

Он до утра не мог прийти в себя,
Сознание внезапно погубя.

В незримом он пылании страдал,
Как жертва при заклинании страдал,

То падал, то вставал, чтоб вновь упасть,
Влюбленного обугливала страсть;

Когда ж ветерпеливая любовь
Ему рассудок возвращала вновь,

Приказывал он путнику тотчас
Чудоподобный повторить рассказ.

Он был печален, как ночная тень,
Пока не рассмеялся ясный день.

Дыханье утра обожгло простор,
Оно раздуло солнечный костер,

И, благодарный солнечным лучам,
Возжаждал шах сближенья с Диларам:

Украсила красавица Хорезм,—
Теперь он сам отправится в Хорезм,

Направит он в ту сторону стопы!
Но государства мудрые столпы

Сказали: «Шах! Ты потерял покой,
Недуг разлуки овладел тобой,

Хотя болезнь губительна весьма,—
Дорога утомительна весьма.

Страшна любовь — владычица твоя,
И слабость увеличится твоя.

Подумай о своей державе, шах:
Столицу покидать не вправе шах!»

За нами вслед, усердием горя,
Врачи старались убедить царя:

«Внемли нам, царь, и милость нам яви.
В тебе видны все признаки любви,

Но вспомни признаки горы: покой,
Степенное величье, связь с землей.

Гора всегда недвижна и тверда,
Лишь двинется в день Страшного суда.

Пребудь горой степенной, шах Бахрам,
Не разрушай вселенной, шах Бахрам!

Расстанешься ты с давнею тоской,
Но в ожиданье сердце успокой».

Их выслушав, Бахрам в конце концов
Назначил добродетельных гонцов,

Подобных ангелам по чистоте,
Соперников небес по быстроте.

Велел он два послания вручить,
Страницы покаяния вручить:

Письмо к ходже — моления полно,
Письмо к луне — смущения полно.

Ходже такне написал слова:
«Дошла до слуха нашего молва,

Что вы в Хорезме обрели приют:
Мы разрешенье обрели от пут,

Услышав эту весть. Мы просим вас:
В обратный путь пуститесь к нам тотчас,

В движенье пребывайте день и ночь,
Сон от очей, как мы, гоните прочь».

Красавице писал он кровью слез,
Всего себя он в жертву ей принес:

«С тобою разлучен, я ранен в грудь,
Так отправляйся поскорее в путь!

Я раб, я пленник твой. Приди ко мне,
Не то умру я по твоей вине.

Любимая, как жизнь ко мне приди,
Чтоб сердце билось у меня в груди.

Приди: с тобою встретиться спеша,
Уже летит к тебе моя душа.

Приди: уже струится кровь моя
Тебе навстречу, о любовь моя!

Приди: от мук освободи меня,
Верни мне душу, пощади меня!

Приди, как светоносная заря,
Лети, как пери, в облаках паря,

Разлуки не мечи в меня стрелу:
Хотя убийца я по ремеслу,—

Гляди, покорен я: на шее меч,
Я в савап поспешил себя облечь.

Не думай, что к тебе я не пришел —
Любя, благоговей, не пришел —

Из-за излишней гордости своей
Или упрямой твердости своей.

О нет, недугу тела и души
Отсутствие мое ты приноси!

Я без тебя ничтожным стал, как раб.
Увы, я так беспомощен и слаб,

Что воду я не в силах пить: я пью
Не воду, мнится мне, а кровь свою.

Я пленник,— будь мне госпожой: приди!
Я болен телом и душой: приди!

Я мертв,— ты смерть сумеешь побороть,
Ты жизнь вдохнешь в безжизненную плоть.

Приди ко мне, как солнце поутру.
Приди: промедлишь ты — и я умру».

Царю Хорезма он послал приказ:
«Купцу вручи ты деньги и припас,

Потребный для дороги по степи,
В обратный путь купца поторощи».

Как ветер, вестники пустились вскачь,
И, превращая каждый шаг в ягач,

К хорезмскому примчались рубежу,
И, отыскав почтенного ходжу,

Письмо ему, как ветер, принесли,
Он взял его, склонившись до земли.

Но поднялась до солнца голова,
Когда прочел он шахские слова.

Сияя, Диларам письмо прочла,—
Стал ярче солнца свет ее чела.

Хорезма шах призвал к себе ходжу,
Сказал: «Царю я с радостью служу».

Купцу вручил он деньги из казны,
И были сборы все завершены,

И в сторону Бахрамова дворца
Пошел счастливый караван купца.

Без отдыха он двигался вперед,
И вот один остался переход.

Большим нетерпением обуян,
Решил Бахрам пуститься на обман.

Едва настала ночь, дворец заснул,—
Он бдительность придворных обманул

И поскакал навстречу Диларам,—
Скажи: навстречу солнечным лучам.

А караван проделал трудный путь,
И странники решили отдохнуть:

Им сон смежил усталые глаза,
Замолкли каравана голоса.

Но сну склонилась равная заре
В разбитом около ручья патре:

Желала отдохнуть царица роз.
На берегу чинар высокий рос,

Пещерою казалось в нем дупло,
Его огнями молний обожгло,

Был ствол его глубоко рассечен:
Так душу рассекает страстный стон...

Шах крепко привязал коня к скале,
Сам спрятался в чинаровом дупле.

Внезапно он обрел себя в раю,
В шатре увидев гурию свою.

От глаз ее умчался легкий сон.
Творцу смиренный сотворив поклон,

Дыханием любви опалена,
Волшебный чанг настроила она

И стала петь, к чинару прислонясь,
К возлюбленному сердцем устремясь.

Ее певучий и протяжный стон
Был горестью разлуки напоен.

Вздыхая, пери подошла к ручью,
И там переложила в песнь свою

Она слова Бахрамова письма,
А музыку подобрала сама.

Как льются слезы, песнь ее лилась,
О нет, не слезы — кровь текла из глаз.

Внимая ей, все замерло вокруг,
Вонзался в сердце шаха каждый звук.

Луна, в любовном пламени сгорев,
Заговорила звонко, нараспев:

«О трудный путь, как долог ты, увы!
О зной! Навис, как полог, ты, увы!

Я так слаба, а жар степной горяч,
Увы, мне больше не под силу плач!

Меня смертельно ранила тоска,
Мне кажется, что смерть моя близка.

О небо, нет, не склонно ты к добру!
О низкое, ужели я умру,

Желанного я не увижу дня,
Когда любимый мой призвал меня?

К его ушам слова мои направь,
К его ногам глаза мои доставь,

С любимым близость — вот отрада мне,
А радости другой не надо мне!»

Бахраму в грудь папев ее пропик.
Шах разорвал, рыдая, воротник,

Его дыханья огненного жар
Траву обжег и опалил чпнар.

В беспамятстве Бахрам упал к ногам
Своей огнепной Диларам:

Так падает, прижав к груди ладонь,
Огнепоклонник, увидав огонь,

На пери так взирает дивона!
И пери, встречей той поражена,

Упала, онемев, к его ногам.
Смотрите же: лежит без чувств Бахрам,

Он распростерт, она у ног царя,
Он — тень всевышнего, она — заря.

Когда аллаха тень легла на луг,
Заря спустилась к этой тени вдруг.

Она и он повержены во прах:
Она без чувств, и без сознания шах.

Смотрите же: тоске пришел конец...
Диковинны дела твои, творец!

Но вот заря расправила крыла,
Двух любящих в беспамятстве нашла,

Открыло утро свой камфарный клад,
Над шахом белый разостлав халат.

Проснувшихся людей объял испуг...
С подругой рядом оказался друг!

Их встречей был обрадован купец:
Слетела птица счастья наконец!

Он от влюбленных отогнал людей,
Велел завесу принести скорей.

Камфарноцветным было полотно:
Как облако камфарное, оно

Чету сокрыло от людей вдали.
Когда в себя влюбленные пришли,

Сказал своей красавице Бахрам...
Но что сказал — того не знаю сам,

Не только человек,— и ветерок
Не смел шатра переступить порог!

Итак, достиг желанного Бахрам.
Примчалась свита по его следам.

Вернулись к шаху сила, счастье, смех,
Веселье шаха оживило всех.

Бахрам вручил купцу визира власть,
И потерял купец к наживе страсть.

И вот растаял утренний туман,
Отправился в столицу караван.

СМЕРТЬ БАХРАМА

Когда вернулся в город шах Бахрам,
Он вновь предался играм и пирам.

Болезни прежней не страшась угроз,
Он пил вино, вдыхая запах роз,

Все дни недели беспечальный шах
Стал проводить в своих семи дворцах,

Внимал луноподобным, как в раю,
Лаская лунолицкую свою:

Пусть много есть красавиц для утех,
Одна — любимей и желанней всех.

Дворцы менялись — и менялся цвет...
Так несколько прошло веселых лет.

«Во здравье!» — так он клики возносил.
К небесному владыке возносил.

Но всякому дыханью есть предел.
«Во здравье!» — раз он крикнуть не успел,

И небо, потонувшее во мгле,
Царю могилу вырыло в земле...

Увы, не диво сей короткий век:
Сто поколений царствуй, человек,

Владыкою слыви семи чудес,
Под куполом живи семи небес,

Бахрам небес будь часовым его,—
Нельзя назвать вечно живым его:

И он, увы, уйдет в конце концов,
В могилу не возьмет своих дворцов...

Бахрама завершилось бытие:
Он завершил желание свое.

Когда, веселья окружен людьми,
Он пил вино во всех дворцах, в семи,

Все дни и ночи посвятив пирам,—
Сопутствовала шаху Диларам,

Слова ее звенели для него,—
Все песни, все газели — для него!

Когда в стенах скучал он четырех,
Он для охоты покидал чертог,

А рядом с ним подобная луне
Протяжно пела на лихом коне.

Она дарила жизнь своим лицом,
Она была и кравчим и певцом;

Для пира — украшением была,
Для сердца — утешением была;

Труд и молитву с ней делил Бахрам,
Пир и молитву с ней делил Бахрам...

Случилось, что устроил царь царей
Широкую облаву на зверей.

Он, мнилось, обложил небесный свод,
Где, как звездам, зверям терялся счет.

Напрасно зверь, чтоб убежать отсель,
Выискивал хоть маленькую щель!

Вот, выгнав дичь на неоглядный луг,
Загонщики образовали круг,—

Со всех сторон на зверя всех родов
Они в пятнадцать двинулись рядов.

Вот круг до трех был сужен ягачей.
Охота сразу стала горячей.

Смешались рев зверей и ловчих клич,
Убитая и раненая дичь.

В цветник тюльпанов превратился луг,
Кровь разлилась потоками вокруг.

Куда ни глянь — полно кровавых луж,
Полно звериных душ — бесплотных душ.

Несутся звери, высунув язык.
Везде — преграда, западня, тупик.

Несутся — тщетный труд: спасенья нет,
Куда ни побегут — спасенья нет:

Их обступают ловчие кругом,
Прямые стрелы падают дождем!

Так без вины погибли существа,—
Душа в любом из них была жива.

Убийцей должен зваться человек:
Он бытие живых существ пресек.

Он, ловчий, жаждой крови обуян:
Недаром и одет он, как тюльпан,

Недаром кровь, куда ни глянет глаз,
Арыками повсюду растеклась.

Широкий луг весь потонул в крови:
Кровопроводом ты его зови!

Кровь потекла, по желобам струясь,
А под землей была вода и грязь.

Земля была болотистой землей.
Ее покрыла пыль, за слоем слой.

Пригрело солнце, дал ей силу дождь,
И вот она травы познала мощь:

Росла в болотной сырости трава,—
Сумела мощно вырасти трава.

Земля ее вспоила изнутри:
Недаром стебли толщиной в кари.

Она с землей корнями скреплена,
От корня — и травинок прямизна!

Арыки крови ныне потекли,
Со всех сторон к середине потекли.

Вгляни-ка: вот блестит она, земля,
Но кровью вся пропитана земля,

С болотною водою кровь слилась,
Людей по пояс засосала грязь,

Вгляни-ка: тонут вихри-скакуны,
По щиколотку в грязь погружены.

Спустилось покрывало в этот миг,—
Нет, облако закрыло солнца лик,

И хлынул дождь на человечесий скоп,
И вновь всемирный начался потоп!

Все видят: нет пощады их греху,
Вода — внизу, кругом и наверху!

Кругом, внизу и наверху — вода!
Будь даже, как кирпич, земля тверда,

Но если войско, загоняя дичь,
С усердием начнет тереть кирпич,—

Он сотрясется, как бы ни был тверд,
Охотниками в порошок истерт.

А тут еще по облику земли
Арыки жаркой крови потекли!

Становятся они мутней, грязней,
Копытами испуганных коней

Растоптан каждый, в слякоть превращен,
Тут начинает плакать небосклон,

Шумит, как море, гневная вода,
На землю низвергается беда.

Напрасно все бегут и стонут все:
Куда б ни побежали — тонут все!

Творили люди на охоте смерть,
Но сами обрели в болоте смерть.

Когда, облавы суживая круг,
Вся рать Бахрама съехалась на луг,

На землю бремя трудное легло.
Ей стало это бремя тяжело,

Она погнулась — медленно пошли
Сто тысяч седоков ко дну земли.

Тогда вокруг образовался ров,
А влага вырвалась из берегов.

Увидев: поле влагой залито,
Над влагою земля — как решето,

Все поняли: то — мертвая вода,
И все от жизни отреклись тогда.

Погибли и охотники и дичь,
Добыча и захватчики добыч.

Бахраму смерть принес его поход:
Так жертвой стал он собственных охот.

За дичью он велел скакать коню,—
Охота превратилась в западню.

Попали в западню джейран и лев,—
Погибли оба, разом смерть узрев.

Зверь кровожадный и пугливый зверь,—
Нет между ними разницы теперь.

Вот двое ловчих крепко обнялись,
Чтобы спастись, они в одно слились,

Но в миг, когда они слились в одно,
Трясина затащила их на дно.

Напал на всех, как муравейник, страх.
Как муравей, ушел под землю шах.

Его жилье отныне — яма, гур,
Недаром прозвище Бахрама — Гур!..

Сей низкий мир — прожорливый дракон,
И пожирать людей — его закон.

Десятка недостаточно: злодей
Глодает разом тысячи людей.

Принес он гибель многим существам,
Но вот что удивительно: Бахрам,

Великий и могущественный шах,
Повергший всех врагов своих во прах,

Над миром грозно утвердивший власть,—
И этот шах попал дракону в пасть,

Исчез он вместе с войском навсегда,
Ни вести не оставил, ни следа.

Сей мир дракон? Нет, хуже во сто крат,—
Там, где дракон, бывает часто клад:

Мы знаем, что чудовище — дракон,
Но бережет сокровище дракон.

А что мы видим в мире? Прах и твердь.
Сокровища здесь нет, здесь только смерть.

Отраду жизни человек постиг,
Но может умереть он каждый миг,

Довольно мига, чтоб дракону в пасть
Не только телу — и душе попасть.

Но нам не хватит многих, долгих лет,
Чтоб избавление найти от бед.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ,

в котором излагается наставление читателям и писцам

Священную познал я благодать:
Я завершил чудесную тетрадь.

Но сколько раз, пока старался я,
Смутился я и колебался я!

Едва страница начата была,—
Внезапно закусило удила

Мое проворноноего перо:
Седок рассказа гнал его хитро.

К благословенной цели я пошел.
Сказал бы: семь ущелий я прошел,

Сказал бы: семь стоянок в тех горах,
Где даже вихрь испытывает страх!

Немало перенес я на пути,
Но все же к цели я сумел дойти.

Тут мной сомненье овладело вновь.
Твердила мне душа: «Не прекословь.

Тот, кто рождает слабый, тусклый стих,
Не видит в нем изъянов никаких.

Стихи для вдохновенного творца —
Что собственные дети для отца,

А для отца — все дети хороши,
Частицы сердца, печени, души!

Уродливым ребенка назовешь,—
На взгляд отца он все-таки пригож!

Отвергнут всеми, дорог он отцу:
Так дорог стих отвергнутый певцу.

Как на свои создания ни смотри,—
В сих девственницах утренней заре

Ошибки никогда ты не найдешь,
Найдя ее, ошибкой не сочтешь!

Как мне понять достоинства стиха?
Работа — хороша или плоха?

Известность обретут мои труды
Иль даром пропадут мои труды?

Ничто не тяжелее тех трудов,
Которые нам не дают плодов.

Когда нельзя стихом зажечь сердца,—
Бессмысленны все тяготы певца.

Увы, мы скажем о певце таком:
Стремился в храм, попал в питейный дом!

«Но как мне быть?— так я к себе взывал.—
Не надобно мне выпренных похвал,—

Я полагаться не хочу на лесть,
А сам себя судьей не вправе счесть».

Сомненье душу ранило насквозь,
Царапалось в ней что-то и скреблось.

И плакал и вздыхал я тяжело,
Но счастье в келью вдруг ко мне вошло,

Смеясь, сказало: «Что же ты грустишь?
Ты яхонты и жемчуга дарышь,

Зачем же литься ты даешь слезам,
Подобным яхонтам и жемчугам?

Ты мне откроешь ли причину слез?»
Когда я счастья услышал вопрос,

Светлее показалась келья мне,
Жить захотелось для веселья мне,

Во всем открыться разом я решил,
И сердце я рассказом облегчил.

Сказало счастье: «Мой сердечный друг,
Народа жемчуг и знаток наук!

Тревогой ты напрасно обуян.
Боишься, что в стихах найдут изъян?

Оставь кручину, сердце успокой,
Знай, что изъян — не совместим с тобой!

Кто медным блюдом назовет луну?
Поверят ли такому болтуну?

Пернатые летают существа,
Но разве все незрячи, как сова?

Когда увидят змеи изумруд,
Они ослепнут,— может быть, умрут,

Но тот же изумруд неопеним:
Он возвращает зрение слепым.

Вот запах розового цветника:
Он — язва для навозного жука,

Но посмотри-ка: тот же запах роз
Больному облегчение принес.

Творенья твоего звезда взошла,—
Что для нее ничтожества хула?

Пусть онемает у того язык,
Кто постоянно порицать привык!..

Так о певежде говорит народ:
«Собака лает — караван идет!»

Пусть брань тебя не трогает ничуть.
О горестях своих теперь забудь.

Себя, как видно, ты не знаешь сам,
Не знаешь ты цены своим стихам.

Мысль твоего творенья глубока.
Зачем шумишь, бурлишь ты, как река?

Как море, будь безмолвен, величав!»
Такую речь нежданно услышав,

Забуть былое горе я сумел,
Спокойным стать, как море, я сумел.

Когда-то бурно пенилось оно,
Жемчужин изумительных полно.

О, как они светились изнутри,
Играя блеском влаги и зари!

Жемчужинами нагружал я челн,
Вылавливал я их из пенных волн,

Нанизывал я их на нить стихов,
Но тайной скорби голос был таков:

Постигнут ли читатели мой стих
Так, как я сам его красу постиг?

Теперь ко мне пришло веселье вновь,
И осмотрел я ожерелье вновь,

И каждая жемчужина зажглась,
И увидал взыскательный мой глаз:

Хотя стихи нанизаны на нить,
Кой-где порядок надо изменить.

Пусть хороши жемчужины мои,—
Изъяны обнаружены мои.

Тогда стихи в порядок я привел,
Где нужно, перемены произвел,

Там — стих убавил, здесь — прибавил я,
Там — заменил, а здесь — поправил я,

Так стройности желанной я достиг,
И вот пришел к концу мой черновик.

Когда читатель, развернув тетрадь,
Начнет мои сказания читать,

И если, прелесть в них найдя сперва,
Захочет вдуматься в мои слова,

И если их с охотою прочтет
И только долю соую поймет,—

То, если он умом и сердцем чист,
Одобрит он, похвалит каждый лист...

А тот, чье сердце грязно, темен ум,
Кто так далек от справедливых дум,

Что назовет стекляшкою сапфир,—
О правый боже, пусть вкусит он мир,

Ты ум его и сердце просвети,
Направь его по доброму пути...

Писец! В тебе я друга обрету,
Когда перу придашь ты остроту.

Я написал, а ты перепиши,
Пускай все буквы будут хороши,

Смотри не ошибись и невзначай
Расположенья точек не меняй.

За песней песню поведи пером,
Людьми помянут будешь ты добром.

Пусть будет труд отрадою твоей,
Достоиную наградою твоей.

А если по небрежности, писец,
Ты спутаешь начало и конец,

А если из-за денег вступишь в спор,
Пусть ляжет вечный на тебя позор,

В твой черный глаз, колюче и остро,
Пусть, как в чернильницу, войдет перо,

Пусть будет черным, как письмо, твой лик
И, как перо, расщеплен твой язык!..

Я выбрал эту книгу среди книг,
В ней, как в стране, я семь дворцов воздвиг,

Семь гурий поселил в семи дворцах,
Любуясь ими, веселился шах,

Семь сказок он узнал семи земель —
Моих стихов единственную цель.

Я дал название книге: «Семь планет», —
Пускай она теперь увидит свет.

Своих стихов я произвел подсчет:
Пять тысяч бейтов я повел в поход,

На них четыре месяца ушло,—
Вот дней труда примерное число.

Когда б своим я временем владел,
Когда б свободен был от прочих дел,

Своих стихов я завершил бы цель
На протяжении четырех недель.

Докучных дел обилие мое,
Из-за тебя бессилие мое!

Не потому ли я страдал и чах,
Что проходили дни в пустых речах,

В той смене лживых и правдивых слов,
От коих я давно бежать готов?

Я днем и ночью потерял покой,
И кажется мне ночь сплошной тоской,

Волнением дневным я утомлен,
Обилием людей ошеломлен.

Питание моей души — тоска,
И пища сердца моего горька.

Хотя меня обидел злобный рок,
Я книгу написал в короткий срок.

Быть может, стих мой вышел нехорош,
Но и плохим его не назовешь.

Сравнюсь ли я с великими людьми?
Индус Хосров, гянджинец Низами

(Ошибки их да зачеркнет аллах!)
Не помышляли о других делах,

Помимо говорения стихов,
Высокого творения стихов.

А я писал среди трудов и мук,
Досугу их не равен мой досуг.

Когда б моя звезда была светла,
Не молкла бы моим стихам хвала,

Пером я столько создал бы чудес,
Что даже своды светлые небес

Листами б нареклись моих стихов!
В такой короткий срок среди трудов,

Среди трудов в такой короткий срок
Я все же создал много тонких строк,

В короткий срок я нанизал стихи,—
Простительны моих стихов грехи...

Ну, Навои, пора кончать. Пойдем,—
Ты вправду оказался болтуном!

Мой труд! Начни в родной стране свой пу.
Народу моему желанным будь,

Чтобы могла сердца людей зажечь
Моя правдовзыскующая речь.

Да будут явны месяц, день и год
Сей книги завершепья: восемьсот

И восемьдесят девять, джумада
Вторая, пятница...* Конец труда!

Иди, мое творение, в народ,
Пусть он в тебе святыню обретет,

Да будут всем стихи мои пужны,
Да будут с ними семь небес дружны,

Да будет их друзьями полон свет,
А покупателями — семь планет.

* Навои закончил поэму «Семь планет» в пятницу месяца джумада вторая 899 г. по мусульманскому календарю. В переводе на наше летоисчисление эта дата приходится на одну из пятниц с 26 июня по 24 июля 1484 г.

ОУРКАТ

ГАЗЕЛИ

НЕ СРАЗУ, НЕ СРАЗУ

Ты мне стала навеки мила, но не сразу, не сразу.
Ты в душе моей страсть родила, но не сразу, не сразу.

Ты в посланье дала мне понять: «Пусть горячим и
Поцелуям не будет числа, но не сразу, не сразу. чистым

Быстрота не поможет достигнуть пленительной цели,
Человек завершает дела, но не сразу, не сразу».

Как мне выдержать? Пламя мое все сильнее и сильнее,
Ты покой у меня отняла, но не сразу, не сразу.

Ждал я встречи напрасно, себя утешая напрасно,
Что разлуки рассеется мгла, но не сразу, не сразу.

Успокой меня, весть о себе мне пришли, дорогая,
Чтоб забвенья она принесла, но не сразу, не сразу.

Но могу ли спокойным я быть без тебя, без любимой?
Дни чернеют мои, как смола, но не сразу, не сразу.

Обольщая глазами, в меня ты метнула ресницы,—
За стрелюю пронзает стрела, но не сразу, не сразу.

Если пламя Фурката свиданья випом не зальешь ты,
Я погибну, сожженный дотла, но не сразу, не сразу.

ИЗ-ЗА ТВОЕЙ КРАСЫ

Из-за твоей красы, лица и стана
Самшит в певоле, в сердце розы — рана.

Ты косами смутишь китайский мускус,
А блеском черных глаз — газель Хотана.

Жасмин с тобою рядом блекнет, меркнет,
А роза менее благоуханна.

Печалью окровавлен, вспоминаю
Твои уста, чья прелесть так желанна!

О если бы с тобой в одной одежде
Мы оказались в час ночной нежданно!

Тебе подобной нет во всем Коканде,—
Клянусь, что говорю я без обмана!

Я стал из-за твоих кудрей безумным,
На родину стремлюсь я постоянно.

Рубины губ твоих найду ль в Йемене,
А жемчуг-зубы — в недрах океана?

Из-за тебя скорблю я на чужбине,
А ты вдали пируешь непрестанно.

Фуркат, как вихрь, скитается по миру,
Он чудом занесен в пески Хотана.

НА ТВОЕМ ПУТИ

Поутру стою несмело на твоём пути.
Все пред взором потемнело на твоём пути!

Достигают небосвода ропот мой и вздох,
А тебе до них нет дела на твоём пути.

Смерти ты моей желаешь? Что же, убивай,
Чтобы кровь моя зардела на твоём пути.

На коне с весельем скачешь, а моя душа
Под копытом онемела на твоём пути.

Камни клеветы встречаю грудью, как Меджнун,
Нет моей тоске предела на твоём пути.

О приди же, как к Юсуфу Зулейха пришла,—
Горе мною овладело на твоём пути!

Если я, Фуркат, погибну от любви к тебе,
Ты мое увидишь тело на твоём пути.

ХОТЬ НЕМНОГО....

Только краешком глаза, шалунья, на меня посмотри **хоть**
немного!

Ты — царица красавиц, я — нищий, мне любви подари
хоть немного!

Ты не слушай соперников сплетни, сделай так, чтоб
страдал зложелатель,

Чьи наветы — преграды меж нами, ты преграду сотри
хоть немного!

Сколько ты причинила мне горя! Ах, когда бы смягчилась
ты сердцем!

Хоть немного прошу постоянства, ты добра сотвори **хоть**
немного!

Помнишь день? Ты взглянула с улыбкой — и, казалось,
мне жизнь улыбнулась!

Снизойди же ко мне и улыбкой ты меня озари **хоть**
немного!

Хоть немного прошу милосердья, ты меня **хоть** немного
порадуй,

Награди меня беглым вниманьем и меня ободри **хоть**
немного!

Равнодушием высокомерным ты меня превратила
в больного,—
С этой жизнью, раба возвеличив, ты меня примири хоть
немного!

У кого ты, скажи, научилась так терзать, угнетать
и лукавить?
Позабудь вероломство и сердце предо мной отопри
хоть немного!

Я стремился к тебе, но дороги не нашел к твоему
пированью.
Слушай, как я страдаю, с несчастным говори, говори
хоть немного!

Что ты делаешь с бедным Фуркатом? Убиваешь, потом
воскрешаешь!
Дай мне губы твои, чтоб я ожил до утра, до зари, хоть
немного!

НА БАЗАРЕ ЦВЕТОВ

Жду тебя на базаре цветов, я от горя поник.
О приди же, пока я живу, ибо ты — мой цветник!

Я прочел в лепестках описание рта твоего,
В талисмানে багряных цветов — в этой книге из книг.

Уязвленный, униженный плавной походкой твоей,
Покрывалом оделся павлин и забрался в тайник.

Сколько лет существует луна, не в сравнение с тобой,
Как померкло светило — твой бледный и жалкий
двойник!

Ты сияньем своим озаряешь сердца мусульман,
Стали кудри твои для неверных тяжеле вериг.

Я узнал полустышья твоих удивительных черт,
И тогда в существо поделуя впервые проник.

Если б воду живую ты людям явила, как Хызр,
То и жизнь бы творил, как Мессия, твой чудный язык.

На глаза твои с завистью смотрит в Китае газель,
Благовонием кос ты поставила мускус в тупик.

Каждый стих украшается именем звонким твоим,
И внимая Фуркату, народ славословит твой лик.

МОЛОДЕНЬКАЯ ВОЗЛЮБЛЕННАЯ

Я пленен молоденькой,— что за озорница,
Что за грубияночка, что за баловница!

Жил я в одиночестве — пыне очарован
Тоненькой, хорошенькой, звонкою, как птица.

Ей тоску любовную излагал я робко,—
Разгадала страсть мою с легкостью провидца!

Светится, как свечечка, в красоте полночной,—
Мотыльком душа моя к той свече стремится!

Я кружусь, я мучаюсь, кровью истекаю,
Но тверда, как камешек, эта чаровница.

От нее, молоденькой, скоро смерть приму я,—
Мне бы с собеседником горем поделиться!

МОЛОДИЦА

От сурьмы глаза чернеют. Пальцы выкрашены хною.
На лице — румяна. Брови кажутся чертой сплошною.

Бархатный камзол накинут на шафрановое платье,
Твой платок завязан туго, лоб сверкает белизною.

Хороши на пальцах кольца. На руках звенят браслеты.
Голосок дрожит певучий серебристою струною.

Серьги-жемчуга сверкают гордым, очень светлым блеском,
Завитки кудрей поспоят с темной ночью смоляною.

То сидишь, красой смущая, то проходишь, обольщая,
Легкой, плавною походкой, шаловливой, озорною.

То, покачиваясь, встанешь — и отнимешь ум и сердце...
Кто с тобой сравнится, перп, — с этой ветреной весною?

Лук бровей в меня направив, мечешь ты ресницы-стрелы,
Где же я найду спасенье? Что ты делаешь со мною!

То здоров, а то я болен от любви к жестокой пери,
То мы с ней в ладу, в согласье, то мы заняты войною,

Никогда людей Востока так не мучил чужеземец!
О Фуркат, из-за шалуньи бродишь ты с душой больною...

ТВОЕ ЛИЦО

Лицо твое — рай, а глаза — сладострастные девы в раю.
Как райское дерево — твой стап, а в чертах — райский
цвет узнаю.

Ах, красное платье твое как приданое ранней зари,
Ты свет благодатный его подарила всему бытию.

Рубинами сладостных уст превратила влюбленных
в рабов,
И люди, тебя услышав, онемели в родимом краю.

К лицу тебе румский наряд. Из-за пуговок воротника
Вконец я лишился ума, обезумев, недвижимый стою!

Ужели поспорит Юсуф с красотой самовластной твоей?
Не нужен, не нужен мне страж, охраняющий прелесть
твою!

Не надо меня убивать, о глаза, о глаза палача!
Достаточно мне и ресниц, проливающих крови струю.

Я связан, в аркане томлюсь, — в гиацинтах распущенных
кос,
Мучения жалят меня, и похожа тоска на змею.

БРОВИ ТВОИ

Меня сразили, ибо ты прекрасна,— брови твои.
Меня страдать принудили безгласно брови твои.

Твои глаза меня очаровали темпой красотой,
Но хватит, ибо лгут мне, лгут опасно брови твои!

Мечи в руках убийц — твои ресницы, смертью грозят,
Влюбленных убивают ежечасно брови твои.

Твой жаркий взор опустошает душу, стрелы метнув,
А в тайну сердца проникают властно брови твои.

Как фараон Египта, горделиво смотришь всегда,
С индусами-глазами дружат страстно брови твои.

Сгибая всех в дугу, уподобляя смертных себе,
Смутили все, что в мире было ясно, брови твои.

О месяц молодой, о солнце мира! Плачет Фуркат,
Виновны в том, что жизнь его несчастна, брови твои!

АМБРОЙ ДЫШАЩИЕ ЧЕРТЫ

Ты открыла мне, о любимая, амброй дышащие черты,
И от пятен душа избавилась, чтоб исполниться чистоты.

Ты меня поразила стрелами — не выдергивай острия,
Чтоб остались они, как памятки молодой твоей красоты.

Ты не спрашиваешь, любимая: каково-то мне без тебя?
Не забыть мне, мечом прозвонному, твоего клинка
остроты!

Завитки волос распустила ты, чтобы мускус твоих
кудрей
Одурманил меня, влюбленного, и развеял мои мечты.

Вспомню я о губах рубиновых — исторгаю рубины слез:
Кровью плачу я в унижении, — где конец моей маяты?

Опемев, я лежу в беспомыслии, а когда прихожу в себя,
Я невольно рыдаю жалобно после горестной немоты.

Небылицы распространяются о пленительности цветов,
Так пройдишь разок между розами, красотой пристыди
цветы!

Я надеюсь, в любви неопытный, что смягчится твой
гордый нрав,
Что красавицы снисходительны, что добьюсь твоей
доброты.

Так и быть, ни о чем не спрашивай, но скажи мне,
молю тебя,
Долго ль буду страдать, отверженный, долго ль буду
ждать правоты?

Нанизал я на нить поэзии буквы имени твоего,
Для Фурката они — жемчужины, и ему нужна только ты!

ПЫЛАТЬ МЕНЯ ТЫ НАУЧИЛА

Пылать меня ты научила в огне разлук по вечерам,
Но ты светильником свиданий сияешь радостным пирам.

Нет, не тюльпанами — скорбями усеяла ты грудь мою,
И стала садом степь страданья и уподобилась коврам.

Жестокости вонзила жало ты, солщеликая, в меня,
Окрашен мир моею кровью, как жарким солнцем по
утрам.

Ресницы стрел в меня метнула, лук натянув своих
бровей,
По воле собственной я гибну, грудь подставляя остриям.

Не так была война сурова меж христиан и мусульман,
Как у тебя — с моей любовью: мучительнице стыд
и срам!

О сердце, сердце, ты страдаешь у стройной лилии
в плену.
Где кипарис? Где прис нежный? Где путь к
пленительным дарам?

В сеть превратилась грудь Фурката: шалунья подняла
свой меч,—
Да будет эта сеть как панцирь, что надобен богатырям!

НЕВЫНОСИМЫЙ ГНЕТ

Что за гнет невыносимый! Тело и душа горят,—
Вам не стыдно это пламя увеличивать стократ?

Сердце я свое утратил,— вам и душу отдаю:
Странников не разлучайте, мне теперь не жаль утрат.

Превратили вы в безумца, в одержимого меня,
Но встречаете с улыбкой всех соперников подряд.

Где же прежние свиданья? Почему не вижу вас?
Разве я перед коварной, перед вами виноват?

Верность я избрал законом, вы мне дали сотни клятв,
Где же в этих клятвах верность — лучшая из всех
наград?

Как не звать из помощь бога, как терпеть мне ваш
обман,
Если своему коварству вы не знаете преград?

Словно Кербела-пустыню, стрелами разя людей,—
Эту землю вы в кровавый одеваете паряд.

Мой педуг — разлука с вами, я, больной, лежмя лежу,
Знайте: только наши встречи исцеленье мне дарят.

Если будете и дальше равнодушьем убивать,
То погибнет, задохнувшись, ваш покорный раб Фуркат.

О ЕСЛИ БЫ

О если бы остаться нам, красавица, вдвоем,
От глаз моих соперников избавиться вдвоем!

Ярмо тысячелетнее слабеет от вина,
Так выпьем: надо с тяжестью нам справиться
вдвоем!

Пойдем же, взявшись за руки, чтоб роза, соловей
Поникли, чуть влюбленные появятся вдвоем!

Найдем в вине забвение от вековечных мук,
Но пить вино забвения мне нравится вдвоем!

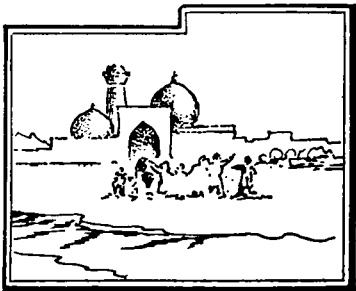
Мы кипарисы вынудим пред нами пасть в пыли,
Пусть голубок и горлинка кровавятся вдвоем!

Заставим человечество в смятении дрожать, —
Пора с тобой на торжище отправиться вдвоем.

Фуркат не знает радости, он может лишь с тобой,
С тобой, моя красавица, прославиться вдвоем!

АБАЗ
ОТАП

СТИХОТВОРЕНИЯ

* * *

Кто на земле несчастней нас и кто слабее нас, народ?
Меч угнетенья на куски тебя рассек сейчас, народ.

Доколе несколько неведжд тобою будут управлять?
Доколе будешь ты рабом и слезы лить из глаз, народ?

У притеснителей твоих ни совести, ни чести нет,
Лекарства нет, хотя твой взор уже почти погас, народ.

Впя во всем жестокий рок, ты умираешь без борьбы,
Все так же далека та цель, что пред тобой зажглась,
народ.

Твоим правителям чужда забота о родной земле,—
Для проходимцев и воров был жертвой столько раз народ!

* * *

Да здравствует свобода, прекрасная, вожделенная!
Соединитесь, люди, чтоб раем стала вселенная!

Развеян мрак насилья, взошла звезда справедливости,
И над моим народом она сияет, петленная!

Единым телом станем, народы разпоязыкие,
Светла труда и знанья дорога благословенная.

Как братья, вы мне близки, о шара земного жители,
И что в сравненье с вами душа моя драгоценная!

Да здравствует свобода, твои борцы и защитники,
Их преданность народу, отвага их незабвенная!

Друзья, благоустроим теперь свое отечество,
Пусть явью светлой станет мечта людей сокровенная.

Аваз, благослови же год девятьсот семнадцатый;
В нем — будущего песня и радость в нем вдохновенная.

Ужасные настали времена,
Произрастают злобы семена.

Ожесточаются сердца людей,
Живые чашу смерти пьют до дна.

Скажите мне, где верность, где любовь?
Душа моя тоской удручена.

Так много расплодилось свойств дурных,
Что честность на позор обречена.

Кто благороден — в униженье гот,
А низость в образец возведена.

Паденье нравов вижу я вокруг,
Верна супругу редкая жена.

Аваз, твоя душа полна госки
Затем, что дорога вещей цена.

* * *

Ушло, исчезло столько трудных лет.
Кто молод был, теперь согбен и сед,

От цели далеки мои друзья,
Моим врагам подвластен целый свет.

Ушли розоволикие навек —
Цвет красоты, очарованья цвет.

Равно в могильный превратились прах
Суровый воин, сладостный поэт.

Еще в живых немало есть друзей,
Но кто их может защитить от бед?

Наступит скоро твой черед, Аваз,
Ушло твое здоровье, силы нет.

Увы, мой брат, не вечен этот мир.
Жестокостью отмечен этот мир.

Он вероломен, зол, несправедлив,
Бессилен, бессердечен этот мир.

Подвержен тот превратностям судеб,
Кто посетил, беспечен, этот мир.

Страшись его, разумный человек:
Безумьем искалечен этот мир!

Обидам и мученьям нет конца,
Затем, что бесконечен этот мир.

Забудь о чаяньях своих, когда
Вступил ты, горем встречен, в этот мир.

Аваз, несчастны верные сердца,
Пока бесчеловечен этот мир.

ЧЕТВЕРОСТИШИЕ

Чиновникам взятки нужны,
Святошам достатки нужны,
Но разве нам, беднякам,
Такие порядки нужны?

МУХАММАС НА ГАЗЕЛЬ НАВОИ

В сердцах людей неблагодарных любовь всегда мертва,
Затем, что не даны лисицам и честь и смелость льва.
Им соловья стенанья чужды, нет с горлинкой родства.
Также ли в огне любовном пылают, как трава?
Дано ли шахам и султанам понять любви слова?

Взгляни на тех, кто занимает высокие места!
Они любви не понимают, когда она чиста.
Их не заставит удалиться в пустыню красота,
Разбоем и кровопролитьем душа их занята,
Они любовь познать готовы, купив ее сперва.

То, что Ширин была кумиром и городов и страп,
То, что страшна разлука с нею, что пет ужасней рап,
То, что дороже всех сокровищ и лик ее, и стан,—
Поймет Фархад, народу близкий, и не поймет султан,
Который отнял у народа последние права.

А я, во мраке пребывая, любовь свою храня,
Пока еще напиток страсти не горячей огня,
Бегу в пустыню, обезумев, забыв сиянье дня,
Увы, уже осенний ветер к земле пригнул меня,
И древо жизни увядает, и падает листва.

Вот мой удел: меня подруги жестокий нрав убьет,
Мое тоскующее сердце она, поправ, убьет.

Она пройдет, меня чаруя, очаровав,— убьет.
Что сделает со мной разлука, чей след кровав? Убьет!
Но я воскликну, умирая: «Моя любовь жива!»

Сердца холодные смятенной печали не поймут,
Друзья — и те моей кручины вначале не поймут,
Поймут ли, что меня оковы сковали? Не поймут!
Что погибаю, что спасусь я едва ли? Не поймут!
Моя любовь уже не в силах дожидаться торжества.

О нищих богатей румяный не ведает забот.
Он о голодных, вечно пьяный, не ведает забот.
Повсюду мпожит он обманы, не ведает забот.
Увы, о бедняках султаны не ведают забот,—
Аваз, как Навои, надейся на милость божества.

МУХАММАС НА ГАЗЕЛЬ АГАХИ

Когда небесный рисовальщик явил долине образ твой,
Он создал из прекрасных красок и чистых линий
образ твой,
Чтобы меня привел в смятенье, привел в унынье
образ твой.

Беда, беда, моя шалунья: светлей святыхи образ твой!
Я сердце потерял и разум: ищу в кручине образ твой.

Сто тысяч разочарований, сто тысяч тягот — мой удел,
Затем, что встретиться с тобою, красавица, я захотел,
Вступил я в ночь разлуки черной, в ее губительный
предел,

Где новую обрел я душу, в другую плоть ее одел,
Но верю я: исполнен света и благостыни образ твой.

Иль вправду миру ты открыла красы божественный
родник,

Что люди толпами стремятся взглянуть на твой
желанный лик?

Я тоже в той толпе несметной, как все, к стопам твоим
припик,

Я тоже на тебя, безумный, взглянул — и в этот самый миг
Я стал бесплотною картиной, а на картине — образ твой.

Когда твое изображение в своих стихах я узнаю,
Я падаю в изнеможенье, как бы стремясь к небытию.

Но что, скажи, со мною будет, когда я окажусь в раю,
Когда я наяву, шалунья, увижу родинку твою?
С ума сойду, меня заставит блуждать в пустыне образ
твой!

Я знаю: не было и прежде твоим поклонникам числа,
Но чья любовь с моей сравнится? Она чиста, она светла!
О сонм влюбленных, мы безумны,— безумью нашему
хвала!

Я, слабый, к жизни возродился, когда ты предо мной
прошла,

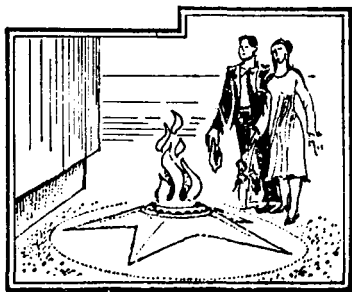
И я, поверь, своей душою зову отныне образ твой.

Я в одиночестве страдаю, рыдаю горько в тишине,
В тюрьме невыносимых бедствий стою в цепях,
горю в огне,

Хвалю твой стан, а сам я согнут: печали бремя на спине...
Я — только зеркало немое, и отражается во мне
Вершина прелести нетленной, а на вершине — образ твой.

Аваз! Когда краса вселенной тебя захочет предпочесть,
Сдержи ликующие клики, услышав радостную весть,
Забудь отвергнутых влюбленных — тебе их все равно
не счесть!

Ты, Агахи, в родном Хорезме храни достоинство и честь,
Чтоб не тускнел, не стал мне чуждым по той причине
образ твой!

ГАФУР ГУЛЯМ

ЮНОШАМ

Вы — гордость народа, источник даров,
Ядро поколенья, земное цветенье,
Виновники свадебных светлых пиров,
Опора отчизны, ее вдохновенье.

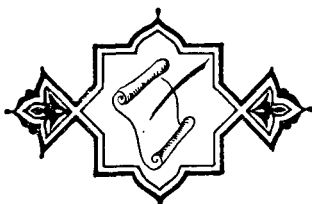
Вы — сила, и края нет силе такой,
Вы — крепость, вы — мира хребет горделивый,
Вы — старых родителей сладкий покой,
Вы — смеха девического переливы.

Я всю свою жизнь променять бы готов
На вашу весну, на расцвет плодоносный.
Вы — чаянье близких и дальних годов,
О вас уже грезят грядущие весны.

Герой покидает родимый очаг
И ранит разлукою седоволосых.
Вы — шум тополей в многозвездных ночах,
И стан ваш — народа испытанный посох.

Вы — воины чести: из нашей страны
В позорное бегство вы смерть обратили,
В огне и метели священной войны
Вы жизнь отдавали и жизнь утвердили.

Атомной энергией ваших сердец
Исполнено сердце державы нетленной.
Вы — счастье, вы — слава, вы — мира венец,
Вы — стражи отчизны, вы — судьбы вселенной.

БАБУР ПИШЕТ СТИХИ

В блистательном расписанном покое
Ковров играет пламя золотое.

Одеты стены в сказочный наряд,
Узоры, словно уголья, горят,

А своды — словно небо, что согрето
Пылающими красками рассвета.

Повсюду золото и серебро,
Из золота — в руках его — перо.

С пера, как птицы грустные, слетели
И на бумаге улеглись газели.

Еще душа, как месяц, молода,
Черна, как полшочь юга, борода,

Еще у острой мысли мощь такая,
Что устремилась, камни рассекая,

Еще напев по-юному крылат,
И рифмы в сердце арфами звенят.

Но только нет числа душевным ранам,
Но день, грядущий день, повит туманом.

Индийский шах — паедине с собой.
На нем камзол — как море голубой.

Чалма намотана с тончайшим вкусом —
На зависть этим модникам безусым!

На пальцах — перстни; как на них ни глянь —
Звездою каждая сверкает грань!

Он — Индии властитель непреклонный,
Творит он справедливости законы,

От близких и от родины вдали
Он стал царем таинственной земли.

Обрел он здесь величье и державу,
Власть и богатство, знание и славу,

Но в сердце у него всегда одна,
Одна неповторимая страна!

По всей земле бродил Бабур-бродяга,
Его влекла стихов живая влага,

И до сих пор, хотя прошли века,
Шумит его поэзии река,

Он стал царем, наперсником удачи.
Нет в мире края Индии богаче.

Здесь тешат сердце, восхищают глаз
Сапфир и жемчуг, яхонт и алмаз.

Как тополь, высится светильник рядом
И льется свет могучим водопадом.

Здесь у Бабура — золотой престол,
Здесь книги, чью премудрость он прочел,

Но только нет у шаха на престоле
Далеких детских снов, родных раздолий.

Он вспоминает милый Андижан,
И запах трав, и на лугах туман,

И шум садов, и воздух синий-синий,
Где юношей скакал он по равнине,

Где жадно пил из козьих шкур кумыс,
Где первые созвучья родились...

Томительное, трепетное чувство
Волшебно превращается в искусство,—

Все то, что пережил, перестрадав,
Выводит он пером, как каллиграф,

И возникают на цветной бумаге
Стихи царя, поэта и бродяги.

УЙГУН

ХЛОПКОРОбУ

Повсюду золото: на гроздьях юга,
На равних облаках и на лугах,
И только светлый хлопок, сбитый туго,
В мешках белеет на токах.

О сколько дней тревожных, долгих, трудных
Ты, хлопкороб, растил свое добро,
Чтобы теперь в шкатулках изумрудных
Переливалось серебро!

И ты, и наша сказочная осень
Творите драгоценности вдвоем,
И благодарность мы тебе приносим,
И песни о тебе поем.

Ты вдохновенье даришь людям щедро,
И так высок рабочий твой удел:
Проик ты в черные земные недра,
Чтоб хлопок на земле белел.

ЖИЗНЬ

И разума родник, и вся природа — жизнь.
Бесценных чувств родник, честь и свобода — жизнь.

Преображенная моим трудом земля,
Сверкающий цветник и блеск восхода — жизнь.

Грядущее страны, зовущее к себе,
Борьба, и творчество, и мысль народа — жизнь.

И первая любовь, и времени полет,
И нам подвластная высь небосвода — жизнь.

Многоязыкие, мы чтим ее, как мать,
Поэма, что ясна без перевода, — жизнь!

ИСКУССТВО

В забвенье камень жил безгласно,
Но вот ваятель в некий час
Его руками тронул властно,
И камень стал одним из нас.

Он женщиною стал, в которой
Пытаемся мы разгадать
Жену, что будет нам опорой,
Сестру иль молодую мать.

Она то весело, то грустно
Глядит, исполнена ума...
Искусство больше чем искусство:
Искусство — это жизнь сама.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ВЕК

Никому не ведом день рожденья,
Каждому понятен смерти час.
Жизнь к живым не знает списхожденья,
Но она всегда чарует нас.

Не дана, увы, живому вечность,
Но поскольку нет иных дорог,
Мы согласны жить и малый срок:
Счастье человека — человечность.

Вороп долговечней, спору нет,
Но к чему его благополучье?
Тьмы крошечной и бескрайней лучше
На мгновенье просиявший свет.

Жизнь не жизнь, когда она бесплодна,
Долог век воропий, но и слеп.
Человеку счастье соприродно,
Ибо он грудом добыл свой хлеб.

Был и не был вороп долговечный,
Но, с мирами утверждая связь,
Человек на Путь выходит Млечный,
И в бессмертье входит он, трудясь.

МАКСУД ШЕЙХЗАДЕ

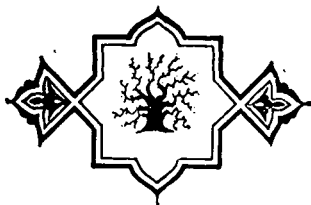

ТАМАРЕ ХАНУМ

Вы на сцене в одеянье пестром,
Вы и песня двум подобны сестрам,
Вы поете — и поют глаза,
И уста, и трепетные руки.
Сколько ярких красок в каждом звуке!
Вы поете — это голоса
Родника, нагорья, океана,
Это песня гордая Пхеньяна,
Это Андалузии напев,
Это смех веселый Еревана,
Это шепот аравийских дев,
Это Адриатики призывы,
Это упоительно красивый
Хорезмийский пляшущий мотив,
Это колыбельная Китая,
Это Индия звенит, блистая,
В плен сердца и мысли захватив.

Слышен голос властный, звонкий, хрупкий.
Мимо дома вашего иду.
Нет, не разлетаются голубки,
Нет, не соловьи свистят в саду,—
Кажется мне, будто люди разных
Нравов, и обычаев, и рас,
Чтоб отпраздновать чудесный праздник,
В доме репетируют у вас!

ХАМИД АЛИМДЖАН

ПОЕЗДА

Тишина степная. Даль ночная.
Гул в ночи. И снова тишина.
И слежу за степью из окна я:
Степь в чудесный сон погружена.

Этот сон спокоен и недолог —
Сон земли, и неба, и воды.
Опустила ночь свой темный полог,
На котором ни одной звезды.

Ночь безмолвно по земле проходит,
По-хозяйски взгляд ее широк, —
Будто бы, задумавшись, подводит
Радостным дневным трудам итог.

Спит земля, и сон ей снится дивный:
Степь лежит без края и конца,
И составы мчатся непрерывно,
Огненные бьются вх сердца.

За собой оставив величавый,
Неисхоженный степной простор,
В гору поднимаются составы,
Дерзкие, бегут к вершинам гор!

Мчатся поезда в стране свободной,
Каждый, как степной орел, крылат:
Это нашей дружбы всенародной
Вестники счастливые летят.

СНЕГ В СТЕПИ

Всюду снег, ослепительный снег.
Как помотришь — глазам станет больно.
Перед ним — ни преград, ни помех,
Он повсюду лежит своевольно.

День бежит по дорогам степным,
И, внимая упорному бегу,
С бесконечных небес белый дым
Опускается медленно к снегу.

И мне кажется, будто на степь,
Где и холм не виднелся доньше,
Низвергается горная цепь,
Вырастая на белой равнине.

Удивленное чудом таким,
На равнинные глядя просторы,
Даже солнце завидует им,
Издалёка завидуют горы.

Солнце хочет разрушить огнем
Эти скалы, возникшие мнимо,

И сгорают в прострапстве степном
И подножья, и выступы дыма.

Солнце, дымный пизвергнув обман,
Чашу с пламенем тучам подносит
И художника радостно просит
Воссоздать этот снег и туман.

ХУЛЬКАР*

Моей дочери

Разверни свои крылья над югом
И по звездным путям полети,
Шаловливым и резвым подругам
Ты цветы накажи принести.

Озари нам и горы и доли
Ранним утром и в блеске ночей,
Когда месяц нам сыплет в подолы
Вороха серебристых лучей.

Будь подобна весеннему чуду,
Будь причастна весенней судьбе,
И куда ни пойдешь ты,— повсюду
Пусть сопутствует счастье тебе.

Пусть, увидев тебя, розы вспыхнут.
Все земное собой оживи!
Пусть, увидев тебя, люди стихнут
И сторгят соловьи от любви!

* Хулька́р — вечерняя звезда; женское имя.

ЗИМНЯЯ УЛИЦА

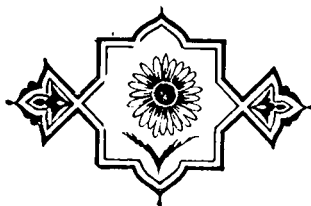
До чего эта улица мне дорога,
Где сегодня певуча душа,
До чего же белы и пушисты снега.
До чего тишина хороша.

Эту ясность мне хочется в сердце сберечь,
Чтоб она зазвучала для всех,
Чтобы стала чиста и нежна моя речь,
Словно первый на улице снег.

А деревья белы, будто их облака
Искупали в своей белизне,
И тревога светла, и дорога легка,
И чудесная бодрость во мне.

И по улице в первом пушистом снегу
Я с таким наслаждением иду,
Что мне кажется: в белом тумане могу
Молодую увидеть звезду...

МИРТЕМИР

МАРИЯ

Редкостная, единственная,
Господи, как вы прекрасны!
Радостная, таинственная
Дума в ваших глазах.
Истинной человечности
Образ мудрый и страстный,
Вы — как загадка вечности,
А разгадка — в наших сердцах.

Сам, говорят, всевышний
Вас полюбил когда-то.
Этой любви давнишней
Многим памятна дата.
В домик плотника местного
К вам, среди прочих дел,
Он с престола небесного
Так, на часок, слетел.
Но красотой очарованный

Женщины молодой,
Тысячу раз нарисованной,
Названной ныне святой,
Он, говорят, скитается,
Чтобы с вами встретиться снова,
Он, говорят, считается
Странником без крова...

А, быть может, был он в то время
Юношей, этот бог,
И скудной мудрости бремя
Еще он узнать не мог,
А юность, — она, как пламя,
Как добра беспощадный свет,
А юность, — она, как знамя
Для поздних, грядущих лет.

Вы были возлюбленной бога,
Но почему сейчас
Печально, стыдливо и строго
Смотрите вы на нас?
Скажите, — к чему эта жалоба?
Откуда мольба и стыд?
А рядом волна, как палуба,
Качается и скрипит.
Зеленые, синие полосы
Катятся друг на друга,
И треплет ваши волосы
Соленый ветер юга.
К порогу абхазского храма
Подкатывается волна.
Так жарко и так упрямо
О чем говорит она?

Но море не разбазаривает
Слова, как бессильный поэт, —

Оно умно разговаривает
С нами тысячи лет.
Так что вам сказало синее
Кипенье морской волны?
Что вы с арабской пустынею
Давно разлучены?
Вам сказочный Нил мерещится?
Вам снится Иерусалим?
Пусть волны, как прежде, плещутся,
А мы поговорим.

Человечество многих знавало
Богов на своем веку.
Оно поклонялось, бывало,
Ветру, огню, быку,
Солнцу с его рассветом,
Чистому роднику,—
И многих свалило при этом
Богов на своем веку.

Ормузда, Зевса, Ваала
Прогнали мы прочь с наших глаз,
Но ваша околдовала
Улыбка печальная нас.
С молитвой или с любовью
Рабы в унижении шли,
Внимали вы славословью
Грешных детей земли.
А я — не раб, не наемник,
Небес мне подвластна высь.
Я к морю пришел, как паломник,
А вы говорите: «Крестись!»
А вы говорите: «Покорно
Молись мне от всей души!..»

Да, вы красивы, бесспорно,
Мария, вы хороши,
Но я вам должен признаться
На этом морском берегу,
Что я не привык поклоняться,
А вас любить не могу.
Вот если б я встретил другую,
Подругу юных дней,
Тех дней, о которых тоскую,—
Склонился бы я перед ней.
Я вас разгневаю, знаю,
Чувство к другой не тая,
Но так прекрасна земная,
Живая Мария моя!

ХАЛАТ

Пришли в Москву издалека, пришли из кишлака,
Четыре честных бедняка, четыре ходока.
Они пришли, как сыновья, которых ждет отец,—
Чабан, гончар, и хлопкороб, и молодой кузнец.
Они, познав свои права, пустились в трудный путь,
Чтоб Ленину сказать слова, на Ленина взглянуть.

Решил степенный хлопкороб: «Он, Ленин,— из крестьян.
Склонял он много раз к земле свой богатырский стан».
Сказал чабан: «И я слышал, что Ленин — богатырь,
Он ростом — словно горный кряж, в плечах — степная
ширь».

А люди говорят не зря: известно нам давно,
Что свергнуть белого царя не каждому дано!
«Вы правы,— подтвердил гончар.— Он виден всей земле,
И ходит слух, что он в любом искусен ремесле».
Воскликнул молодой кузнец: «Не спорьте вы со мной:
Он молотом своим взмахнет — и дрогнет шар земной!»

Явились в Кремль издалека четыре ходока,
Четыре честных бедняка пришли из кишлака.
Увидели чабан, кузнец, гончар и хлопкороб:
Он коренаст и невысок, не стар, широколоб,
И прост — ну до чего же прост: как будто близкий друг!
Но улыбнется — и светлей становится вокруг.
В глазах раскосых — доброта, душевность, смелый ум,

Тысячелетняя мечта и мощь народных дум,
В глазах — зарницы мятежей, предвиденье веков...
Так вот он, стало быть, каков, вожак большевиков!

Он спрашивает: как дела у друга-чабана?
И хватит ли семье зерна? И хватит ли руна?
Раскрылось много ли кустов на хлопковых полях?
Работать каждый ли готов за совесть — не за страх?
Ясна ли мысль, что все они — хозяева страны
И что рачительно они хозяйствовать должны?
Вошли ли ложка с вилкой в быт? И меньше ль тьмы
и лжи?
И рады ль женщины на мир смотреть без паранджи?

Подумав, обещает он, что в самый краткий срок
Мануфактуры эшелон отправят на Восток.
В такой тяжелый, скудный год — такой бесценный дар!
Обрадовались хлопкороб, кузнец, чабан, гончар
И встали с места, чтоб надеть на Ленина халат,
А выбран бы халат умно: ни беден, ни богат...
Обычай! Отказать нельзя, — он это твердо знал.
Сейчас Ильич — ни дать, ни взять — узбекский аксакал!

Ушли четыре ходака, посланцы кишлака.
Их битва правдою крепка, но битва — пелегка.
А Ленин снять забыл халат. Он в думу погружен.
Свободный мир со всех сторон врагами окружен.
Но сердце жизни воронью не выклевает вовек.
Ты далеко, но ты со мной, соратник мой узбек!
Тобою пролитая кровь — живой воды поток,
Твоя земля воспрянет вновь — и озарит Восток.
Ты на меня надел халат, а сам разут, раздет,
Но хлопком ты оденешь мир, сомненья в этом нет!

Взгляни, Надюша, на халат, взгляни на эту ткань.
Она — как древняя земля в предутреннюю рань.

Я вижу, глядя на нее, седых ткачей, портных
И женщин, добывавших шелк из коконов тугих,
И мудрость трудовых людей, и их любовь к цветам,
И щедрость, что еще древней, быть может, чем Адам...

Четыре мастера домой, на родину спешат.
В квартире Ленина висит подаренный халат.
Его основа — серебро? Луч солнечный — утѳок?
Иль, у жар-птицы взяв перо, его скроил Восток?
Иль он из радуг четырех на диво сотворен?
Иль то весна земных дорог видна со всех сторон?
Иль это капля мастерства народа-мудреца,
Та капля, что всегда жива и радует сердца?

Текли века, за часом час, как медленный рассказ.
Народ свободен в первый раз, свободен в первый раз!
Его старинная страна для счастья создана.
Пусть вечно здравствует она, пусть властвует весна!
Народ, весною озарен, исполнит светлый долг:
Еще весь мир оденет он в свой хлопок, в яркий шелк!

ЗУЛЬФИЯ

* * *

Мой друг, ты спишь в земле. Но как мне нужен ты!
Поговорю с тобою, посижу я.
Давно ли ты, мой друг, мне приносил цветы?
Теперь к тебе с цветами прихожу я.

Забывать ли дни любви, горснья и труда?
Теперь ко мне навстречу ты не выйдешь.
Лишь радость видел ты в моих глазах всегда.
Теперь ты даже слез моих не видишь.

МОЯ ПЕЧАЛЬ, ТВОЯ БЕДА...

В невидимом горю я пламени,
Что не погаснет никогда.
Печаль пришла, печаль нашла меня —
Моя печаль, твоя беда.

Засну — приснишься неминуемо,
Проснусь — ищу тебя в жару.
Моя строка, тобой волнуема,
Не подчиняется перу.

Могу ли стать спокойней, сдержанней?
О, почему, скажи мне все ж,
Любовь, чем ты самоотверженней,
Тем больше горя нам несешь?

Моей печали постижение —
В потоке месяцев и дней,
Хотя я с ней веду сражение,
Она становится сильней.

Твоим я счастьем счастье меряю,
С тобой слилась на все года,
И даст мне силу — твердо верю я —
Моя печаль, твоя беда.

ЧИТАТЕЛЯМ

Когда, еще в девические годы,
Зажгла для вас я искры первых строк,
Он слился с мощным пламенем свободы,
Тот неприметный, робкий огонек.

Сказали мне: «Гори, не угасая!
Мы знаем, что губителен пожар.
Но пламя сердца, песнь твоя простая,
Да будет нам как благотворный дар».

Я это пламя отдала долинам,
Чтоб ярко в каждом вспыхнуло цветке,
Студенческим вагончикам целинным,
Текстильщицам в рабочем городке.

Любви и правды огненная сила,
Казалось, двигала моим пером,
Ни горя, ни веселья не таила,—
Я честно говорила обо всем.

Я — дочь народа, мастера большого,
Что трудится, поэзией дыша,
Сумею ли ему сказать я слово,
Спящее, как его душа?

* * *

Давно твой взгляд я не ловила взглядом,
Поэт моей души, моей земли;
Давно с тобой мы не сидели рядом,
Беседы задушевной не вели.

А сердце? Сердце позабыть не может
Той книги, где живет твоя любовь.
Едва лишь ветер струны растревожит,
Оно звенит: «Найди ты друга вновь!»

Та сила, что сердца соединила,
Влечет к тебе, не ведая преград.
Хочу я все забыть, но эта сила
С годами стала пламенней стократ.

О, если бы назло природе, если б
Назло богам и всем врагам на страх
Ты ожил бы — и радостно воскресли б
Все наши поцелуи на устах!

Владыка сердца моего! Впервые
Я стала б на колени пред тобой,
Чтобы войти в твои глаза живые
С моей любовью и моей судьбой!

ТЮБЕТЕЙКИ С ПУШИСТЫМИ СУЛТАНАМИ

То ли дождик весенний блестит на камнях и струится.
То ли быстрые рыбки резвятся в объятьях речных,
То ли с песней выходит Куляш — дорогая певица,
То ли в сердце поэта крылатый рождается стих?

Приближается музыка, людям даруя веселье,—
Это к нам приближаются девушки пестрой гурьбой.
Как пежны, как задорны, игривы глаза их газельи,
Это степи весной, это сам Казахстан молодой!

На овальных щитках тюбетеек пушисты султаны,
В черных косах — монеты: подвесков звенит серебро.
Перья филина, эти султаны — как соп несказанный,
Чтобы их описать, Ауэзова нужно перо!

И шуршат, и скользят, и трепещут с оборками платья,
Будто выросли чудом на тропке засохшей цветы.
Улыбаются губы, и в сердце готова принять я
Прелесть этой улыбки, сияющий свет доброты.

Это семь лебедей белоснежных, властительниц края,
Величаво плывут по воде, что воспета певцом.
Молодой мой товарищ, от страсти рассудок теряя,
Хочет взяться за весла, наняться на лодку гребцом,

Слишком грубы слова, и спросить я пытаюсь глазами:
«Чудо-лебеди эти откуда плывут и куда?»

«Из колхоза — и друзьям. А друзья, понимаете сами,—
Те орлы молодые, которые ждут их всегда». —

Юный друг мой в отчаянье... Семь сновидений румяных
В семь сторон усгремляются, будто бы семь ручейков...
Долго буду я помнить об этих пушистых султанах,
О чудесном уборе, оставшемся с давних веков.

Понимаю: как видно, красавицы эти в наследство
Получили изысканный вкус от своих матерей,
Поэтичную душу, способную с малого детства
Ощущать красоту, от которой на сердце теплей.

Если вызвать хотите повсюду восторг или зависть,
Неприменно наденьте казахский народный наряд,
И царицей вы станете алма-атинских красавиц,
Вы услышите, как с восхищеньем о вас говорят. —

В раннем детстве и я тюбетейку с султаном носила,
Я добром поминаю мою незабвенную мать,
Что меня уважать и ценить красоту научила
И обычай наших друзей всей душой понимать.

НЕ ОТНИМАЙТЕ У МЕНЯ ПЕРА!

«Когда-нибудь у вас я украду
Перо».

Вы мне сказали это в шутку,
Но в шутке вашей слышу я беду,
Грозящую и сердцу и рассудку.

Не отнимайте у меня пера,
Не делайте меня глухонемою!
Другого много у меня добра,
Возьмите все, свой выкуп я устрою,—
Не отнимайте у меня пера!

Я не Хафиз, и я дарить не буду
Вам города!

Поэзию мою
И пламень сердца вам я отдаю,
Чтобы для вас он запылал повсюду.

Как любящая, верная сестра,
Я посвящу вам ночи и утра,
Исполнить вашу волю я готова,
Но только мне мое оставьте слово,
Не отнимайте у меня пера!

Не хватит хлопка вам? Я хлопком стану.
Зерна не хватит? Стану я зерном.

Болезнь начнете? Исцелю я рану,
Настанет праздник? Разольюсь вином.

Я воспую ваш путь нелегкий, правый,
Я расскажу, как ваша мысль остра,
Я стану летописцем вашей славы,
Я опишу ваш подвиг величавый,—
Не отнимайте у меня пера!

Мое служенье вам — стихосложение.
Перед родным народом я в долгу,—
Так дети пусть продлят мое служенье,
Когда перо держать я не смогу.

Я счастьем насладилась небывалым,—
Я присягнула детям и перу.
Когда без них останусь,— я умру,
Мое лицо закройте покрывалом,
Но если вы хотите мне добра,—
Не отнимайте у меня пера!

КАПЛЯ

Тебе сегодня пятьдесят, мой друг.
Ты далеко сейчас, но тем заметней,
Что солнцу тоже пятьдесят, что луг
Покрыт травой пятидесятилетней.
Перу, бумаге тоже пятьдесят,
И жизнь такая в строчках загорелась,
Что листья дышат и дожди шумят,
А грусть и радость обретают зрелость.
Арабы нам сказали всех ясней,—
Они слывят недаром мудрецами,—
Что расстояний в мире нет длинней,
Чем расстояние между сердцами.
Но если расстояние велико,—
Мне мысль арабов кажется бесспорной,—
От сердца к сердцу, что не так легко,
Я мост прокладываю стихотворный!
Я тайно не приду. Я не войду
В твой дом, в твою судьбу, подобно клину.
Я не накличу на тебя беду
И то, что ты воздвиг, не опрокину.
Но в день, когда придут и друг и враг,—
Как свет, как первое стихотворенье,
Как сказка, появлюсь, раздвинув мрак,
Твое смятенье и твое горенье!
Мне, капле, что почет и непочет!
Для капли место — на листе и в чаше.

Тебя восторг веселья увлечет —
За тостом тост, один другого краше.
Но вдруг поставишь ты пустой бокал,
Окинешь всех отсутствующим взглядом,
Как бы чего-то, что всегда искал,
Недостает, а быть могло бы рядом.
Исчезнет все, чем жизнь была полна,
Себя почувствуешь ты одиноким.
Проглянешь руку, чтоб испить вина,
Но не зажжешься пламенем высоким.
Измучает тебя тоска твоя,
Она тебя иссушит, отрезвляя,
Подобная слезинке соловья,
На дне бокала капелька живая!
Пусть эта капля горяча, светла,
Она огня хмельного не дарует,
Но без огня испепелит дотла,
А наслаждением не очарует.
Кто это капля? Воспаленных глаз
Слеза, от мира скрытая вначале?
Мечта, что слабой искоркой зажглась,
Когда воспоминанья зазвучали?
Иль то любви пугливой робкий дар,
Давно забытый и оживший снова?
Иль сердца женского желанный жар,
Коснувшийся дыханья ледяного?
Что б ни было, но эта капля — я,
Я, я сама. И ты себя не мучай,
Ты берегись прозрачного питья.
Не пей: нет счастья в этой капле жгучей.

МУШОИРА

Уже пришла вечерняя пора.
Сошла жара.
Идите к нам: у нас мушоира,
Мушоира!

Здесь близким друг становится далекий,
Здесь праздник мастерства,
Здесь рифмы соревнуются и строки,
И чувства, и слова.
Чья краски ярче? Глубже описание?
Чья мысль остра?
Звонит, гремит поэтов состязанье —
Мушоира!

Для цветника поэзии восточной,
Для звонкого созвучья, мысли точной
Не нужен пышный или душный зал:
Поэт, придя сюда, с собою взял
Лишь песню, песню Нила или Ганга,
И только удивительный навес
С плодами нарисованными манго
Слегка нас отделяет от небес.
И вечер, голубей Бенгальского залива,
Нас окружает с четырех сторон,
И в блеске звезд, вдали горящих горделиво,
Свет наших ламп чудесно повторен,

А ветерок приносит с побережий
То запах трав, пронзительный и свежий,
В котором есть вечерняя роса,
То песню девушек индийских,
То птиц, неведомых, но близких,
Пленительные голоса.

Вы вдохновенья слышите приказ?
Веленье смелого пера?
Друзья, идите к нам, идите к нам! У нас
Мушоира!

На возвышении, украшенном ковром,
Что радугу напомнил нам по цвету,
Своим душевным делятся добром
Все те, кто к правде гянется и к свету.
Да, в этом поэгическом салу
Есть малые цветы и мощные чинары,
Но вижу я: сейчас и молодой и старый —
В одном строю, в одном ряду.
Обычай Востока строги,
И в Индии мы их нарушить не хотим:
На радуге-ковре, скрестивши ноги,
Хозяева и гости, мы сидим.
И обувь разноцветная у входа,
Что сняли мы, когда сюда пришли,
Напоминает нам: так вот следы земли,
Где труд, где слава каждого народа!
Индийские сандалии видны
С подошвой деревянной из сандала.
Искусная рука их создавала
Умельца этой сказочной страны,
И если путешествовать я стану —
Надену их, пойду по Индостану!

Они явились из различных стран:
Богинки эти сделаны Багдадом;

На этих — пыль Китая; а Иран
С Цейлоном оказались рядом;
Монгольский сапожок — с пенджабским
каблучком.

Невольно обвожу я взглядом
Те туфли, что моим пошиты земляком,
Ташкентским мастером Ахмадом.
Благодарю тебя от всей души,
Сосед, твои изделия хороши,
И, может быть, сапожник из Кашмира
С тобою соревнуется, мой друг,
Во имя изобилия и мира
И тоже входит в наш звенящий круг.

Седоволосый, с юными глазами,
Что помнит Индию, облитую слезами,
Что видит радостный ее расцвет,—
У микрофона встал поэт,
Старейший в нашем состязанье,
Его участник и глава...
К чему певцу иносказанье?
Текут в душе рожденные слова,
В которых — воля и дерзанье.

Язык находят общий мастера
В такие вечера.
Идите к нам. У нас мушоира,
Мушоира!

Моя подруга, соловей Пенджаба,
Своим стихом вторгается в сердца.
Пусть нежен стих — нет, не звучит он слабо,
В нем сила матери и честь борца...
Читал стихи Вьетнам, читал Непал,
Читал таджик, и русский друг читал.
Чем были строфы ярче, задушевной,
Звенели чище и напевней,

Тем становились ближе нам, сродни,
Сливались в карту Азии они
И Африки, великой, древней.
И ветры, вырывая из сердец
Созвучья, уносили их далёко,
И Запад к миру звал певец,
И счастье возвещая земле Востока.
С поэтов сикхи не сводили глаз,—
Богатыри, что в битвах тверже стали;
Как пламя черное, их бороды сверкали;
Бенгальцы слушали с волнением нас,
В одежды белоснежные одеты...
Все новые и новые поэты
Нам поверяли думы и мечты.
Стихи вставали, как мосты
Для нашей дружбы, нашего сближенья —
Мосты любви и уваженья,
Мосты народной красоты.

О вечер Индии! О, песен упоенье!
Неотделим от слушателя чтец,
И кажется: биенье всех сердец
Слились в одно сердцебиенье!
Друзей и близких славный круг
Уже в моей душе все шире, шире.
Сын Африки запел о мире,
И я почувствовала вдруг,
Как много вынес он, надеясь и страдая,
В борежье закалив слова свои,
И потому в глазах горит любовь святая,
Что солнце у него в крови...

Ты — весть о хлебе, благе и покое.
Не шутка, не игра —
Ты жизнь сама! Входи во все живое,
Мушоира!

Ты всех зовешь, кто строит, пашет,
Отбойный поднимает молоток,
Захочет — землю тканью опояшет,
Кто суть поэзии, душа ее, исток.
Они творят в ином, прекрасном роде,
Стихи не часто входят в их жилье,
Их книги — жаркая любовь к свободе,
Их вдохновенье — битва за нее.
Пусть примут все, кто трудится, участие
В соревнованье наших голосов;
Пусть все, кто сеет, все, кто строит счастье,
Услышат этот зов.
Друзья, поэзии живой и дерзновенной
Пусть блещет всюду огненный накал,
Чтоб мирный человек владел вселенной,
Чтоб только миру песни он слагал.

Друзья, идите к нам под сень шатра,
Под сень добра.
Идите к нам! У нас мушоира,
Мушоира!

АСКАД МУХТАР

В КАРАКУМАХ

В Каракумах, в золотой оправе,
Щедро зеленеет Фирюза...
Словно в честь бойцов, почивших в славе,
И неумолимых, как гроза,
Словно семь богатырей, в пустыне
Утвердивших жизни торжество,
Семь чинар, шумя листвою, ныне,
Поднялись из корня одного.
Облако — предвестник изобилья —
Круто опускается к земле,
И, расправив каменные крылья,
Неподвижен беркут на скале...

Друг туркмен, как дерзновенны думы,
Как бесстрашны символы твои!
Не пески пустыни — Каракумы,
То нетленный жар твоей любви!

ЧИРЧИК

Так вот река Чирчик! С горы спешу к долине я,
А рядышком она как лента вьется синяя.
Я понял: вплетена река в мои тревоги,
И в радости мои, и в дальние дороги.

ПУСТЫННЫЙ КРАЙ

Он, как Меджнун, бежит в безумье и смятенье.
Велик и некрасив. Сожгла его тоска:
Веками жаждет он хотя бы слабой тени,
Хотя бы робкого листка...

МЕРА

Мера есть всему: ты делишь сутки на часы,
Там, куда привозят хлопок, высятся весы,
Можно тоннами измерить уголь или сталь,
Километрами — дорогу, мчащуюся вдаль.

Чем же ты измеришь песню? Все слова проверь,
Мерой хлеба, угля, стали песню ты измерь!
Если хочешь разобраться в наших голосах,
То и хлопок взвесь, и песню на одних весах.

ЗЕЛЕНЬ

Стремится зелень, как поток весенний,
навстречу ливням, грозам и громам.
Зеленоцветный паводок растений
вплотную приближается к домам.

Везде, везде бушующая зелень:
в предгорьях веет свежестью лугов,
бежит к вершинам скал среди расселин
и достигает белых облаков.

Респицами на той поляне стала,
где озера мерцает круглый глаз,
от старых бомб воронки отыскала
и по воронкам ярко разлилась.

Над самой бездной движется беспечно,
спешит к пустыне, дремлющей вдали...
Неистребима жизнь и бесконечна —
ей только дайте горсточку земли!

ЛИСТОК

Не тяжело железо, и скала
не очень тяжела.
Одна лишь в мире тяжестъ велика —
бумажного листка.

Он давит весом в сотни тысяч тонн,
выматывает он
все силы сердца, разума, души
и в бурю и в тиши.

Да и у вас тоской стеснется грудь,
по правде говоря,
лишь стоит угром вам перевернуть
листок календаря.

Листки, листки — промчавшиеся дни.
О, если б не они!
О, если бы не приближался срок
перевернуть листок —

перевернул бы я громады скал
и старости б не знал...
Но верю, верю, что душа всегда
сильна и молода!

МИРМУХСИН

МИР МОЛОДЕЕТ

В просторах вселенной — кружение шара земного,
Моря и равнины вращаются снова и снова,
И движется вдаль человечество вечно живое,
И доброе Солнце — движения первооснова.

Над шаром и громы гремят, и шумят ураганы.
Подобны верблюдам, идут облаков караваны.
То жизнь торжествует, то смерть пируванье справляет,
То — сонное царство, то — жителей бег непрерывный.

Борьба, и покой, и блистательный взлет, и упадок,
Миров столкновенье и стройный творенья порядок,
В просторах вселенной — кружение шара земного,
И сколько пленительных тайн и прекрасных загадок!

Но шар молодеет, и мы — человечества дети,
Часы нашей жизни исполнены тысячелетий.
Отечество наше — источник отваги и блага,
Рождается счастье у нас каждый день на рассвете.

И шар молодеет, взгляните-ка, шар молодеет!
Он борется с мраком, он к свету всегда тяготеет,
Дыханье весны достигает пустынь отдаленных,
Сверкают у нас родники и сады богатеют.

И Ленин, как Солнце,— свершения первопричина,
Начало народных деяний и жизни вершина.
Весной он родился и миру весну возвещает,
И сердце его бьется с сердцем земли воедино.

Весна наступила, весна наступила навеки!
Сливаются наши народы, как вешние реки,
Людская семья молодеет, и мир молодеет,
И в милом краю молодеет душа в человеке.

ТАДЖИЧКЕ

Наш Гиссар — золотиносный дар.

Пословица

У мира ли взята твоя краса бесценная,
Иль у тебя красу заимствует вселенная?
На лоне древних гор ты выросла, красавица,
И молодость твоя — как строчка вдохновенная.
Твой голос — как ручей, как пенье соловьиное,
Мне мило смуглое лицо твое невинное.
За черные твои глаза собой пожертвую,—
Ведь на меня любовь обрушилась лавиной!
Отсутствует в твоих движениях преднамеренность:
Горянке свойственны спокойствие, уверенность.
Неужто может быть такая прелесть юная?
Стою, окаменев, и чувствую растерянность.
Еще тебе скажу, что ты, помимо прочего,
И проникательна, и чудо как находчива.
Такого полюбить, как я, ответь, возможно ли,—
Неисправимого стихов чернорабочего?
А в сердце у меня — обвал, буран, метельца,
И ты поверила, что это не безделица.
Пылая на скале, тюльпан ко мне склоняется,
Как будто бы со мной заветной думой делится.
Сказала: «Золото — гиссарское даренье»,—
И золота любви во мне зажглось горение.
Я жил, существовал, хоть был частицей малюю,
И нет меня теперь, и это — сзаренье.

МОЯ УЛИЦА

Ты въезжал ли в город мой старинный,
Разделенный на две половины?
Слева — древность, молодость — направо.
Слева — стены, медресе, мечети,
пыль Востока, пыль тысячелетий,
справа — горы встали величаво.

Проходил ли ты навстречу зною
вдоль по нашей улице весной?
В старом городе найти нетрудно
улицу, подобную тропинке,
где встают с рассветом по старинке, —
горяча она и многолюдна.

Здесь я становился крепче, выше,
здесь я маки собирал на крыше,
здесь я понял прелесть мирозданья.
Эти глинобитные дувалы

про добро и подвиг небывалый
поверяли мне свои сказанья.

Знаю: улица моя немало
мудрецов и витязей рождала,
бившихся с наспльником, с невеждой;
щедро одаряла уроженцев:
жизнью, светом и теплом — младенцев,
стариков — терпеньем и надеждой.

Я с оружием в руках отсюда
вышел в жизнь, и жизнь была как чудо.
Но забуду ль старых стен соседство?
Но забуду ль в красных маках крышу?
Улицу мою всегда я слышу —
запах кизяка, дыханье детства.

ОДА РУССКОМУ ЛЕСУ

Я весь день провел в лесной деревне,
там, где княжит властная зима,
где дворец серебряный и древний,
красоты студеной терема.

Красота, которой нет предела,—
полюбив, понять ее хочу!
Лес молчит, а вся земля надела
белую, блестящую парчу.

Пленницы зимы — застыли ели.
Серьги-серебро у них в ушах,
цепи-серебро — у них на теле,
на ногах, на девичьих плечах.

Не сгибаются под снегом сосны —
заколдованные силачи,
потому что верят: будут весны,
дружно хлынут жаркие лучи!

Не подобны ли они народу,
что позвал в былом тяжелый гнет!..
Русский лес, тебе сложил я оду,
о тебе душа моя поет.

ИБРАГИМ ЮСУПОВ

ЖАВОРОНКУ

I

Пой, жаворонок мой! Под синевой
Я лягу на траве среди затишья,
Я буду слушать нежный голос твой,
Твои двустипья и четверостишья.
Проник мне в сердце чистый твой напев,
Когда я был мальчишкой босоногим,
Не молкнет он с тех пор, не ослабев,
И ныне восхищает мерным слогом.
Смотрю: купаешься в пыли степной
И вдруг взмываешь в небо голубое,
Поешь — и вдохновение живое
Исполнено любви к земле родной.

2

Мне неказистое твое гнездовье
Встречалось в травах, где текла река.
Твоим созвучьям вторил я с любовью,
Но на тебя смотрел я свысока.
Не знал, что нас обоих сотворила

Одна и та же трудная земля
И, чтоб мы жизнь воспели, подарила
Тебе — вот это небо, мне — поля.

В твоей одной-единственной, недлинной
Извечной песне все так близко мне,
Что кажется: в прозрачной вышине
Я сам рассыпал трели над долиной.

3

Не жаль мне, что асфальт покрыл пути,
Что не видать под ним ребячьих тропок,
Что домика, где рос я, не найти, —
Там ныне поле, там белеет хлопок,
Не жаль мне, что и речка Кегейли
Теперь проложит русло там, где надо,
Что годы, как и воды, утекли,
Нет пустошей, где в детстве пас я стадо,
Но пусть их память сохранит моя,
Пусть труд людей, упорный, вдохновенный,
Омолодит родимые края:
Великие настали перемены.
Пусть, новой озаренные судьбой,
Мы сложим песнь без боли и печали,
Но то, что, жизнь любя, ты пел вначале,
То и теперь, мой жаворонок, пой!

4

Пой, жаворонок с головой хохлатой.
Как сладко воздухом родным дышать!
Тебе внимаю на траве примятой,
Как будто я ребенком стал опять.
В каких бывал я даях баснословных,
Дороги я топтал каких краев,

В каких садах блуждал многодеревных,
Каких наслушался я соловьев,
Но как по этим пыльным побережьям
Истосковался в стороне чужой!
Меня позвал ты зовом звонким, свежим,—
Твоя душа была моей душой.
Ты звал: «Приди. Тебе спою я снова
Ту песнь, что в детстве ты певал со мной».
Как дорог мне залиvistый, степной
Твой голос — и не надо мне иного!

5

Здесь берега родные Кегейли
Весенними дыханьями согреты.
Пой, жаворонок, песнь моей земли,
На твой концерт скупил я все билеты.
Мы совладельцы этих трав и рек,
Здесь родины пространство и величье,
Здесь птицы собеседник — человек,
С людским жильем здесь дружат гнезда птичьи.
Пой, жаворонок: привнесла весна
Мне — весь простор земной, тебе — небесный.
У нас и жизнь, и родина — одна,
А родины и жизни нет без песни.

ВОСТОЧНЫЙ РАССКАЗ

Послушайте старый восточный рассказ:
Проездом Тимур прибыл в город Шираз.
Хотя и спешил повелитель земли,
Велел, чтоб с коней верховые сошли.
Сказал: «Приведите!» И, рвением горя,
Исполнили слуги велење царя.
И вот привели его: хилый, худой,
Казалось, что был он самой ницетой!
Спокойствие гневу Тимур предпочел,
На нищего глянув, двустинше прочел:

— «Когда красавицу Шираза своим кумиром
изберу,
За родинку ее отдам я и Самарканд, и Бухару».

Твои это строки? Скажи, не таись,—
Не ты ли тот самый ширазец Хафиз?

— О да, государь, это я, и готов
Не только лишиться я двух городов,—
В могилу готов за красавицу лечь!

— Ты будешь наказан за дерзкую речь:
Я тоже готов истребить без следа
Того, кто похитит мои города!
Краса-Бухара — мой священный цветник,
Седой Самарканд — мой сияющий лик.
Два города славных, идя на грабеж,
За родинку девушки ты отдаешь!

Чапан раскрывая на впалой груди,
Промолвил поэт: «Повелитель, гляди,
Та щедрость,— твоя справедлива хула,—
Меня до какой нищеты довела!»

Смягчился властитель, услышав ответ,
Его рассмешил остроумный поэт,
Хафиза с почетом отправил домой,
Одеждой его одарил и казной.

* * *

О щедрый поэт, мой учитель — Хафиз,
Несметных богатств расточитель — Хафиз!
Над золотом властвуешь молодо ты,
За родинку отдал два города ты,
Но та, кто зажгла твою страсть на века,
Кого полюбил ты,— была жестока.
А милой моей не нужны города:
Я отдал ей сердце свое навсегда.
Не надо любимой дворцов и казны,
Лишь сердце мое и любовь ей пужны.
Она — образец мастерства и ума,
Она города воздвигает сама.

МУКАННА¹

В те дни молились матери святыне,
А дочери томилась, как рабыня,
А деды, чтобы замолить грехи,
Шли в Мекку посреди сухой пустыни.

В те дни, как старцы злобные, мечети
С враждой смотрели на сады в расцвете,
Но предо мной не Мухаммед с Мусой,
А ты всгаешь из глубины столетий.

Прости меня! Тропой добра и чести
Я не вступил в борьбу с тобою вместе,
Я не откликнулся, когда ты звал
Людей земли, умельцев из предместий.

О если б я шаги свои направил
К тем бунтарям, которых ты возглавил,
И к жаркой крови, пролитой тобой,
О Муканна, я б кровь свою добавил!

О если б, отказавшись от веселий,
Я в битве пал во имя высшей цели,—

¹ Муканна — национальный герой, возглавивший восстание против мусульманских захватчиков (VI—VII вв.)

Не знали б наши женщины чадры
И мы б на мир с опаской не глядели.

Быть может, простодушных поколенья
Не ждали б в страхе светопреставленья,
И в пору бедствий, засух, снежных выюг
Не возносили б в ужасе моленья.

Быть может, сверхъестественные силы
Им не казались бы страшней могилы...
Кто вправе утверждать, что он живет,
Коль дни и ночи для него постылы!

Отец, к труду встававший утром рано,
Не приводил бы мне стихи корана,
Не поклонялся б Мекке, говоря:
«Мой сын, то наша святость и охрана».

И если б я твоих не знал деяний,
Блуждал бы я, как мой отец, в тумане...
Ты, Муканна, хотел бы, чтоб тебе
Воздвигли памятник в Узбекистане?

Но в этом ты нуждаешься едва ли,
Мы строить памятник тебе не стали.
Без пьедестала лучше жить в сердцах,
Чем навсегда застыть на пьедестале.

СОДЕРЖАНИЕ

Лукавая царевна. Народная поэма	3
---	---

Лутфи

Гуль и Навруз. Главы из поэмы	57
Газели	
Что равно твоим кудрям	96
Клянусь, что я тебе не враг	97
Понякли пред красотой твоей	98
Твой стан, твои уста увидев	99
Кто нетленной владеет красотой?	100

Навои

Лейли и Меджнун. Главы из поэмы	103
Семь планет. Главы из поэмы	223

Фуркат Газели

Не сразу, не сразу	379
Из-за твоей красоты	381
На твоём пути	382
Хоть немного	383
На базаре цветов	385
Молоденькая возлюбленная	386
Молодица	387
Твое лицо	388
Брови твои	390
Амброй дышащие черты	391
Пылать меня ты научила	393
Невыносимый гнет	394
О если бы	396

Аваз Отар
Стихотворения

Кто на земле несчастней	399
Да здравствует свобода	401
О языке	402
Ужасные настали времена	403
Ушло, исчезло	404
Увы, мой брат	405
Четверостишие	406
Мухаммас на газель Навои	407
Мухаммас на газель Агахи	409

Мушоира

Гафур Гулям

Юношам	413
------------------	-----

Айбек

Бабур пишет стихи	415
-----------------------------	-----

Уйгун

Хлопкоробу	418
Жизнь	419
Искусство	420
Человеческий век	421

Максуд Шейхзаде

Тамаре Ханум	422
------------------------	-----

Хамид Алимджан

Поезда	424
Снег в степи	426
Хулькар	428
Зимняя улица	429

Миртемир

Мария	430
Халат	435

Зульфия

Мой друг, ты спишь в земле	437
Моя печаль, твоя беда	438

Читателям	439
Давно твой взгляд	440
Тюбетейки с пушистыми султанами	441
Не отнимайте у меня пера!	443
Капля	445
Мушояра	447
<i>Аскад Мухтар</i>	
В Каракумах	452
Чирчик	453
Пустынный край	453
Мера	453
Зелень	454
Листок	455
<i>Мирмухсин</i>	
Мир молодеет	456
Таджичке	458
<i>Азиз Абдураззак</i>	
Моя улица	459
Ода русскому лесу	461
<i>Ибрагим Юсупов</i>	
Жаворонку	462
<i>Мухаммад Али</i>	
Восточный рассказ	465
Муканна	467

Семен Израилевич Липкин

СЛОВО И КАМЕНЬ

Избранные переводы из узбекской поэзии

**Редактор Р. Москалева
Художественный редактор А. Бобров
Технический редактор Т. Смирнова
Корректор Л. Лебедева**

ИБ № 251

**Сдано в набор 4/II-1977 г. Подписано в печать 15/VII-1977г. Формат 70×108 1/16.
Печ. л. 14,75. Усл. печ. л. 20,65. Уч.-изд. л. 15,6. Тираж 10 000. Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма. Ташкент, Навои, 80.
Договор № 9^с-76.**

Отпечатано с матриц, изготовленных на Ташкентском полиграфкомбинате Государственного комитета Совета Министров УзССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли в типографии № 1 на бумаге № 1. Ташкент, ул. Хамзы, 21. Заказ № 310. Цена 2 р.